

Старооскольский технологический институт (филиал)
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский государственный институт стали и сплавов
(технологический университет)»

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Научный альманах

Выпуск 3

Старый Оскол
Издательство КПЦ «Роса»
2008

УДК 908
ББК 28.89
О 571

Редакционная коллегия:

А. А. Черникова, С.В. Канныкин (зам. отв. редактора),
З.З. Мухина (ответственный редактор), А.П. Никулов, Л.Н. Пивоварова

**Издание выполнено в Исследовательской лаборатории проблем культуры
Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ МИСиС**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке депутата
Государственной Думы РФ, президента международного фонда «Поколение»
А. В. Скоча**

**О 571 Оскольский край: Научный альманах. Вып. 3. — Старый Оскол:
издательство кпц «Роса», 2008. — 116 с.**

В сборнике представлены исследования, освещающие малоизвестные стороны жизни Оскольского края XVII — XX вв. Помимо этого, альманах содержит материалы военно-патриотической направленности и поздравления краеведам-юбилярам.

ISBN 978-5-903659-18-0

УДК 908
ББК 28.89
О 571

ISBN 978-5-903659-18-0

© Коллектив авторов, текст, 2008
© Издательство кпц «РОСА»,
оригинал-макет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	4
---------------------	---

СТАТЬИ

<i>Никулов А.П.</i> Старооскольские ездоки.....	5
<i>Мухина З.З., Пивоварова Л.Н.</i> Традиция повивания в народной культуре.....	12
<i>Андрусенко Е.А.</i> Детские игры в городской культуре Старого Оскола в 20-30-е годы XX века.....	19
<i>Русин В.М.</i> Оскольские храмы в 1930-ые годы: закрытие.....	28
<i>Зарубин Д.Е.</i> Об организации сопротивления оккупантам в Старооскольском районе в 1941-1943 гг.....	37
<i>Мухина З.З.</i> Срока давности не имеет.....	45

ДОКУМЕНТЫ

<i>Фрагмент писцовой и межевой книги по Окологородному стану Старооскольского уезда, составленный писцами стольником князем Прохором Алексеевичем Вяземским и подьячим Василием Заварзиным в 1691 году (РГАДА. Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 460).....</i>	63
--	----

ЮБИЛЕИ

Эдуарду Ивановичу Григорьеву – 80 лет.....	110
Анатолию Павловичу Никулову – 60 лет.....	111
Марии Ивановне Емельяновой – 70 лет.....	112

ИНФОРМАЦИЯ

Сведения об авторах.....	114
Правила приема материалов для публикации в научном альманахе «Оскольский край».....	115

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альманах «Оскольский край» во многом уникален: это первое в Старом Осколе научное периодическое издание, посвященное исследованию проблем истории и культуры Оскольского края.

Страницы альманаха объединили историков, этнографов, культурологов, философов и социологов, предметом научного интереса которых является изучение культуры в ее региональных аспектах. Помимо междисциплинарного синтеза знаний, осуществляемого в рамках ведущих тенденций современной постнеклассической науки, альманах является свидетельством синергичных усилий неравнодушных к судьбе своей малой родины представителей самых различных организаций города, среди которых отметим служащих администрации г. Старый Оскол и Старооскольского района, управления образования города, местного краеведческого музея и, конечно, преподавателей разных вузов города и региона, в частности, кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС. В 2007 г. Исследовательская лаборатория проблем культуры Оскольского края, созданная при кафедре гуманитарных наук СТИ МИСиС, была преобразована в Исследовательскую лабораторию проблем культуры Оскольского края при комитете по социальной политике администрации муниципального района «Город Старый Оскол и Старооскольский район». Сотрудниками лаборатории ведутся историко-краеведческие исследования, результаты которых публикуются в статьях и монографиях.

Целью научного издания является интеграция усилий краеведов Белгородчины по осмыслению особенностей историко-культурного развития края, причем развитие это исследуется во всем многообразии его аспектов (социальных, философских, педагогических, этнических, религиозных и т.п.). Немаловажной особенностью альманаха является и публикация на его страницах редких архивных документов, связанных с историей Оскольского края, причем все эти документы *впервые* становятся доступными широкому читателю.

Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество со всеми заинтересованными лицами. Пока еще остаются в стороне вопросы развития традиционных народных промыслов, музыкальной и художественной культуры, литературы, фольклора и др. Редколлегия альманаха обязуется самым доброжелательным образом рассмотреть все поступающие материалы, непременно опубликовать актуальные и обладающие научной новизной работы, а также оказать всю возможную помощь по «доведению» представленных исследований до уровня, позволяющего предоставить им страницы «Оскольского края».

А.П. Никулов

СТАРООСКОЛЬСКИЕ ЕЗДОКИ

Прежде чем обратиться непосредственно к предмету исследования, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. В XVI и XVII столетиях интересы России на южной окраине определялись стратегическими соображениями. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших население государства от татарских набегов. Первая боевая линия возникла еще в начале XVI в. — Тульская оборонительная черта. В 50-60-е годы столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг: Дедилов, Епифань, Рязск, Данков, Новосиль, Орел и др. С 1571 года стала активно действовать общероссийская сторожевая служба. С этого периода в зону стратегических интересов России попадает территория современного Старооскольского района Белгородской области. Из четырех общероссийских сторож, располагавшихся на южной окраине государства, одна находилась *«на Осколе усть Убли»*¹.

В 1586 г. местная сторожевая власть перешла во вновь построенный город Ливны, стоявший на пути основных дорог. На восточном направлении Кальмиусской дороги был основан город Воронеж. Усть-Ублинский острожек был упразднен, однако сторожевая служба не прекращалась, станицы и сторожи посылались на прежние рубежи. В 1592 г. на реке Быстрая Сосна был возведен город Елец. В 1593 г. образованы города-крепости Белгород и **Оскол**. Таким образом, к концу XVI в. укрепленные поселения Московского государства продвинулись далеко на юг на берега рек Северского Донца и Оскола.

Города-крепости в конце XVI в. заселялись стрельцами, казаками, пушкарями и другими служилыми людьми. Вокруг городов постепенно складывались уезды. Еще одной особенностью южных городов-крепостей являлась организация, в основном по военному принципу, городских и

пригородных слобод. Не стал исключением и город Оскол, в котором, в частности, *«слобода станичных ездаков в Большом остроге»*².

В первой половине XVII в. станичная служба была основным видом воинской обязанности станичных ездоков. Станица представляла собой дозорный подвижной отряд, выезжающий в степь по заранее установленному маршруту. Для оскольских станичников этот маршрут проходил *«в урочище усть Тихой Сосны и до Дону: на Ублинскую сторожу, да на Присынковскую сторожу вверх Котла и Потудани, и от Присынковской сторожи к Тихой Сосне через Грязную Потудань к Каменному броду, через Ольшанку и через речку Тростенецку, через Марьинов Колодезь до устья Тихой Сосны, до Дону»*³. Таким образом, Оскольская станица переезжала все разветвления Кальмиусской сакмы. В Осколе было сформировано 20 станиц (число их в разные периоды колебалось от 20 до 15 и даже 10 станиц) и ездили по указанному маршруту *«с весны с Благовещения в Иванов день и ранее, до больших снегов»*⁴. Возглавлял станицу сын боярский — станичный голова, в подчинении которого находились его помощник — станичный атаман, **6 рядовых ездоков** и 2 вожжа. Каждая станица находилась в пути *«...одну неделю, а дома живут по пять недель»*⁵. Станичная служба являлась видом профессиональной постоянной военной деятельности части населения, опасным и ответственным делом. К примеру, оскольский воевода Константин Пушчин 20 апреля 1637 года в отчете написал, что станица во главе с сыном боярским Федором Кондауровым *«ходили к урочищу у Тихой Сосны и у Дону, а татары в Русь прошли, и сакму они не досмотрели, татары елецкие места воевали, я станичников бил кнутом и в тюрьму кинул»*⁶. В июне пришел царский указ о снятии наказания, но если станичники *«снова пропустят, то велеть смертью»*⁷. В апреле 1636 года по грамоте из Разрядного приказа за подписью дьяка Ларионова Григория оскольскому воеводе Пушнину Константину *«велено собрать оскольских станичников, и список составить, и станицы расписать,....я в съезжей избе все расписал, и послал 3 апреля, и послал тот список разрядному думному дьяку Гавреневу Ивану и Ларионову Григорию»*⁸. В списке указано двадцать станиц⁹. К апрелю 1645 года число станиц сократилось до пятнадцати единиц¹⁰. В 20-е и

до середины 30-х годов западное направление в русской внешней политике явно преобладало над южным, но правительство России не оставляло без внимания станичную службу. Так, в феврале 1629 года группа станичных ездоков *«Миляева Макара с товарищи»* обратилась к воеводе Даниле Моисеевичу Яблочкову с требованием не посылать их кроме ездовой службы ни в какую другую, но при смене воевод Яблочков челобитную не отослал, тогда ездоки послали челобитную государю. В челобитной говорится, что кроме ездовой службы *«провожают послов, и гонцами на Волуйки и в Ливны, и в поход против татар, и в караулах (на тех же лошадях), а при царе Борисе только станичную»*¹¹. Просьба была удовлетворена при новом воеводе Афанасии Тургенева. Увеличение численности станичников в 1636 году связано со строительством города Усерда, ибо из *«них с весны и на все лето до самых морозов 50 станичников быть на Усерде с Бутурлиным Иваном для станичной службы, и быть им переменяясь по две недели с весны до заморозков»*¹². После возведения на Белгородской черте города-крепости Яблонов часть оскольских станичников несет службу в этом городе. Численность станичников упала до 135 человек, *«из них в Яблонове станичников 25 человек живут переменяясь по две недели с весны до заморозков»*¹³. В апреле 1649 года воевода Ловчиков Федор Иванович и подъячий Усов Михаил выдали жалование оскольским станичникам — 10 атаманам и 77 ездокам и вожам¹⁴. В росписи оскольских служилых людей, отправленных воеводой Языковым Иваном Семеновичем в 1651 году, значатся только 25 ездоков¹⁵. В последующих росписях о данной категории служилых людей следует краткая запись о том, что *«...станичников в Старом Осколе нет, и ни в которые места не посылаютца»*¹⁶. Оскольская станичная служба к 50-м годам столетия была прекращена и, следовательно, атаманы, ездоки и вожи, как категория служилых людей, изменили род службы и свой социальный статус.

Государева служба являлась основной повинностью разряда служилых людей. Но эта повинность так же была соединена с правом землевладения. Сообразно с прежней службой и степенью боевой готовности назначались служилым людям разных чинов различные размеры земельных окладов. Но

так как к земельным владениям в подспорье назначались еще и оклады денежного жалования, то, благодаря различным комбинациям земельных и денежных окладов, каждый чин распадался на несколько статей. Надо, однако, учесть, что система чинов применялась лишь к одной группе служилых людей — «служилых по отечеству». В южных уездах России это были в подавляющем большинстве «дети боярские городовые», занимавшие нижнюю ступеньку в лестнице чинов служилых людей по отечеству. Но землевладельцами были также и служилые люди «по прибору». При этом закон устанавливал ряд правил, обеспечивающих за этими группами известные преимущества, в частности, освобождая от платежа государственных податей с земли. Уплата поземельных налогов становится повинностью крестьян и вообще тягловых людей. Оценить полноту и глубину процесса перехода населения из одного сословного состояния в другое возможно лишь при выяснении сословных прав. «Существенным и наиболее обязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей»¹⁷.

Первым признаком статуса сына боярского является «верстание» поместным и денежным окладом. Право владения землей каждого сына боярского и размер его оклада подтверждались документами — в этом состояла важная особенность сословной принадлежности. Положение служилых людей по прибору значительно и принципиально отличалось от положения служилых по отечеству. За службу они также получали землю и деньги, но порядок наделения их жалованием был совершенно особым. Новосельский А.А., исследуя этот вопрос, писал: «В отличие от поместья служилого человека «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами в общей меже»¹⁸. Такой же принцип обустройства приборных людей существовал и в Старом Осколе, при этом земельный надел каждого служилого человека заранее определялся правительством. Следовательно, признаком «поверстания» в детей боярских представителей других сословий, главным образом служилых людей по прибору, являлось наделение их поместным и денежным окладом.

Необходимо выяснить дальнейшую судьбу станичных ездоков, которые по законам

того времени принадлежали к категории служилых людей по прибору и со второй половины XVII столетия должны были изменить свой социальный статус. Согласно Дозорной книге 1615 г. в пределах крепостных сооружений, в так называемом «большом остроге», находилось 111 дворов станичных ездоков. Располагались жилые усадьбы служилых людей в северо-восточной части города-крепости. Прибыли они на государеву службу из города Дедилова — 61 человек и из города Данкова — 50 человек, где они «справляли казацкую службу». В конце XVI в. и в первой половине XVII в. станичная служба, по сути, была основной, и станичники, естественно, получали большие земельные наделы и денежное довольствие, чем иные категории служилых людей «по прибору». В данном случае казаки городов Данкова и Дедилова переходили в более высокую категорию с повышением оклада до «пятидесяти чети человеку». Однако им, как и другим служилым людям «по прибору», земельный надел определялся не индивидуально, а на всю слободу. В конце XVI в. «данковские и дедиловские сведенцы» во главе с Иваном Семеновичем Онофриевым получили участок земли под пашню вверх по реке Оскол до речки Стужень и по левому берегу реки Оскол от Елецкой дороги до речки Геросим и вверх по ее течению. Земельный надел их «старой дачи» равнялся 3690 чети. Вновь прибывшим был выделен участок вверх по реке Оскол через межу с оскольскими казаками площадью в 1615 чети. На 7123 (1615) год составления документа за ездоками числился общий земельный надел в 5900 чети. Сенные угодья им были определены по речке Стужень и по речке Апочка, от ее верховья до устья, объем которых составлял 11 800 копен, по 100 копен человеку. Сенокосные участки измерялись копнами сена, снимающимися с определенной площади. Обычно считалось, что десять копен сена снимали с десятины земли. Следовательно, копна из меры объема превращается в единицу меры площади в 0,1 десятины. Старооскольским ездокам, согласно документу, определялась площадь для сенокоса чуть более 10 га. Для хозяйственных нужд ездоков по указу был отведен Ровный лес вверх по речке Геросим. В документе указаны межевые границы земельных владений. От межевой линии угодий старооскольских казаков, начало которой определено на северо-западе

за Большим городским лесом у устья большого оврага, на двух дубах вытесаны грани и вырыта яма. Далее линия межевания идет на север, на одинокий дуб с гранью, на гладкий дубовый столб с гранью, затем на два дубовых столба с проушинами у «сухова дуба», а далее через восемь курганов на Курскую дорогу, где у ивового куста большой одинокий дуб с гранью. От Курской дороги и дуба с гранью до речки Стужень. На лево от межевой линии до речки Осколец — земельные владения старооскольских казаков приказа Богдана Решетова, а направо до реки Оскол — угодья старооскольских ездоков. Другая межевая линия проходила за рекой Оскол от Ровного леса до Причистенского моста у восточной окраины города Оскол. Границы определены гранями, высеченными на двух дубах и двух столбах. Межевая линия разграничивала земельные владения станичных ездоков и городских священников¹⁹.

Следует предположить, что первая партия станичных ездоков прибыла на службу к 1593 году, а в 1596 году прибыла вторая партия служилых людей. Свидетельством служит челобитная оскольских служилых людей, что «...в прошлом году блаженной памяти при царе Федоре Иоанновиче, как стал Оскол город устроить воевода князь Иван Солнцев, на Осколе церковь Рождества Причистыя Богородицы на Поляне...»²⁰. С другой стороны, в челобитной 1629 г. станичных ездоков и вожей, станичных атаманов, стрельцов и пушкарей, голубинских казаков прямо указано, что «в прошлом сотом году блаженной памяти при Государе, Царе и Великом Князе Федоре Ивановиче всея Руси сведены отцы наши и мы, холопы твои, в Оскольском городе в твою государеву службу из разных городов, и велено нас, холопов твоих, устроить дворами и усадями воеводе Степану Данилову»²¹. В Разрядном приказе указание на поселение станичников в Осколе в «сотом» году не вызвало возражений, поскольку в те времена «прошлым» называли не только год, непосредственно предшествующий текущему, но и любой из предыдущих годов, а летоисчисление вели «от сотворения мира». Таким образом, «прошлым сотым», а точнее 7100-м годом, был 1592/93 год по современному летоисчислению. Сравнивая архивные данные о судьбе станичных ездоков в различные периоды времени, мы не находим фактических противоречий. Однако к сере-

дине XVII столетия станичная служба была прекращена, и ездоки должны были выполнять иные обязанности и, следовательно, приобрести иные права. Переход ездов в категорию детей боярских означал бы наделение их индивидуальным земельным наделом с правом так же поселять на своей земле крестьян. Что касается служебных обязанностей, то «прибираться» бывшие ездоки могли и в конную службу — копейщиками, рейтарами, «городовую службу», а также записываться в солдатские полки. В любом случае ранее служилые люди по прибору становились бы владельцами индивидуального земельного надела за службу, т.е. помещиками.

В 1685 году стольник князь Федор Васильевич Шехонской и подьячий Кондратей Одогуров должны были составить перепись служилого населения Старооскольского уезда. По стечению обстоятельств описаны были земельные владения только Окологородного стана. *«Стан Окологородный и в нем церковные и помещиковы земли писаны. За старооскольцы дворяны и детьми боярскими Иваном Никитиным сыном Букиным, Яковом Ивановым сыном Боклановым с товарищи под городом за земляным валом на реке на Большом Осколе слобода Ездошная. На поляне церковь Пресвятые Богородицы Одегитрея, попов и дьячков и помещиковы дворы, поселились после писцовых книг. Да в земляном валу церковь Покрова Пресвятые Богородицы, попов и церковных причетников дворы. Да места их же помещиковы осадных дворов. Да на примерной земле Ездочной слободы новая деревня Куньи Липяги на реке на Большом Осколе тех же помещиков дворы Василья Шестакова с товарищи. По выписи с приправочных книг письма и дозору Осипа Секирина 123-го году написана слобода была станичных ездаков в Большом остроге. Пашни паханые добрые земли, и с наезжею пашнею, и дикого поля — пять тысяч девятсот чети в поль, а в дву потому ж. Сена — одиннадцать тысяч восьмьсот копен. В нынешнем в 193-ом году июля в 26-й день по мере пашни, и перелог, и дикого поля, и дубровы, и с наезжею пашнею — тридцать тысяч в поль, а в дву потому ж. Сена — одиннадцать тысяч сто пятьдесят пять копен бес трети, а десятинами — тысяча сто пятнадцать десятин. Отмерены и отмежеваны село и деревня в одних межах и гранях вопче за всеми поме-*

*щики, земля подгородная и песковатая худая. А писцовые книги — земля, и помещики имены, и дачи их за ними, четвертная пашня, сено и с угодьи не писаны за спором их. И многие помещики не сысканы, крепостей и окладов своим сказок не подали»*²²

Во фрагменте архивного документа зафиксировано наличие в Ездочной слободе поместных земельных владений в тех же пределах, что и по переписи 1615 года, ранее принадлежавших станичным ездокам, но с увеличением объема на 24100 четверти. Ездочная слобода начиналась также за земляным валом на восточной стороне бывшей крепости. В Разрядной книге 1615 г. прописаны два храма, которые также указаны во фрагменте архивного документа. «В Большом остроге в сведенской Ездочной слободе храм во имя Покрова Святые Богородицы да предел Святых Мучеников Флора и Мавра древен, клецки... в Сведенской поляне храм во имя Явления Святой Богородицы Одегитрея»²³ Все же данные сведения не позволяют установить переход бывших служилых людей по прибору в категорию детей боярских, ибо возможен вариант получения земельных окладов иногородними детьми боярскими.

По Писцовой книге Василия Вяземского 1691 г. описи подлежали поместные владения нижних служилых чинов по отчеству «...за детьми боярскими, за копейщиками, и за рейтары, и за салдаты, и за городовыми дворяны...»²⁴. В документе поименно определены поместья и служилых людей Ездочной слободы, что позволяет выяснить их социальный статус. Обратимся вначале к фамилиям владельцев поместий, указанных в переписи Федора Шеханского.

Букин Иван Никитич получил в 1668 году земельный надел, ранее принадлежавший по жребию станичному ездоку Мелеху Парфентьевичу Ченцову и в Ездочной слободе не проживал, ибо имел всего лишь «помещичье дворовое место»²⁵. Следовательно, сын боярский Иван Букин не являлся старожилом Ездочной слободы, а принадлежал к категории «начальных людей» уезда. Он являлся довольно крупным землевладельцем, ибо за ним и его сыновьями Михаилом и Иваном зафиксирован суммарный земельный оклад в 470 четвертей (свыше 235 га.) в различных поселениях стана — Геросим, Бекетово, Роговое, Стужень, Нижние Апочки. Отец Ивана Никитича, сын боярский Никита Нефедович Букин, прибыл в

Оскольский уезд после 1627 года и наделен был поместьем в селе Геросим²⁶.

Бакланов Яков Иванович являлся внуком станичного ездока Ивана Лукьяновича Бакланова, который упоминается в Дозорной книге 1615 года²⁷. Впервые поместье Яков Иванович получил в 1653 году, а в 1676 году из Поместного приказа пришла грамота на поместье за подписью дьяка Дмитрия Федорова²⁸. Земельные владения станичного ездока Ивана Лукьяновича составляли лишь часть земельного оклада Якова. Кроме того, часть поместья деда и отца Ивана Ивановича Бакланова принадлежали брату Якова Тимофею Ивановичу и его сыновьям — Абраму, Петру, Кузьме, Никите и Анисиму²⁹. Дворовые усадьбы помещиков располагались в Ездочной слободе, а поместные владения в различных районах стана.

На землях станичных ездоков была образована деревня Куньи Липяги, среди основателей которой упоминается помещик Василий Шестаков. По переписи 1691 года в пределах земельных владений Ездочной слободы значится село Скупое, где начинателем указан тот же Василий Яковлевич Шестаков³⁰. Не вызывает сомнений, что речь идет об одном и том же поселении, в котором был возведен деревянный храм во имя Пресвятые Богородицы Покрова³¹. Вероятно, деревянная церковь была построена в 1687 году, с благословения митрополита Белгородского и Обоянского Аврамия³². Фамилия Шестаковых была очень распространенной уже в тот период времени. Василий Яковлевич имел земельный надел в 50 га, но, кроме того, за ним сохранялось поместье в Ездочной слободе в 5 га. Переписная книга Вяземского содержит информацию о Василии, Семене, Тимофее, Кузьме Яковлевлевичах и Логвине Михайловиче Шестаковых, которые утверждали, что ранее земельные владения принадлежали их прадеду Нечаю Карповичу Шестакову³³. В списке с Дозорной книги 1615 г. в слободе значится «Нечайко Карпиев сын Шестаков»³⁴. Следовательно, потомки служилого человека «по прибору» стали помещиками.

В том же селе Скупом проживали шесть братьев Бурцевых, за которыми закреплялось поместье их отца Агея Андросовича Бурцева³⁵. Фамилия Бурцевых оказалась не менее распространенной, чем фамилия Шестаковых. Однако 11 помещиков упоминают в своих «сказках» деда и прадеда ста-

ничного ездока Макара Бурцева-Салькова. Владельцами поместий по «Государевой грамоте» они стали, соответственно, в 1649, 1679 — 1681 гг.³⁶ в Дозорной книге Осипа Секирина отмечена фамилия станичного ездока Макара Евдокимовича Салькова³⁷.

Перепись населения Ездочной слободы 1685 года не выявила статуса всех служилых людей поселения. Основная причина — это спор помещиков о своих владениях. Необходимо было подтвердить право на поместье, предоставив соответствующие документы. В 1691 году писец Прохор Вяземский провел сверку поместных владений Окологородного стана Старооскольского уезда, в том числе и земельных владений Ездочной слободы. Опись проходила по правилам того времени. В своих «сказках» служилые люди ссылаются на «государевы грамоты», которые закрепляли за ними индивидуальный земельный надел. Не менее важными, на наш взгляд, являлись ссылки на более ранние писцовые материалы, выписи из Отказных книг и «поручные» свидетельства старожилов.

В 1686 году к старооскольскому воеводе Степану Юшкову из Поместного приказа была прислана грамота за подписью дьяка Михаила Волкова, что за Иваном, Василием и Андреем Подкопаевыми закреплено поместье в 34 четверти в Ездочной слободе. Половина поместной земли ранее принадлежала их деду, станичному ездоку Терентию Андреевичу Подкопаеву³⁸. В Дозорной книге 1615 г. указан «двор — Терешка Андреев сын Поткопаев»³⁹. В слободе Подкопаевы не проживали, имея только помещичье дворовое место. Однако в конце документа указано наличие еще одного земельного владения в 100 четвертей в селе Солдацком. В 1657 году отец Василия и Андрея Гигорий Подкопаев получил поместье в 100 четвертей в селе Архангельское-Солдатское, что на реке Геросим, левом притоке реки Оскол. В 1686 году по грамоте из Поместного приказа земельный надел отца закреплен за братьями (по 50 четвертей каждому). В том же селе находился и помещичий двор братьев Поткопаевых⁴⁰. Оклад в семнадцать четвертей своего деда Терентия Андреевича получили также Василий и Иван Филипповичи Подкопаевы в той же слободе Ездочная. Кроме того, по грамоте из Поместного приказа за 1680 год за подписью дьяка Ивана Рогозина за ними были закреплены поместья в селе Солдацкое — 130 четвертей и

в деревне Бекетово — 80 четвертей⁴¹. Сохраняя за собой в Ездочной слободе часть земельного надела своего деда, проживали же в ином поселении стана и в описи числились помещиками.

Из потомков станичного ездока Терентия Подкопаева в Ездочной слободе располагалась «усада» вдовы внука Терентия Фомы Подкопаева Авдотьи с двумя детьми и четырьмя пасынками. За Подкопаевыми в поселении «на их жеребей три двора помещиковых», да земельный надел в слободе 17 четвертей и в селе Солдатском 120 четвертей⁴².

Помещики братья Никита, Михаил и Илья Михайловичи Чечулины в Ездочной слободе имели два двора, 150 четвертей земли (в том числе в селе Роговом), да столько же сенных покосов по речкам Стужень и Геросим. Часть надела принадлежала их деду Тимону Чечулину, а верстан их отец поместным и денежным окладом при воеводе Федоре Ловчикове в 1649 году, на что имеется грамота из Поместного приказа за подписью дьяка Мартемьяна Бредихина. Илья Михайлович был грамотным и подписал «сказку» своею рукою и подал ее воеводе Василию Вяземскому 2 сентября 1690 года⁴³. В Дозорной книге 1615 года в слободе Ездочной указан двор «Тимон Петров сын Чечулин»⁴⁴. Его сын Михаил Тимонович Чечулин также служил ездоком и состоял в 6-ой станице при воеводе Константине Пущине в 1636 году⁴⁵. Федор Ловчиков действительно был воеводой Оскола в 1649 году, на что имеется грамота от 10 октября 1650 г.: «Воеводе нашему Федору Ивановичу Ловчикову. По нашему указу велено Ивану Языкову быть на Осколе на твоём месте. Переменять тебя велено 159 [1651] году генваря 1 дня и тебе к этому сроку указано сдать город ... и ехать к Москве»⁴⁶. В сказке, поданной воеводе Григорию Ознобшину в 1700 г., Илья Михайлович Чечулин сообщает о себе, что несет *городовую службу* с 1678 года, «стар и очами скуден», у него сын Андрей 13 лет, а сын Яков умер в возрасте 6 лет, поместное владение в Ездочной слободе 50 четвертей и в селе Роговом 50 четвертей⁴⁷. По данным переписи 1718 года в Ездочной слободе значится Чечулин Илья Михайлович, 73 лет от роду, 53-летняя жена Матрена, сын Андрей 30 лет и две дочери — Ирина 20 лет и Анна 18 лет. У сына жена Федосья 28 лет и две дочери — Акинья 10 лет и Алена 6 лет. По-

местье за ним 25 четвертей и в селе Роговом 15 четвертей⁴⁸.

Таким образом, были выявлены 64 ездока начального периода из 111 человек по списку Дозорной книги 1615 г., которые к середине XVII столетия либо сами были верстаны в дети боярские, либо это произошло с их прямыми родственниками. Непосредственно в самой слободе к 1719 году располагались всего 34 двора: городской службы — 26, копейщиков — 4, рейтар — 2, солдат — 2 двора⁴⁹. При этом только треть служилых людей являлись потомками станичных ездоков начала XVII столетия. Большая часть потомков станичных ездоков была обнаружена в Покровском приходе Ездочной слободы в деревне Каплино, в селах Кунье, Стужень и деревне Бораново Пузацкого стана, в селах и деревнях Заровенского стана и других поселениях Старооскольского уезда. Переход служилых людей по прибору в разряд детей боярских не вызывает сомнения. Однако во второй половине XVII в. изменяется характер самой службы, ибо для войны и похода старооскольские служилые люди были записаны в полки, организованные по «иноземному строю». К началу XVIII века военная служба (организованная на прежних началах) старооскольцев, поселенных на оборонительных рубежах, перестает быть нужной на месте, так как опасность отодвинулась далеко на юг. Старые полки, хотя и организованные по-новому, не имели главной силы, а использовались лишь как вспомогательные корпуса. К 90-м годам XVII столетия прекратилась раздача поместий за службу и исчезла потребность в ранее существовавших формах этой службы. В связи с этими обстоятельствами для низших категорий служилых людей отменялось установившееся в XVII в. правило, что ратная служба освобождает от тягла. Попытка Петра I превратить прежних служилых людей в государственных крестьян оказалась невыполнимой, ибо у многих мелких землевладельцев имелись документы на владение участками, выданные им самим правительством. Ратные люди старых служб сохраняли свои прежние чины и являлись резервом для пополнения полков, в основном «ландмилиции». Так, по итогам первой ревизии в Старом Осколе в уезде зарегистрировано копейщиков, рейтар, солдат, драгун и иных служб людей мужского пола 21 694 человека, из них 16 556 человек «записаны в полки»⁵⁰. Однако непосредственно на служ-

бе находились немногие, а остальные были обложены налогами. Старооскольские служилые люди, таким образом, стали принадлежать к служилому и тягловому состоянию. В социальной структуре Российского государства возникла новая сословная группа — «однодворцы», к которой стали принадлежать потомки бывших станичных ездоков. Дальнейшая судьба данной категории старооскольцев выходит за рамки настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. — СПб., 1880. — Т. I. — С. 6.
- ² См.: РГАДА. Ф. 1209. — Оп. 1. — Писцовые и переписные книги. — Кн. 342. — Л. 10–16 об.
- ³ См.: РГАДА. Ф. 210 — Оп. 12. — Столбцы Белгородского стола. — Д. 60. — Л. 272
- ⁴ Там же. — Оп. 4. — Книги десятиен. — Кн. 219. — Л. 417.
- ⁵ Там же. — Оп. 9. — Столбцы Московского стола. — Д. 58. — Л. 433.
- ⁶ Там же. — Оп. 12. — Столбцы Белгородского стола. — Д. 83. — Л. 697–699.
- ⁷ Там же. — Л. 699 об–700.
- ⁸ Там же. — Д. 60. — Л. 272–274.
- ⁹ Там же. — Л. 274–278 об.
- ¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 1209. — Оп. 7а. — Дела разных городов. — Кн. 99. — Л. 48–66 об.
- ¹¹ См.: РГАДА. Ф. 210. — Оп. 9. — Столбцы Московского стола. — Д. 58. — Л. 423–427.
- ¹² Там же. — Оп. 12. — Столбцы Белгородского стола. — Д. 76. — Л. 163.
- ¹³ Там же. — Д. 502. — Л. 123–125.
- ¹⁴ Там же. — Оп. 4. — Книги десятиен. — Кн. 243. Л. — 217–249.
- ¹⁵ Там же. — Оп. 12. — Столбцы Белгородского стола. — Д. 327. — Л. 185.
- ¹⁶ Там же. — Оп. 6д. — Книги Белгородского стола. — Кн. 17. — Л. 70.
- ¹⁷ Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. — Минск, 2004. — С. 3.
- ¹⁸ См. Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. — 1938. — № 4. — С. 21.
- ¹⁹ См. РГАДА. Ф. 1209. — Оп. 1 — Кн. 342. — Л. 10–16 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 210. — Оп. 9. — Столбцы Московского стола. — Д. 231. — Л. 89.
- ²¹ Там же. Д. 41. — Л. 101–114.
- ²² См. РГАДА. Ф. 1209. — Оп. 1 — Кн. 141. — Л. 115–116.
- ²³ Там же. — Кн. 342. — Л. 45, 51.
- ²⁴ Там же. — Кн. 460. — Л. 1 об.
- ²⁵ Там же. — Л. 87.
- ²⁶ Там же. — Кн. 343. — Л. 36–37 об.
- ²⁷ Там же. — Кн. 342. — Л. 10 об.
- ²⁸ Там же. — Кн. 460. — Л. 14 об.
- ²⁹ Там же. — Л. 11–13 об.
- ³⁰ Там же. — Л. 113 об.
- ³¹ Там же. — Л. 383.
- ³² Там же. — Л. IX, 39.
- ³³ Там же. — Л. 24–24 об.
- ³⁴ Там же. — Кн. 342. — Л. 10 об.
- ³⁵ Там же. — Кн. 460. — 114–114 об.
- ³⁶ Там же. — Л. 36–38 об.
- ³⁷ Там же. — Кн. 342. — Л. 13 об.
- ³⁸ Там же. — Кн. 460. — Л. 8–9.
- ³⁹ Там же. — Кн. 342. — Л. 10.
- ⁴⁰ Там же. — Кн. 460. Л. 188–188 об.
- ⁴¹ Там же. — Л. 7–8.
- ⁴² Там же. — Л. 9–10.
- ⁴³ Там же. — Л. 89–89 об.
- ⁴⁴ Там же. — Кн. 342. — Л. 12 об.
- ⁴⁵ Там же. — Ф. 210 — Оп. 12. — Столбцы Белгородского стола. — Д. 60. — Л. 272.
- ⁴⁶ Там же — Д. 591. — Л. 29 об.
- ⁴⁷ Там же. — Д. 1587. — Л. 72.
- ⁴⁸ Там же. — Ф. 350. — Оп. 1. — Ландратские книги и ревизские сказки. — Д. 384. — Л. 283.
- ⁴⁹ Там же. — Л. 267–285.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 2. — Д. 3395. — Л. 415–437.

З.З. Мухина, Л.Н. Пивоварова

ТРАДИЦИЯ ПОВИВАНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ*

Сегодня, когда проблема рождаемости приобрела особую остроту, тема материнства и детства в России привлекает особое внимание исследователей. Одним из исторических аспектов данной темы является народное акушерское искусство.

«По уездам земской России рациональной акушерской помощью пользуются 1-2,5% рожениц»¹, - отмечает земский врач А.О. Афиногенов. Следовательно, подавляющее число родов проходило через руки народных акушеров - повитух (бабка-повитуха, повивальная баба).

Традиция повивания (повитушество) широко бытовала среди русского населения России. Исследователи отмечают, что данная традиция была «развита и активно бытовала до 60-х годов нашего века (XX в. — З.М., Л.П.), а отдельные случаи домашнего родовспоможения встречались и в 80-е годы»².

Повитушество имело место не только в деревнях, но и в городах, особенно провинциальных. В жизни каждого человека повитуха была в числе самых близких людей. Всегда старались приглашать в семью одну и ту же повитуху. По народным верованиям, она могла не только принять роды, но и повлиять на внешность, здоровье и даже судьбу принятого ею ребенка. Она была самым почетным гостем на всех семейных праздниках: крестинах, именинах, помолвках, свадьбах повитых ею детей, которые, в свою очередь, ежегодно, в определенный бабин — повитухин - день (в разных областях он был в разные дни) обязательно приходили к повитухе в гости, приносили ей пироги и одаривали ее. В деревне повитуха была одной из самых уважаемых женщин. В случае ее смерти в последний путь проводить ее приходили все женщины, у которых она принимала роды.

От умений и знаний повитух зависели жизнь и здоровье будущего поколения, а

также женщин-рожениц. Как правило, повитухами были чаще всего вдовы или женщины, вступившие в климактерический период, от 40 до 75 лет³, имеющие много собственных детей, причем обязательно здоровых, удачливых, красивых (полагали, что свойства собственных детей повитухи могут передаваться и принимаемым ею новорожденным). Кроме «профессиональных» встречались и «семейные» повитухи, занимавшиеся повивальным делом только среди своих родственников.

Помимо умения принимать роды повитуха должна была быть набожной, доброй, молчаливой, ловкой, трудолюбивой, обладать безукоризненным поведением как в настоящем, так и в прошлом, и отнюдь не должна была замечена в неверности мужу. Большое значение имело такое понятие, как «легкость руки», то есть благополучный исход родов с ее участием. Избегали приглашать таких повитух, у которых свои, а тем более повитые дети, умирали. Их нежизнеспособность свидетельствовала не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и о том, что у нее «тяжелая рука». Повивание для некоторых из них становилось ремеслом, служившим основным источником семейного дохода. «Есть из них такие, - пишет А.О. Афиногенов, - которые всегда заняты на практике, имеют большой круг клиентуры, распространяющийся далеко за пределы своего селения, пользуются большой известностью в своем деле и нередко имеют практику среди сельской интеллигенции: духовенства, управляющих и землевладельцев»⁴. Опытные повитухи имели большую популярность. Так, например, в «Курских губернских ведомостях» об одной из них писали, что она в совершенстве знает не только весь процесс родовспоможения, но и умеет совершить все необходимые процедуры над новорожденным и роженицей, сопровождая их при этом определенными в данном случае магическими действиями и заговорами⁵.

Анализ различных источников свидетельствует, что опытная повитуха знала множество практических приемов для облегчения родов, используя, в основном, лишь лекарственные корни и травы, усиливающие схватки и кровоостанавливающие. Бабка-повитуха не только принимала

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 08-01-55101 а/ц)

роды, но и в совершенстве знала и могла выполнить необходимые с точки зрения населения послеродовые процедуры: обрезание пуповины, убиение последа, купание ребенка и мытье матери¹. Повитуха должна была знать весь обряд родов с его приметами, молитвами, суевериями. Несомненно, она должна была быть и хорошим психологом, воздействовать на роженицу словом. В случае крайней необходимости повитуха могла совершить «первоначальное крещение младенца». Все эти действия повитухи среди населения объединялись одним термином «бабить» или «бабиться».

Повивальное искусство — знания и секреты, связанные с принятием родов — хранились повитухой в тайне от других, не раскрывались посторонним, тщательно прятались от случайных людей и даже от самих рожениц. Видимо, это было связано не столько с боязнью конкуренции, сколько с опасением, что, как всякое священное, потустороннее знание, знание повитухи, открытое людям, не посвященным в это ремесло, уйдет от проболтавшей повивальни. «Заговоры повитухи держат в большом секрете и передают друг другу устно»⁷, — сообщали корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Известно, что знахари передают свое мастерство особым образом, тщательно выбирая себе преемника, как правило, из своей родни, обязательно младше возрастом. Так поступали и повивальные бабы. Обычно, выбрав одну из своих дочерей, повитуха начинала с подросткового возраста готовить ее к наследованию своего ремесла: такие девочки ходили с матерями на роды, помогали им, смотрели и приобретали необходимые навыки. Практические знания приобретались также во время многочисленных родов, когда сама роженица оказывалась в опытных руках такой повитухи. Вкупе с природной сметливостью, сноровкой, добрыми человеческими качествами вырабатывалось и ее мастерство. Более того, элементарные знания о помощи роженице передавались из поколения в поколение, обычно от матери к старшей дочери. М.С. Жиров считает, что «понятия о родовом процессе каждая селянка, несомненно, получала, ухаживая за домашними животными»⁸. Молодые женщины практически не бывали повитухами, хотя были исключения⁹.

По литературным источникам и архивным материалам о приближении родов

жена обычно сообщала мужу или кому-то из ближайших родственников, и тот, стараясь, чтобы об этом никто не узнал (вера во влияние «дурного» глаза и «дурной» мысли на состояние здоровья матери и ее будущего ребенка заставляла окружать роды атмосферой «умолчания»), приглашал бабу-повитуху. «С «прощеньцем», хлебом или пирогом, низко поклонившись, он звал справить «дельце», прибегая к особым, «шифрованным» выражениям, опасаясь прямо излагать свою просьбу. В противном случае весть о начавшихся родах, считали крестьяне, могла распространиться, причинив тем самым боль роженице или вред ребенку.

Повитуха, взяв с собой все необходимое (целебные травы, корни, баночку со святой наговоренной водой и т.п.), немедленно торопилась к роженице¹⁰. Она тайком, улучая момент, чтобы ее никто не заметил, иногда через гумно и огороды, пробиралась к роженице¹¹. Крестьясь, повитуха переступала порог, читала молитву, перед иконами зажигала восковую свечку, а потом принималась за дело. Баба-повитуха направляла действия женщины в родах, заваривала напитки из трав, делала растирания, окуривала роженицу росным ладаном, окропляла роженицу святой водой. Иногда повитухе помогала самая старая женщина в доме. Она приносила чистые полотенца, тряпки, пеленки, свивалень, подогретую воду, необходимую посуду.

Роды проходили в амбаре (клету), в хлеву (сарая), в овине (риге), в бане, реже в избе за занавеской. «Женщина издавна и почти всюду считалась и считается первое время после родов существом не чистым и это-то мнение и оказывает, по-видимому, влияние на ее обязательное удаление из общесемейного помещения»¹², — отмечает Г. Попов. Вообще, старались «провести роды подальше от посторонних глаз, в силу поверья, что чем более скрытно будут вестись роды, тем они окончатся скорее и благополучнее»¹³. Но случалось и так, что женщине приходилось рожать во время страдной поры в поле, тогда повитуху заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности бабы-повитухи выполнял муж¹⁴.

Акушерское мастерство бабки-повитухи было направлено на то, чтобы раскрыть тело роженицы разными средствами. Помня, что «всякая замкнутость мешает быстроте ро-

дов», роженице расплетали волосы, растягивали и развязывали все узелки на одежде, снимали пояса, браслеты и серьги. Суть этих действий была проста: освободить роженицу от всего, что может помешать в период родов. «Крестьянские поверья, касающиеся родов, причудливым образом соединяли мудрую наблюдательность и откровенное знахарство»¹⁵, — сообщал один из корреспондентов Этнографического бюро. В доме также открывали все сундуки, ящики, коробка, раскрывали окна, двери, ворота, отмыкали замки, открывали печи, заслонки и т.п. Считалось, что «если все будет развязано и открыто, то и роды развяжутся скорее и у роженицы также свободно откроются все «затворы и запоры», затрудняющие выход ребенка»¹⁶.

Кроме этих обрядов, по исследованиям земских врачей, повитухи иногда использовали целый ряд нелепых и диких средств. Роженицу водили по комнате, заставляли становиться на четвереньки, перешагивать через кочергу или пороги, прыгать со скамейки, подвешивали или встряхивали ее за ноги, мяти и жали живот и т.п. Широко распространенным средством в практике повитух было растирание живота, поясницы и прикладывание мазей из заячьей желчи, сока пырея, козьего жира. В некоторых местах на роженицу надевали хомут или сажали ее на колени мужу, что, «по мнению повитух, помогает родоразрешению»¹⁷.

Во время родов повитуха постоянно крестилась и утешала роженицу: «Потерпи, моя касатка, потерпи. Бог пошлет, все благополучно будет, все по доброму идет». Она обращалась к Господу, Богородице и различным святым. Традиционной покровительницей в родах считали Соломону (Соломею), которая, согласно апокрифическому Прото-евангелию Иакову, принимала божественные роды у девы Марии¹⁸. Если роды затягивались, затруднялись, повивальная бабка просила пойти в церковь и попросить священника помолиться о роженице и открыть Царские врата. «При тяжелых родах — пишет А. Машкин, — женщине давали пить водку, настоящую на калгане с примесью померанца»¹⁹. Для усиления потуг давали также керосин, настои из спорыньи, чернобыльника, пороха²⁰. При трудных родах роженицу помещали в напаренную, устланную соломой печь или баню, «чтобы тело раскрылось и выпустило дитя». Достаточно вспомнить и о священной магической силе

«Государыни Печи», чтобы вне всяких подозрений согласиться с данным утверждением. «Напомним, что печь была вторым по значению «центром святости» в доме после красного Божьего угла, а, может быть, даже и первым, что подтверждается повсеместно бытующим выражением «начать от печки»²¹. Все это свидетельствует о том, что работа повитухи носила в основном психологический и символический характер.

Рожали женщины, чаще всего, лежа на спине, иногда стоя или «в висячем положении»²². Как только ребенок родится, повитуха начинала читать молитву, кропила дитя святой водой, прикладывала к груди матери. Если плацента («место», «послед») у роженицы долго не выходила, то ее «вызывали разными словами, чмоканьем и другими приемами»²³.

Существовали обряды, с помощью которых, считалось, можно воздействовать на ребенка. Обрезание пуповины, например, связывалось с дальнейшей судьбой ребенка, при этом учитывалось, чья пуповина. Обычно пуповину перерезали на каком-либо специфически женском или мужском предмете. Например, новорожденной девочке пуповину обрезали ножом на прядильном гребне, чтобы девушка хорошо пряла. Пуповину мальчика повитуха подрубала топором, чтобы вырос умельцем и плотником, или клала на плуг. «В Корочанском уезде Курской губернии, — пишет Д.К. Зеленин, — новорожденную девочку передают крестной матери через прялку, чтобы она выросла искусной пряхой, а мальчика — через порог, чтобы он стал «хранителем дома»...»²⁴, а в Суджанском и Рыльском уездах на книге, чтобы был грамотным²⁵. Видимо, этот обряд идет издревле, когда в средневековой Руси ребенку мужского пола клали в колыбель хлеб, маленький лук и стрелу, а девочке — пряслице²⁶. Содержание этих обрядов указывает на их непосредственную связь с земледельческим бытом народа, с существующим разделением труда по полу. В сознании крестьян сохранилось представление о том, что уделом мужчины является земледелие, уделом женщины — домашнее хозяйство и ткачество. Действительно, два вида этих занятий позволяли обеспечивать семью основным — пищей и одеждой. В связи с важностью земледелия в жизни людей и возникали обряды, целью которых было магически влиять на судьбу ребенка, в частности, его будущую профессию.

Сразу после родов повитуха перевязывала новорожденному пуповину. Обычно пуповину перевязывали суровой крученой ниткой или прядями льна, чаще всего свитыми вместе с волосами матери, чтобы «ребенок всю жизнь был привязан к матери, родне». В некоторых местностях после перевязки пуповины нитку и пуповину повитуха «перегрызает зубами, что будто бы предотвращает появление у новорожденного «грыжи» (грыжи — З.М.)»²⁷. Родившегося младенца опытная повитуха тщательно осматривала и, в случае необходимости, производила некоторые лечебные действия: вправляла грыжу, вывих, выправляла голову, ножки. Описание аналогичной лечебной деятельности повитух находим у Д.К. Зеленина: «Бабушка-повитуха» в «кою пору» поправит вам и надсаду (пупок), и вывих, и грыжу у ребенка вылечит мигом какой-нибудь киноварью. Умение «править» в случаях надсады или вывиха у некоторых деревенских повитух доведено до совершенства»²⁸, «почти всегда повитуха гладит руками головку новорожденного, чтобы сделать ее как можно круглее; то же самое проделывает она с носом, сжимая ноздри, чтобы они не были слишком плоскими и широкими»²⁹. А. Дмитриюков также отмечает, что «...повитуха и правит, и сдавливая руками то голову, то лоб, то нос и подбородок, пригибает каждый локоток к колену одному и другому, полагая, что от этого он (младенец) будет стройным»³⁰. Все эти действия должны были обеспечить хорошее сложение и красоту новорожденного. Следует отметить, что «заговаривание грыжи» (легкое покусывание пупка) бабкой встречается в российских деревнях и сегодня.

Большой радостью в семье считалось, если ребенок родится в «рубашке». Во время родового акта плацента разрывается и выходит самостоятельно. Но бывают редкие случаи, когда она прилипает к новорожденному, тогда и говорят: «В рубашке родился». «Рубашку» высушивали и тщательно «хранили как символ счастья и носили на шее в качестве амулета»³¹ или нередко зашивали в ладанку и носили на груди вместе с крестом. Считалось, что рожденному в «рубашке» на всю жизнь обеспечено счастье и удача. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщали, что «иногда детское место используют в лечебных целях: кладут под голову роженице, чтобы не болел живот, вытирают ей

лицо, чтобы не было красных пятен»³². Но чаще плаценту закапывали там, где ребенок родился, в избе под полом, около печки, в конюшне под ясли или во дворе под молодое плодородное дерево.

Сразу после появления новорожденного пеленали, но заворачивали первый раз не в пеленку, а в отцовскую (реже — материнскую) рубаху или штаны, причем эту рубаху не готовили заранее, а снимали непосредственно с тела, т.е. она должна быть не новой, а ношенной, потной. Считалось, что отец будет в таком случае сильнее любить младенца, а тот будет спокойнее спать. При помощи этого обряда, видимо, также пытались «привязать» ребенка к дому, семье, роду. После этого повитуха совершала первое омовение ребенка, чтобы смыть с него возможные болезни, уберечь от сглаза, «чтоб красивым и чистым был». Корреспонденты Этнографического бюро писали: «Когда омывают дитя, то родитель должен класть в воду золото или серебро, а некоторые по своей бедности кладут в воду, назначенную для купания младенца, медное кольцо или даже серьгу, чтобы «озолотить свое дитя»³³. По другой версии, чтобы «очистительная сила» принесла дальнейшую плодородность роженице, всю воду после омовения выливали в огороде в то место, где никогда не копали и не ходили люди, чтобы предостеречь мать и ребенка от случайной беды. Ритуальное купание проводилось ежедневно в течение 2-3 недель, а иногда и сорока дней³⁴. В воду для купания младенца добавляли настой дикой рябины, отвар из болотного мха, листьев брусники, черной смородины, мать-и-мачехи, коры тальника или молодого дуба.

После первого купания ребенка повитуха занималась самой роженицей. Мать ребенка вели в баню, где бабушка-повитуха парила и «правила» ее: ставила на место живот, расправляла пуп, поправляла «золотник» (матку), который смещается во время родов. Все это она сопровождала различными ритуальными действиями и приговорами.

Первое кормление грудью обставлялось не менее торжественно. Повитуха грудь роженицы омывала святой водой, осеняла крестом мать и младенца, благословляла их. Чтобы ребенок не был левшой, в первый раз давали ему правую грудь.

Повитуха в первые дни после родов выполняла и роль «патронажной сестры», ухаживала за роженицей и ребенком. В неко-

торых случаях, когда в семье не было других женщин кроме рожениц, повитуха заменяла ее в крестьянском семейном хозяйстве: топила печь, варила обед, кормила детей, ходила за скотиной и т. п. Повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе и женщина быстрее вернулась к исполнению своих повседневных функций.

К женщине, родившей ребенка, отношение окружающих было двойственным. С одной стороны, она представлялась, согласно канонам православной церкви, греховной, казалась источником «скверны», но, с другой — сама могла пострадать от порчи и сглаза. Поэтому некоторое время с ней нельзя было вместе есть, пить, даже общаться, чтобы не принимать на себя темную силу, связанную с матерью-сырой землей. В течение первой недели она считалась особенно опасной, поэтому в это время ее держали либо в той же бане, либо в избе за перегородкой. Дом, где она бывала, чаще чем обычно убирали, мыли и пр. Над ней «творили очищение» словом. «Принудительная изоляция приносила и несомненную практическую пользу здоровью роженицы, вынуждая не имеющих обычно возможности, да и не склонных к долгому лежанию и ничегонеделанию деревенских женщин отдохнуть и набраться сил»³⁵. Роженицу мыли в бане или печи для восстановления здоровья и очищения от послеродовой нечистоты; эта процедура также сопровождалась различными магическими действиями.

Поскольку считалось, что роды осквернили весь дом, то приглашали священника для обрядового очищения и чтения особой молитвы. Только лишь на 40-й день после молитвы в церкви, где совершался обряд очищения и введения в храм, женщина считалась очистившейся, с нею возобновляли контакты соседи, она снова могла выполнять все хозяйственные дела.

Одним из широко распространенных обрядов было очищение бабы-повитухи и роженицы — «размывание рук». Обряд «размывания рук» в одних местностях проводился на третий или четвертый день после родов³⁶, в других — через 1–2 недели³⁷. Обряды «размывания рук» проводились по-разному, в зависимости от региона. Обычно этот обряд заключался в том, что бабка-повитуха и роженица моют друг другу руки над тазом, в котором положены крестоо-

бразно нож и веник, и утираются одним полотенцем. После обряда мыло и полотенце, если подарок соответствовал хозяйственному достатку семьи, роженица дарила повитухе³⁸. Возникновение вышеописанного обряда относят к древности. Видимо, основан он на воззрении, что роженица и ребенок в течение некоторого времени после родов нечисты. Воззрение это было вызвано послеродовым состоянием женщины. Еще в глубокой древности человек заметил очистительные свойства воды, поэтому «размывание рук» — это, скорее всего, гигиеническая мера по очищению рук женщины-матери и бабки-повитухи. Известно, что обряд «размывания рук» под различными названиями существовал почти у всех славянских и других народов³⁹. По времени этот обряд совпадал с окончанием пребывания повитухи в доме роженицы, поэтому повитуха прощалась с роженицей и получала плату за свой труд. В качестве оплаты труда она получала ковригу хлеба, отрез ткани на рубаху или просто одежду: рубаху, юбку, платок.

Изучение разных источников показывает, что отношение к повитухам было неоднозначным. Например, земский врач В.И. Никольский считал их квалификацию крайне низкой, а действия приносящими более вред, чем пользу. По данным земского врача С.В. Малышева смертность от тяжелых родов, а более всего от жестких приемов родовспоможения, достигала у деревенских рожениц 20%⁴⁰. Другие, напротив, высоко оценивали профессиональные навыки повитух. По их мнению, повивальные бабки при родах действовали достаточно грамотно и обладали умением принимать и самые сложные роды⁴¹. Даже имея иногда возможность прибегнуть к помощи настоящей акушерки, женщины предпочитали обращаться к повитухе. «Помощь сельских повитух в делах крестьянского обихода ценится весьма высоко крестьянским населением. Эта близость деревенской повитухи к крестьянской семье и понимание ею нужд крестьянского быта объясняют нам то большое доверие, которое питает к ним сельское население»⁴², — отмечает А.О. Афиногенов.

К акушеркам крестьяне обращались крайне редко. Главной причиной являлась бедность населения, отсутствие лошади с подводой, чтобы отправить роженицу в больницу за несколько десятков верст. Недоверие к акушеркам, по мнению известного этнографа Д.К. Зеленина, проистекало также

из взгляда крестьян на них как на «барышней», т. е. существ беспомощных, слабых. В восприятии акушерки сельской женщиной существовало определенное предубеждение: она была представителем иного сословия, ей не ведомы были порядки и нравы крестьянского мира.

В 1863 году начальникам губерний был направлен циркуляр Медицинского департамента Министерства внутренних дел «О средствах к организации повивальных школ для повитух из крестьянского сословия», в котором отмечалось: «Получаемые в Министерстве сведения в общем характере своем указывают на отсутствие почти повсеместно в повитухах самых необходимых сведений в повивальной практике; приемы, употребляемые ими в неправильных родах, до сих пор отличаются, кроме своей бесчеловечности, еще совершенным недостатком здравого смысла: так они силою вытягивают без разбора выпавшую часть ребенка, трясут роженицу, ставят ее вверх ногами, парят в жарко натопленной печи, водят по комнате, заставляют прыгать со столов и скамеек и т.п. Результат такого положения дела, высказывается, к несчастью, слишком ясно годовым числом мертворожденных младенцев и смертных случаев между роженицами во время самих родов или в послеродовой период»⁴³.

По мере развития земской медицины отношение к акушерской помощи менялось. По данным врача Г.И. Попова в конце 80-х – начале 90-х годов богатые крестьяне уже стали приглашать для родовспоможения и профессиональных акушеров⁴⁴. Следует отметить, что опытные повивальные бабки владели большим багажом знаний по акушерству, их роль очень долго сохранялась и в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение акушерской помощи этому населению. Медико-статистическое исследование. – СПб., 1903. – С. 73.
- ² Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994-1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) /Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 93.
- ³ Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 73.
- ⁴ Там же. – С. 75.
- ⁵ См: КГВ. 1870, № 57.
- ⁶ См.: Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. – Белгород: БелГИК, 2000. – С. 79.
- ⁷ АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 799. – Л. 7 об.
- ⁸ Жиров М.С. Указ. соч. – С. 118.
- ⁹ Беликова Т.П., Емельянова М.И. Живые родники Староосколья: Народная традиционная культура. – Старый Оскол: «ТНТ», 2003. – С. 178.
- ¹⁰ Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: Дис. ... док. пед. наук. – М.: МГПУ. – 2001. – С. 118.
- ¹¹ Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В.Н.Тенишева. – СПб., 1903. – С. 338.
- ¹² Там же. – С. 335.
- ¹³ Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 76.
- ¹⁴ См.: АРЭМ. – Ф. 7 – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 2–7.
- ¹⁵ АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 56–57.
- ¹⁶ Попов Г.И. Указ. соч. – С. 339.
- ¹⁷ См.: Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 79; Попов Г. Указ. соч. – С. 347–348.
- ¹⁸ См.: Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни// Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 506.
- ¹⁹ Машкин А.С. Обычаи и обряды простонародья в городе Обояни. Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып.1. – Курск, 1863. – С. 454.; См.: АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 2–7.
- ²⁰ См.: Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 84; Попов Г. И. Указ. соч. – С. 349.
- ²¹ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины... – С. 118.
- ²² См.: АРЭМ. – Ф. 7 – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 7; Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 83.
- ²³ АРГО. – Ф. 19. – Оп.1. – Д. 16. – Л. 15.
- ²⁴ Зеленин Д.В. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 324; Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская Обл.// Опыт систематизации этнофольклорного материала. – Белгород, 2000. – С.77.
- ²⁵ АРГО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 15.; Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская Обл.// Опыт систематизации этнофольклорного материала. – Белгород, 2000. – С.77.
- ²⁶ Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. –

- ССХ. – СПб., 1880. – С. 72.
- ²⁷ Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 85.
- ²⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 445 л. 9.
- ²⁹ Зеленин Д.К. Указ. соч. – С. 321.
- ³⁰ АРГО. Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 16.–Л. 15 об.
- ³¹ Зеленин Д.К. Указ. соч. – С. 321.
- ³² АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 6.
- ³³ АРГО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3.
- ³⁴ См.: Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 95; АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 15. – Л. 17–18.
- ³⁵ Русские: семейный и общественный быт – М.: Наука, 1989. - С. 510.
- ³⁶ См.: Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 91.
- ³⁷ См.: АРГО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 2.
- ³⁸ См.: Липинский А. Материалы для географии и статистики России. – Ч. 2. – СПб., 1868. – С. 583.
- ³⁹ См.: Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. – Киев, 1890. – С. 183.
- ⁴⁰ См.: Малышев С.В. Современное положение русской деревни. – Саратов, 1903. – С. 21.
- ⁴¹ См.: АРЭМ. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 2029. – Л. 4.
- ⁴² Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 77.
- ⁴³ Цит. по: Афиногенов А.О. Указ. соч. – С. 72.
- ⁴⁴ См.: Попов Г.И. Указ. соч. – С. 344.

Е.А. Андрусенко

ДЕТСКИЕ ИГРЫ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТАРОГО ОСКОЛА В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Игра является культурным феноменом, выполняющим самые разнообразные функции: социализирующую, педагогическую, коммуникативную, гедонистическую, рекреативную, компенсаторную и другие. Игра с детства позволяет приспособиться к определенной социальной среде, дает возможности передачи жизненного опыта детям, является прекрасным методом обучения. Данный вид деятельности помогает приобрести опыт общения, дает возможность проявить свой характер, лидерские качества, учит действовать в сообществе, помогает приобрести первый опыт общения с лицами противоположного пола, развивает творчество и фантазию. Игры ролевые являются своеобразной формой передачи коллективного опыта и подготовкой детей к типичным жизненным ситуациям. Наверное, не существует на планете ни одного народа, у которого игра не являлась бы основной составляющей воспитания подрастающего поколения.

Игра является важнейшим компонентом в культуре любого народа. В современной жизни, реализуясь на уровнях развлечения, просвещения, творчества, праздника, игра выступает как часть этнокультуры народа. Игры, развлечения, соревнования в традиции многих народов имеют следы древней системы посвященных обрядов. В традиции русского народа многие игры детей и молодежи носят архаичные черты, приурочены к календарной народной обрядности, наполнены разнообразной символикой.

Изучение игр может дать ценную информацию по самым разным аспектам прошлого и настоящего народа.

Как самостоятельный объект исследования этнографов игра выступает с конца XIX в. Этнографы выделяли игры посиделочные, обрядовые, ритуальные. Так, например, в традиционной культуре русского народа повсеместно были распространены

посиделочные игры, которые были своеобразной формой общения между юношами и девушками. Помимо совместных игр существовали игры отдельно для девушек и парней. Некоторые игры были связаны с испытанием игроков.

Особое место занимают игры детей. Детская игра должна соответствовать определенным требованиям: быть увлекательной, интересной, вызывать положительные эмоции, содержать элемент соревнования. В игре сначала привлекает поставленная задача и трудность, которую нужно преодолеть, а затем радость победы и ощущение преодоления препятствия.

В данной статье описываются игры, бытовавшие в городе Старый Оскол в 20 – 30 годы XX века. Нами были опрошены коренные старооскольцы, чье детство пришлось на довоенные годы. Описаны те игры, которые были наиболее популярными и чаще всего упоминались респондентами.

Анализ материалов исследования позволил сделать следующую классификацию детских игр:

- Игры для девочек.
- Игры для мальчиков.
- Общие игры для мальчиков и девочек.
- Игры с участием взрослых.
- Игры на природе (подвижные, командные).
- Игры в закрытом помещении.
- Игры с игровым инвентарем.
- Игры ролевые – имитации семейно-бытовых отношений, труда, социальной и политической обстановки, исторических событий.

ИГРЫ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Игра «Барыня». Девочки садятся друг напротив друга, выбирают водящую. Водящая говорит: «Вам барыня послала в туалете 100 рублей. Что хотите, то берите, «да» и «нет» не говорите, черное с белым не берите. Что на эти деньги купите?». Участница игры должна была отвечать на вопросы. Причем, ведущая старалась задавать такие вопросы, чтобы играющая «попалась» и нарушила правила (сказала «черное», «белое», «да» или «нет»). Например: Какого цвета будет ваше свадебное платье? Вы поедете на бал? Вы любите танцевать? Какого цвета каблучки на ваших туфлях? и т.д. Оговорившаяся становилась водящей¹. Существовал еще вариант игры, при котором

«заронившая» девочка отдавала водящей фант (какой-нибудь личный предмет).

Когда собиралось много фантов, первая часть игры заканчивалась, затем выбирали «зеркальце». «Зеркальце», не видя фант, отвечала на вопрос «что делать?», назначала задание, которое нужно было выполнить. Описание подобной игры мы находим в с. Верхопенье Ивнянского района Белгородской области².

Игра «В классики». Игра в классики напоминает современный вариант: также чертилась сетка на земле мелом. Использовался предмет, чаще всего плоский камень или фрагмент стеклянной бутылки. Играли по очереди. Каждая из играющих девочек подходила к начерченным квадратам, кидала камень в квадрат с цифрой 1, запрыгивала в него на одной ножке, затем возвращалась на исходную, брала рукой камень, забрасывала в следующий квадрат с цифрой 2, перепрыгивала в первый, затем во второй квадрат, вновь возвращалась на исходную позицию. Игра продолжалась, пока играющая не «заронет» — не промахнется или не наступит на черту ногой. После этого в игру вступала следующая участница³. В современном варианте игры играющая должна ногой перемещать «битку», осторожно ударяя по ней в прыжке и стараясь не попасть на черту.

Игра «В аэропланчики». Правила игры такие же, как и в классики, меняется лишь расположение квадратов: их рисунок напоминает аэроплан с развернутыми крыльями.

Игра «В веревочку». Веревочку использовали вместо скакалки. Прыгали по очереди через одну веревочку: две девочки вращали ее с двух сторон, одна прыгала, исполняя различные фигуры и комбинации. Заронившей считалась та, которая запнется за веревочку. Она становилась вместо одной из девочек, которая начинала прыгать, выполняя те же фигуры и комбинации в определенной последовательности⁴.

Игра «В куклы». Для девочек характерным развлечением были сюжетные игры с куклами. Девочки с большой точностью воспроизводили обрядовые, бытовые, праздничные сценки, которые наблюдали в реальной жизни взрослых людей. В играх воспроизводили взаимоотношения внутри семьи, отношения родителей с детьми. Иногда роли распределялись между куклами, включая медведей, зайцев и т.д. В других

случаях куклы играли роль детей, мамами были сами девочки. Порой разыгрывались целые представления: путешествие, наводнение, поход в магазин, визит к доктору и т.д. Причем с большой точностью копировалось поведение мам, родственниц или знакомых в той или иной разыгрываемой ситуации⁵.

ИГРЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Игра «В камушки». Для игры подбирали 10 камешков примерно одинакового размера. Играли по очереди. Подбрасывали один камешек, при этом нужно было успеть взять один с земли и поймать подброшенный. Затем нужно было успеть взять 2 камешка с земли, затем 3 и т.д. Если у играющего не получалось, то в игру вступал следующий игрок. Выигравшим считался тот, кто сможет, подбросив один камень, собрать остальные 9 и поймать подброшенный камень. После чего игра возобновлялась⁶.

Интересно, что в описании игр XIX в. мы находим аналогичную игру с таким же названием «Камушки». Причем в эту игру играли исключительно девушки, так как считалось позорным юношам присоединяться к играющим. Для игры использовали гладкие, украшенные росписью камешки, которые иногда продавались на ярмарке. Каждая из играющих имела по 5 камешков для игры. Правила были достаточно сложные: вся игра разделялась на несколько приемов. Первый прием — «В пять просфоров»: в правую руку берут все 5 камней, из которых один бросают вверх, другие 4 кладут на землю и тут же ловят подброшенный камень, потом опять бросают этот же камень, схватывают с земли прежние 4, с ними подхватывают на лету брошенный камень. Это действие называют «просфор». Второе действие этого приема называют «Тройки». Здесь один камушек бросают вверх, а другие раскидывают так, чтобы один ложился в сторону, а прочие 3 — вместе. Играющие бросают вверх один камень, потом схватывают с земли еще один и ловят брошенный. Третье действие этого приема называют «Двойки». Здесь один камень бросается вверх, другие же раскидываются попарно и схватываются точно так же, как и в первом действии. Четвертое действие называется «Одиночки». Здесь один камень бросается вверх, все прочие разбрасываются порознь и точно таким же образом схватыва-

ваются, как в прежних действиях. Прием «в 4 просфора» отличается от первого только тем, что вместо того, чтобы бросать 5 раз боевой камень вверх, бросают только 4 раза. В остальном игра та же. Точно так же играют «в 3 просфора», «в 2 просфора», «в 1 просфор». Последний прием игры — «отбивание». Здесь играющая должна была за один присест бросить двадцать раз камень вверх и двадцать раз схватить его на лету, не считая уже просфоров. Если в одном из приемов допускался промах, игру начинал заново другой игрок⁷.

Игра «В бабки». Бабками называли надкопытную говяжью кость. Использование этих костей отмечают исследователи у многих народов. Считается, что игра появилась в древней Греции и распространилась повсеместно. На славянских поселениях археологи часто находят в большом количестве эти кости (астралагалы).

В самой игре существовало большое количество всевозможных вариантов. Например, ставят бабки на кон, игроки стоят на черте и по очереди бьют битками по старшинству (жеребью). Если сшибут бабки, стоящие на кону, их считают своим выигрышем. Иногда кидают бабки так, чтобы они легли определенным образом (плоцка, жог, ничка). Иногда ударяют бабками о стену так, чтобы, отлетая, они ложились ближе к чужим, тогда считается, что их выигрывают. Цель игры — собрать как можно больше бабок. Или ставят бабки на кон и их нужно сбить определенным образом. Иногда в бабки вливали свинец (они становились тяжелее и удобнее для броска), такие бабки особо ценились⁸.

ОБЩИЕ ИГРЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Игра «В жмурки». Игра популярная и бытовавшая повсеместно. Одному из участников завязывали платком глаза, раскручивали и отпускали, чтобы он ловил разбежавшихся игроков. Участники своими голосами, репликами, иногда стуком, привлекали внимание водящего к себе, особенно, если он подошел близко к кому-нибудь. Пойманный игрок становился водящим, и игра возобновлялась⁹.

Игра «в жмурки» — одна из самых старинных, относится к так называемым посиделочным играм. Так, один из ранних вариантов игры называется игра «имка-

ми». Одному из участников завязывали глаза платком, затем его раскручивали и отпускали, чтобы он ловил разбежавшихся игроков. В зависимости от местной традиции водящий должен был найти того, кто завязал ему глаза, хлопнуть по спине любого игрока противоположного пола, игрока с палочками в руках, чей стук привлекал внимание. В некоторых случаях водящий должен был поцеловать пойманного игрока, который затем становился водящим, и игра возобновлялась¹⁰.

Подобная игра под названием «Слепой козел» записана И.П. Сахаровым в 1885 году. Сахаров пишет: «Слепой козел есть игра домашняя, игра девушек и молодых мужчин в большие зимние вечера. Девушки с завязанными глазами, как бы лишенные зрения, стараются более поддаваться в руки любезных молодых мужчин, а о мужчинах и говорить нечего. Влюбленные, под видом оплошности, только одни и играют во весь вечер эту игру, тогда как другие только посмеиваются их незнанию прятаться от поисков «Козла». Нет сомнения, что эту игру изобрела любовь: ведь наши предки любили не хуже нас. Игроки «слепого козла», обреченного в это звание по жеребью, подводят, с завязанными глазами, к запертой двери, где он начинает стучать. Игроки спрашивают: «Кто здесь?» Его ответ: «Слепой козел». Тогда один из отважных игроков подходит к «козлу» и говорит:

Слепой козел!
Не ходи к нам ногой,
Поди в кут,
Где холсты ткнут,
Там тебе холстик дадут.

«Козел», недовольный сим ответом, начинает бить в дверь ногами. Игроки снова спрашивают: «Кто здесь?» Слышен ответ: «Афанас!» Тогда все игроки говорят:

Афанас!
Не бей нас.
Афанас!
Ходи по нас!

С последним словом отважный игрок ударяет ладонью «козла» по спине и бежит прочь. Обиженный начинает искать виновного по углам, по столам, стульям. Всякий, пойманный «козлом», считается виноватым и за свою оплошность должен играть «слепого козла»¹¹.

Игра «В прятки» (пряталки). Один игрок — водящий, отворачивался к стене, закрывал глаза и считал (от 10 до 50). В

конце говорил: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!» И начинал искать спрятавшихся игроков. Все остальные участники игры прятались и старались обойти водящего и первым добежать до места, где тот вел счет, при этом нужно было «застукалиться», т.е. дотронуться до стены и сказать: «Пали — стукали, сам за себя!». Если он не успевал «застукалиться» или его обнаружил и «застукалил» водящий (т.е. успел прикоснуться к стене и сказать: «Пали — стукали Паша!»), то «застукаленный» становился водящим. Если водящему не удавалось никого «застукалить», он продолжал искать остальных, а игроки помогали своим криком «Топор—топор, сиди, как вор и не выглядывай во двор!» — если хотели предупредить спрятавшегося, что ему лучше затаиться. Или «Пила—пила, лети, как стрела!» — если призывали спрятавшегося игрока бежать и успеть самому «застукалиться».

Игра достаточно была распространённой и популярной. В нее можно было играть в любое время года. Главное, чтобы было где спрятаться. Аналогичной игрой является старинная игра «Кулючки». В этой игре один из игроков садился в угол — «кулюкать», другие прятались. Сидящий скороговоркой причитал:

Кулю, кулю — баба!
Не выколи глаза.
Сын под окошком,
Свинья под лукошком.
Пора, что ли?

Если игроки еще не спрятались, они отвечали: «Нет!». И тогда водящий снова начинал «кулюкать». Когда же на свое «Пора, что ли?» игрок не получал ответа, он начинал разыскивать спрятавшихся. Первый, отысканный им, становился водящим и начинал «кулюкать»¹².

Игра в «Похороны куклы». Делали куклу из подушек, перевязывая ее веревками, из маленькой подушки делали голову, повязывали платок. Затем полностью имитировали обряд похорон, шли на окраину города, в лес. Там обряд завершали (только не закапывали куклу), устраивали поминки. Каждый из участников вспоминал какие-либо детали настоящего похоронного обряда, который ему приходилось наблюдать, но, в целом, всем действием руководил кто-то один из играющих. Сама информатор не могла объяснить смысл игры и, рассказывая, удивлялась и говорила, что в

детстве играла «в странную игру», при этом «все взаправду плакали и причитали»¹³. Эта игра отражает с удивительной точностью древний ритуал, многократно фиксируемый этнографами еще в начале XIX в. Игра, видимо, имеет очень древние корни, является аналогом обряда «Похороны кукушки». Является даже не столько игрой, сколько отголоском древнего ритуала, символизирующего прощание с летом.

Обряд «похороны кукушки» относится к девичьим ритуальным играм, основными участницами которых были девушки и молодухи. В местных традициях были свои нюансы. Но, как правило, кукушка имела женский облик. Представляла собой антропоморфное чучело небольших размеров. Его делали из растений, украшали лоскутами или обряжали в одежду одной из участниц. Могли запеленать как ребенка или одеть в венчальное платье как невесту или вдову. В этом обряде соблюдали все нюансы и правила погребального обряда: обряжали покойника, укладывали в гроб, составляли похоронную процессию, хоронили, устраивали поминки. Через некоторое время чучело кукушки вырывали из земли, возвращая себе одежду или украшения. Вынесение кукушки за пределы поселения, закапывание-выкапывание, сопровождающие действия позволяют отнести этот обряд к магическим актам, направленным на повышение урожая, а главный атрибут — кукушка — восходит к одному из воплощений умирающего и воскресающего божества растительных сил¹⁴.

ИГРЫ С УЧАСТИЕМ ВЗРОСЛЫХ

Игра «Гуси-гуси». В некоторых играх, обычно с маленькими детьми, участниками становились и взрослые. В игре участвовала небольшая группа детей (5–10 человек) и кто-то из женщин, обычно пожилого возраста, добровольно присматривающих за играющими на улице детьми. Группа детей стояла на возвышенности или просто в отдалении от водящего. Взрослый, руководящий игрой, обращался к детям:

— Гуси, гуси!
— Га—га—га! (отвечали дети).
— Есть хотите?
— Да—да—да!
— Ну, летите!
— Нам нельзя, серый волк под горой не пускает нас домой!

— Ну, летите как хотите, только крылья берегите!

После этих слов дети бегут к руководящему игрой до определенной черты, которая считается домом. Водящий, изображающий серого волка, хватал кого-то из детей, и он, в свою очередь, становился серым волком¹⁵.

Игра «В лошадку». Играли малыши и кто-то из взрослых. Выбирали самого сильного или старшего по возрасту малыша — он играл роль лошадки: становился на четвереньки, ему приспосабливали «упряжь». Сверху садился другой ребенок. Задача «лошадки» — сбросить ездока. При этом руководитель игры пел:

Ехал Ваня, поспешал
И с коня Ваня упал.
Ой, жги, жги, жги,
И с коня Ваня упал.
Одна девочка увидела,
Прямо к Ване подбежала,
Ой, жги, жги, жги,
На коня Ваню сажала.

Роль лошадки и Вани дети исполняли по очереди.

Игра «В сороку». В эту игру играли взрослые с маленькими детьми, обычно мама со своим малышом. Мать брала ребенка за руку и, водя своим указательным пальцем по его ладошке, приговаривала:

Сорока — белобока,
Кашу варила,
Деток кормила.
Этому дала
(держит за один пальчик),
Этому дала (за другой),
Этому дала (за третий),
А этому не дала:
Ты кашу не варил,
Ты воду не носил!

Подобная игра записана И.П. Сахаровым. Исследователь пишет: «Сорока, как игра детская, увеселяет только детей и матерей и свято соблюдается в семейной жизни. Эта игра вводится тогда, когда колыбельные песни сменяются играми. Мать или няня берет руку дитяти, водит своим указательным пальцем по его ладони. Нетерпеливое дитя, приученное к этой игре, стоит в радостном томлении, а нежная мать говорит:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порог поскакивала,
Гостей посматривала:

Не едут ли гости?
Не везут ли гостинцы?
Приехали гости,
Привезли гостинцы.

После этого действие игры переносится с ладони на пальцы. Указывая на каждый из них, мать говорит:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца,
А этому не достало,
Поди, там
Есть колодец,
Напейся водицы.

Потом, указывая на ладонь, говорит: «Тут пень», показывая на место кисти: «Тут колода», подвигаясь к локотному сгибу: «Тут мох», приближаясь к подмышке: «Тут болото», щекоча под мышкою: «Тут студеная водица». Смех дитяти, ласковые поцелуи нянюшки, нежность маменьки оканчивают игру»¹⁶.

ИГРЫ В ЗАКРЫТОМ ПОМЕЩЕНИИ

Игра «В спички». Во время плохой погоды дети собирались у кого-либо дома по 3–4 человека и играли в эту игру. На стол высыпались из коробки спички горкой, игроки садились вокруг, брали по одной спичке и делали из нее «лопатку», разжевывая кончик спички. Затем этой лопаткой, не помогая дополнительно рукой, нужно было натаскать себе спичек из общей горки. Если спичка падала на стол с лопатки, ее нужно было вернуть на место. Выигрывал тот, у кого было больше всех спичек. Проигравший в конце игры исполнял стишок или песню. Затем игра начиналась заново¹⁷.

Игра «В колечко». Играли вечером или в помещении при плохой погоде на улице. Играющие садились в один ряд и держали перед собой руки с сомкнутыми ладонями «лодочкой». Водящий (определялся жребием или считалочкой) держал в сомкнутых ладошках колечко и, подходя к каждому из игроков, помещал свои ладони между ладонями сидящего, старался незаметно оставить у кого-либо колечко в руках. При этом нужно было, чтобы никто не догадался, у кого оно в руках. После того, как водящий обойдет всех участников игры, он говорит: «Колечко-колечко, выйди на крылечко!». Как только он произносит эти слова, игрок,

в чьих руках кольцо, должен выскочить из ряда сидящих. Задача соседей — его удерживать. Если это не удастся, он выбывает из игры. Игра продолжается до тех пор, пока не окажется два участника. Затем из них выбирается новый водящий и игра возобновляется.

Подобная старинная посиделочная игра «Золото схоронить» записана в Ермишинском районе Рязанской области¹⁸. Аналогичная игра под названием «Перстень харонють» существовала и в Курской губернии.

Игра «В фанты». Каждый из игроков отдавал водящему какой-либо свой личный предмет (платок, заколку, украшение и т.п.) Выбирался (чаще по желанию) человек, который придумывал разные задания. Ему завязывали глаза, и водящий спрашивал, держа в руке какой-нибудь предмет: «Этому что?». Тот, кто придумывал задание, не видел предмет и говорил, например: «Подпрыгнуть 10 раз на 1 ноге», и игрок, которому принадлежал предмет, выполнял задание и забирал свою вещь. Задания старались придумать повеселее и поинтересней, но при этом никого не унижали.

ИГРЫ НА ПРИРОДЕ (ПОДВИЖНЫЕ, КОМАНДНЫЕ)

Игра «В клин». На земле очерчивался мелом квадрат, в центре которого помещался камень. На камень клали палку длиной 15 – 20 см., одна сторона которой была заточена клинообразно. Игроки по очереди ударяли каждый своей битой по клиновидному концу лежащей палки с силой так, чтобы она подлетела вверх, а затем ударяли клин на лету так, чтобы он отлетел как можно дальше. Замеряли расстояние, затем выбивал следующий игрок и т.д. Побеждал тот, кто дальше всех выбивал клин.

Схожая игра в старину называлась «Чижик», хотя она была немного сложнее и требовала большого мастерства и сноровки. Один из детей бил по «чижику», в это время другие старались ударить по нему в воздухе¹⁹.

Игра «В сапожника». В игре участвуют дети среднего возраста, нечетное число. На земле острым предметом дети чертили круги диаметром 70-100 см. на расстоянии друг от друга примерно от 2 до 3 метров. Все дети заходили в окружность, оставался водящий — «Сапожник». Дети должны были поменяться местами, перебежав из

одной окружности в другую. Задача водящего — занять пустой круг. При этом игроки не должны были вслух договариваться, кто и с кем поменяется местами, они могли переглядываться, подавать знаки рукой. При этом отвлекали внимание водящего, обращаясь к нему со словами: «Сапожник, сапожник, сшей мне сапоги черные, лаковые!» (Возможны разные вариации: башмаки черные лаковые, красные туфельки на каблучке и т.д.) Цель этих обращений — отвлечь внимание водящего, чтобы пара игроков успела поменяться местами²⁰.

Игра «В горелки». Игра имеет глубокие корни, она бытовала повсеместно. Играли дети и молодежь на открытом воздухе. Играющие выстраивались парами в колонну, держась за руки. Водящий становился впереди колонны. После этого декламировали нараспев:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо,
Птички летят,
Колокольчики звенят!
Раз, два, три,
Не воронь,
Беги как огонь!

В это время, когда звучали стихи, игроки последней пары, расцепив руки, продвигались каждый по своей колонне. На слово «звенят» эти двое бежали вперед, водящий должен был поймать одного из них. Задача состояла в том, чтобы добежать до определенной черты. Если водящий не смог поймать беглецов, он вставал на прежнее место в начале колонны и «горел» еще раз. Убежавшая пара становилась первой в колонне. Если водящий ловил одного из убежавших, то он становился водящим. А оставшийся игрок брался в пару, и пара становилась в начале колонны. По обыкновению, водящий старался поймать парня, чтобы встать в пару с девушкой, а водил, как правило, парень.

ИГРЫ С ИГРОВЫМ ИНВЕНТАРЕМ

Игра «В банки». Инвентарь игры составляли палки (80–100 см.), консервные банки (чурбачки). На земле чертили круг, в центр которого ставили несколько пустых банок друг на друга. Вне круга, чуть в стороне, стоял водящий. Остальные игроки стояли за линией, в 7–8 метрах от центра, и отсюда бросали свои палки, пытаясь сбить банки.

После того, как банки сбивали или последний игрок бросал свою банку, все бежали подбирать свои палки, а водящий стремился осалить какого-либо игрока. Осаленный игрок становился водящим²¹.

Игра весьма распространенная, напоминает игру «в бачу» (бача — деревянная фигурка) — девичью ритуальную игру²². В этой игре использовались бачевые палки, которые изготавливали парни и дарили их понравившимся девушкам. На земле чертили круг, в центр которого ставили деревянную фигурку — «бачу». В 6—7 метрах от нее чертили линию, за которую становились играющие. Отсюда каждая девушка кидала свою палку, пытаясь сбить «бачу». После того, как сбивали «бачу» или бросали последнюю палку, все девушки бросались подбирать свои палки и как можно скорее старались вернуться за черту.

Игра «В пристенок». Для игры использовали резиновый мяч и место рядом с глухой стеной. Дети становились цепочкой друг за другом и, ударяя мячом о стену, выполняли различные комбинации движений. Например, перепрыгнуть и поймать мяч, ударить мячом о стену и, пока мяч летит, обернувшись вокруг себя, поймать его. Одно и то же движение выполняли по очереди. Кто из детей заронит, тот выбывает из игры.

Игра «В лапту». Игра лапта получила свое название от деревянной маленькой лопаточки, употребляемой игроками. Лапта и мяч являются игровым инвентарем. Прежде всего выбирали двух капитанов (в старину — маток), которые набирали себе команды. Это делалось так: игроки договаривались между собой и попарно подходили к маткам. Например, говорили: «Сухого или мокрого тебе?» (синий — зеленый, сладкий — соленый и т.д.). Капитаны не знали, кто из пары «сухой», а кто «мокрый». Поэтому называли наугад и только потом узнавали, кто же играет у них в командах. Это делалось для того, чтобы составы команд были равноценными, и никто специально бы не выбирал более сильных игроков. Затем жребием определялось «кому служить, кому водить?». После этого каждый вставал на положенное место. Один становился у игровой черты — он должен был подавать мяч, другой — на середину — ловить мяч, третий — по бокам ловил мяч, четвертый караулил коновую черту. Первый, стоящий на игровой черте, бро-

сал мяч вверх игрокам, остальные, поймав мяч, должны были бить игроков, бегущих к новой черте. Половина, которая водит, становилась в кружок на игровой черте. Один брал лапту и бил ею мяч. Пробивши, шел назад. На его место становился другой и делал то же самое. В то же время, когда летел мяч от удара второго игрока, первый бежал к коновой черте, всячески избегая, чтобы ловцы его не поймали ударом этого мяча. Каждый из играющих выполнял свои функции. Игроки, которые «служат», должны были подавать мяч бойцу только до 3 раз. Если он не успевал его подбивать лаптою, старались мяч ловить на лету. Если успевали схватить мяч на лету, то старались схватить его как можно скорее и бить им бегущих игроков. Игроки, которые «ведут», бьют по мячу лаптою, бегут от черты к черте, уворачиваясь от ловцов, в случае неудачи возвращаются назад²³.

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Существовали и настольные игры. Их было мало. Как правило, нужно было «дойти» до конечного пункта или набрать как можно больше очков. К сожалению, нам не удалось увидеть и изучить какую-либо из настольных игр. Известно только, что играли в лото, в игры, где использовалось игровое поле, фишки, кости с очками, бросая которые определяли количество очков и количество ходов, которые делал игрок. Существовали штрафные очки, возврат ходов. Каждая игра имела свои особые правила.

Подобные игры не являются чем-то новым, появившимся в XX веке. Подобные развлечения существовали уже давно и, по всей видимости, были привнесены из-за границы²⁴.

ИГРЫ РОЛЕВЫЕ

Игра «В казаки-разбойники». Играющие делились на две команды: «казаки» и «разбойники». Причем разбойники всегда убегали, а казаки их догоняли. Убегая, разбойники оставляли какие-либо знаки — метки, по которым их и находили. Цель разбойников состояла в том, чтобы, попутав по игровой территории, вернуться в лагерь. Возможны были стычки, потасовки, взятие в плен, направление по ложному следу и другие нюансы, которые обговаривались заранее²⁵.

На основании собранного материала можно сделать вывод, что, несмотря на не-

простые социально-экономические условия, детские игры были неотъемлемой частью образа жизни подрастающего поколения, хотя в ходе опроса, беседы интервьюеры, прежде всего, говорили о частой нехватке продуктов питания, а иногда и о голодном детстве, о взрослой работе, выполняемой подростками. Нужно отметить, что чаще всего вспоминали командные, подвижные игры, пользовавшиеся особой популярностью. Меньше — игры ролевые. В ролевых играх имитировали, как правило, бытовые или семейные ситуации, практически никогда — политические.

Таким образом, в Старом Осколе в 20-30-е годы XX в. бытовали игры, распространенные в целом в южно-русском регионе страны. Практически все игры были известны и в более раннее время. Некоторые игры содержат архаичные черты, элемент обрядности, уходящей своими корнями в глубокую древность (например, игра «Похороны куклы»). Игра «В колечко» носит явное сходство со старинными посиделочными играми. Почти все опрашиваемые сообщили, что узнали о той или иной игре от детей старшего возраста. Нужно заметить, что никто из интервьюеров не сообщил о новых играх, появившихся именно в интересующий нас период или существующих в какой-то лишь определенной социальной среде.

С течением времени многие игры оказались утраченными, некоторые же с определенными изменениями сохранились и в настоящее время. Так, среди детей младшего и среднего школьного возраста по-прежнему популярна игра в прятки, в «пристенки», девочки играют в классики, прыгают через скакалку, мальчики играют «в камушки». В последнее время вновь возвращается интерес к игре в лапту, ее разучивают и в нее играют школьники на уроках физкультуры. Правила игры остались практически прежними, одно из отличий заключается в существующем игровом инвентаре: в современном варианте используется универсальная бита. В последнее время стали популярными и ролевые игры, которые становятся все более масштабными и выходят за рамки детских развлечений. Так, игра под названием «Северный ветер» состоялась летом 2005 г. в Белгородской области. Время действия игры — IX — X вв. Участвовали команды из Липецка, Москвы, Воронежа, Курска. В ходе игры было создано условное

историко-топографическое пространство Древней Руси и зарубежья, и была разыграна одна из вероятных моделей истории, не привязанная к конкретным историческим событиям, в которой участвовали «рыцари» и «витязи». В игре были нападения врагов, захват и оборона поселений, рыцарские турниры и т.д. Участники игры были совершенно разные по возрасту: от 15 до 30 лет. Здесь речь идет уже скорее не об игре, а о некоем ролевом движении, популярном среди молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Записано со слов жительницы Старого Оскола Добрых Веры Арсентьевны, 1916 г.р.
- ² Кичигин В.П. Народная культура юга России. — Белгород, 2000. — С. 276.
- ³ Записано со слов жительницы Старого Оскола Кущевой Александры Андреевны, 1927 г.р.
- ⁴ Записано со слов жительницы Старого Оскола Кущевой Александры Андреевны, 1927 г.р.
- ⁵ Записано со слов жительницы Старого Оскола Дураковой Нины Тимофеевны, 1916 г.р.
- ⁶ Записано со слов жительницы Старого Оскола Кущевой Александры Андреевны, 1927 г.р.
- ⁷ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М., 1990. — С.159.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Записано со слов жительницы Старого Оскола Дураковой Нины Тимофеевны, 1916 г.р.
- ¹⁰ Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. — СПб., 2005. — С. 251.
- ¹¹ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М., 1990. — С. 155.
- ¹² Там же. — С. 156.
- ¹³ Записано со слов жительницы города Старого Оскола Саньковой Екатерины Ивановны, 1932 г.р., ранее проживавшей в с. Дегтярное Курской области.
- ¹⁴ Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. — СПб., 2005. — С. 305.
- ¹⁵ Записано со слов жительницы Старого Оскола Ключниковой Анны Васильевны, 1911 г.р. Ранее проживала в с. Веселое Красногвардейского района Белгородской области.
- ¹⁶ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М., 1990. — С.158.
- ¹⁷ Записано со слов жительницы Старого Оскола Дураковой Нины Тимофеевны, 1916 г.р.
- ¹⁸ Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Игры детей вчера и сегодня // Преподавание истории в школе. № 8. - 1999. — С. 42.

¹⁹ Там же. С. 164.

²⁰ Записано со слов жительницы Старого Оскола Захаровой Ольги Максимовны, 1919 г.р.

²¹ Записано со слов жителя старого Оскола Черных Николая Ивановича, 1922 г.р.

²² Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. — СПб., 2005.

— С. 153.

²³ Записано со слов жителя Старого Оскола Черных Николая Ивановича, 1922 г.р.

²⁴ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М., 1990. — С. 181.

²⁵ Записано со слов жителя Старого Оскола Черных Николая Ивановича, 1922 г.р.

В.М. Русин

ОСКОЛЬСКИЕ ХРАМЫ В 1930-ые ГОДЫ: ЗАКРЫТИЕ

К началу Великой Отечественной войны все храмы в Старом Осколе были закрыты, от некоторых городских церквей уже не осталось камня на камне. Процесс их планомерного уничтожения продолжался вплоть до оккупации города немецкими войсками. Жителей заранее оповещали по радио о готовящихся взрывах храмов, чтобы они не подумали, что началась бомбежка.

В сентябре 1940 года председатель Старооскольского исполкома райсовета Черников и секретарь Симонов, отчитываясь перед областным начальством, указывали, что в районе осталось всего две действующие церкви: в Ездоцкой слободе и селе Обуховка. Материал на закрытие бездействующих церквей в слободе Стрелецкой и селе Лапыгино уже был оформлен и передан в облсовет¹.

Вскоре на деревянный Лапыгинский храм поступил заказ от руководства Старооскольской мебельной фабрики. Директор Скобляков и главный инженер Слепнев просили облисполком дать соответствующее распоряжение Старооскольскому РайФО о передаче здания церкви фабрике. Церковь, по мнению просителей, должна была полностью обеспечить материалами окончание нового строительства и реконструкцию имеющихся зданий школы ФЗО, организованной на базе мебельной фабрики².

По решению исполкома Курского облсовета депутатов трудящихся храм в Лапыгино был закрыт 29 октября 1940 года. А всего в том году в Старооскольском районе областные власти закрыли храмы в шести селах: в Атаманском (14 марта), в Жуково (4 июля), в Казачке и Незнамово (оба 18 июля) и в Хорошилово (2 сентября)³.

Осенью того же 1940 года активно шел сбор документов, необходимых для закрытия бездействующих, но еще не закрытых храмов в Ямской, Гуменской и Казацкой слободах, а так же в селах Ивановка, Лебеди и Теплый Колодезь⁴.

Остальных храмов в Старооскольском районе уже не существовало. Во всяком случае, юридически.

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА

26 ноября 1936 года. Эту дату можно считать началом последней атаки на старооскольские храмы. В этот день так называемая культовая комиссия Курского облисполкома отправила в Старооскольский РИК (районный исполком) некое письмо за номером «073». В письме содержалось указание ускорить сбор документов, необходимых для юридического закрытия и физической ликвидации церквей, имеющих в городе и районе. В перечень действий, сопровождающих процедуру закрытия, входила фотофиксация объектов. Храмы предписывалось сфотографировать снаружи и изнутри (от входа)⁵. Это похоже на портреты арестантов в фас и профиль, которые подшивались к следственным делам. К слову сказать, ни одного фотоснимка, запечатлевшего интерьеры разрушенных оскольских храмов, в архивах не обнаружено. Напрашивается вывод: или они не сохранились, или они и не делались. Ведь областные власти торопили, предлагая «форсировать» события...

Документы по закрытию старооскольских церквей долгое время не попадали в поле зрения исследователей. Краеведы, касавшиеся этой темы, опирались в основном на воспоминания старожилов. Но воспоминания, как известно, не самый полный и не самый точный источник информации. К тому же нельзя помнить того, чего и не знал. А о том, как на самом деле происходило в Старом Осколе закрытие и разрушение церквей, знали немногие. О том же, что последний из закрытых в городе храмов — кладбищенский — принадлежал уже не Православной Церкви, а обновленческой группировке, мало кто и догадывался.

По иронии судьбы, секретарь районного исполкома, поставивший на повестку дня вопрос о закрытии кладбищенского храма, носил такую же фамилию, как и самый щедрый благотворитель, в конце XIX века капитально отремонтировавший эту церковь, — Симонов⁶.

ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1917 году советская власть национализировала не только заводы и фабрики, но и храмы. Считалось, что они вместе с церковным имуществом принадлежат госфон-

ду и находятся во временном пользовании общин верующих. В любой момент любой общине власти могли предложить переселиться в другое здание, а то и вовсе скоординировать разойтись, заменив предварительно по-настоящему верующих членов общины разуверившимися.

До революционных потрясений 1917 года в Курско-Белгородской епархии насчитывалось 1097 церквей⁷. Заккрытие храмов началось уже в первые годы советской власти. Правда, поначалу этот процесс шел с куда меньшей интенсивностью, чем в 1930-ые годы. По данным Ю. Бугрова, к 1925 году на территории бывшей Курской губернии было закрыто всего около десяти храмов. Для сравнения, в одном только 1935 году Курский облисполком подписал постановления о закрытии 205 церквей, в 1936 году — 135, в 1937 году — 91⁸.

12 августа 1941 года в архив исполкома облсовета был передан список молитвенных зданий, закрытых на территории Курской области в 1940 г. и первой половине 1941 г. Он насчитывал 248 храмов⁹.

В первую очередь пострадали домовые храмы, открытые при различных заведениях. Главным образом, при духовных училищах и семинариях. Известным декретом 1918 года Церковь выдавливалась из образовательной системы и лишалась всякой возможности влиять на подрастающее поколение. Новому режиму нужны были новые люди, не обремененные «религиозными предрассудками». После ликвидации Старооскольского духовного училища в помещении, где раньше находилась домовая Свято-Димитриевская церковь, был оборудован зрительный зал. Святой алтарь, в котором совершалась Божественная Литургия, после реконструкции превратился в сцену, предназначенную для «проведения зрелищных мероприятий и митингов»¹⁰.

Многие приходы в наших краях лишились пастырей в годы гражданской войны. Одни священники стали жертвами межусобиц и бандитизма, нарядившегося в латы атеизма. Другие — не вынесли откровенного безбожия нового режима и в конце 1919 года покинули Курск, Белгород, Старый Оскол с отступающими войсками Вооруженных сил Юга России, которыми командовал генерал А.И. Деникин.

Однако в первые годы советской власти проблема кадров в Русской Церкви стояла еще не так остро, как двадцать лет спустя.

Тогда нашлись достойные кандидаты в священники из тех, кому в иное время путь в духовное сословие был бы заказан. Многие из них свою верность Христу подтвердили мученической кончиной.

В 1922 году в ходе кампании по изъятию церковных ценностей храмы были лишены былого благолепия, а некоторые и самого необходимого. Все, что жертвовалось «на Церковь» благочестивыми христианами прошлых лет, расхищалось ненасытными нехристями под предлогом помощи голодающим. За оставленные в храмах евхаристические сосуды и кресты верующие обязаны были расплатиться. Но и после этого власти продолжали считать все, что находится в храмах, имуществом госфондов.

Через семь лет прокатилась новая волна изъятий. На этот раз охотились, в основном, за колоколами. По информации воронежского краеведа С.Г. Санина, «...с октября 1929 г. до середины января 1930 г. церкви Черноземья лишились колоколов общим весом в 679 тонн. Одновременно с колоколами изымались другие металлические изделия культового назначения»¹¹.

Однако это был не самый серьезный урон, который советская власть нанесла Церкви в период «головокружения от успехов». В 1929-1931 годы осиротели сотни приходов в Центрально-Черноземной области советской России. По официальным данным, обнародованным не так давно, из этого региона в северные края было выселено 26 006 раскулаченных семей. Среди них — семьи церковных ктиторов, активных прихожан, не стыдившихся открыто выражать свои религиозные убеждения и тем раздражавших воинствующих атеистов. Проводившие кампанию по раскулачиванию записывали в кулаки-подкулачники и представителей духовенства. Священников судили за невыполнение хлебозаготовок и обвиняли в агитации против колхозного строя. Религию в очередной раз связывали с контрреволюцией. В директиве Кагановича, разосланной по местам в начале 1929 года, религиозные организации прямо назывались «единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы»¹².

Давление на Церковь было инициировано властью, принявшей ряд законодательных мер по ограничению ее деятельности. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», принятое

в апреле 1929 года, загоняло церковную жизнь в прокрустово ложе «отправления религиозного культа». В этом же документе следовал длинный перечень запретов, которые нашли лаконичную форму в принятой через месяц поправке к Конституции. Согласно ей, верующие лишались права религиозной пропаганды. У неверующих же право популяризации своих взглядов, используя все возможные ресурсы, включая государственный, оставалось.

Фактически это было призывом к уничтожению Церкви как таковой. Недаром в эти годы рождается знаменитый призыв Союза воинствующих безбожников: «Борьба с религией есть борьба за социализм». Когда осыпалась позолота с мечты о светлом коммунистическом будущем, во имя которого надо терпеть тяготы серой социалистической действительности, мудрое правительство в качестве объединяющей народ силы использовало ненависть к врагам, мешающим советским людям жить хорошо.

ВОЙНА – ХРАМАМ

По оценке белгородского исследователя П.Ю. Субботина, «процесс закрытия церквей в 1929-30 годах приобрел на Белгородчине характер настоящей войны»¹³. По линии Союза воинствующих безбожников организовывались агитбригады, которые разъезжали по селам с лекциями и номерами художественной самодеятельности, разоблачающими «ложную суть религии». Порой такие агитаторы встречали решительный отпор местных жителей.

Аресты священнослужителей привели к тому, что церковная жизнь во многих приходах замерла. Тайнства совершать было некому, и храм стоял на замке. За ключом от этого замка шла охота. Иногда замок попросту срывали и храм захватывали под хозяйственные нужды, а то и вовсе растаскивали на стройматериалы. Таким образом, законные основания под незаконные деяния подкладывались задним числом.

Уже «К концу 1929 года только в Старооскольском округе было закрыто 79 церквей, из которых 65 использовалось под зернохранилища...»¹⁴.

К осени 1936 года в Старом Осколе были еще не закрыты четыре храма: Покровский, Казанско-Николаевский, Богоявленский соборный и кладбищенский Ахтырский¹⁵. Об Успенском и Благовещенско-Михайловском

храмах в документах второй половины 1930-ых годов не упоминается. По всей видимости, к этому времени они либо уже превратились в груды обломков, либо все формальности, препятствующие их «законному» разрушению, властями были соблюдены.

ЦЕРКОВЬ ОТДАЛИ ПОД КАЗАРМУ

В опустевшем кладбищенском Ахтырском храме доживала свои последние дни община раскольников-обновленцев во главе с протоиереем А. Житником. Три другие городские церкви классифицируются в документах как «бездействующие». Указывается, что используются они «Заготзерно» под склады, в результате чего соборная церковь «от тяжести зерна дала большую трещину и угрожает обвалом».

Вопрос «о состоянии госфондового имущества и ценностей, находящихся в Соборной и Николаевской церквях», рассматривался на заседании Президиума Старооскольского РИКа еще в июне 1936 года. Внесли его на рассмотрение временно исполняющий должность заведующего РайФО товарищ Севрюков и ст. инспектор Госфондов товарищ Дагаев. Из протокола этого заседания можно узнать, что в одном из храмов (в Соборном или Николаевском, не уточнено) был в ту пору расквартирован 2-ой батальон 55-го стрелкового полка. Солдаты этого подразделения Рабоче-крестьянской Красной Армии набожностью не отличались и к «поповскому наследству» относились без благоговения. «В результате ценности и культовое имущество (парча и проч.) приведены в негодность: часть иконостасов даже с позолотой находятся в ненадлежащем виде, то есть употреблены на строительный материал во дворе батальона...». Что именно построили солдатики из позолоченных иконостасов, в протоколе не указано. Латунь с люстры, подсвечников и прочей церковной утвари, сваленной в большую кучу, использовалась служилыми людьми в качестве кузнечного материала. Этот факт особенно возмутил членов комиссии, проводивших проверку. Они негодовали, как можно так поступать, «...зная о том, что эти ценности более полезными явятся для нашей социалистической промышленности, куда госфонд обязан /их/ по локальному договору сдать»¹⁶.

ОБЩИНЫ ВЕРУЮЩИХ РАСПАЛИСЬ «ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА»

В обнаруженных документах указано, что общины верующих трех выше перечисленных храмов распались в 1931 году. Именно с этого года за приходами числятся крупная недоимка по налогу со строений, земельной ренте и страховых платежей. Долг Покровской церкви вырос до 9 661 рубля, Николаевской до 18 581 рубля. Собор задолжал государству 11 206 рублей. О том, что распад общины был не совсем естественным процессом, свидетельствует тот факт, что «группы верующих переведены были в одну из действовавших в то время церквей, после чего эта последняя была ликвидирована в 1931-1932 гг. по постановлению правительства»¹⁷. Верующие делали попытки зарегистрировать новые общины при отнятых, но еще не разрушенных церквях. Однако зачастую им в регистрации отказывали. К примеру, в 1937 году Т.М. Прихотько от имени вновь организуемой общины верующих обратилась к областным властям с просьбой о передаче в пользование здания Покровской церкви. Председатель культовой комиссии Облисполкома товарищ Андрианов ответил, что область «не считает возможным удовлетворить ходатайство гражданки Прихотько», так как «указанное здание по соглашению с бывшей Покровской общиной верующих занято в настоящее время под государственные нужды»¹⁸.

Параллельно власти собирали своеобразные «общины неверующих» — группы людей, готовых поставить свою подпись под прошением о закрытии той или иной церкви. Подписи собирались активистами на предприятиях, в учреждениях или просто путем обхода по домам. Райисполком, составляя списки ратовавших за ликвидацию церквей, учитывал границы «приходов». (Это слово в документах взято в кавычки)¹⁹. Были в «приходах» те, кто с готовностью голосовал за закрытие храма. Были те, кто подписывался из-за боязни попасть под колеса репрессивной машины. Но были и те, кто вежливо выпроваживал посланников РИКа, рискуя навлечь на свою голову гнев властей. По данным советской статистики, несгибаемых отказников было в среднем около 15% от всех жителей. Даже без поправки на искажения большевицкой отчет-

ности, это немало. Наше внешне благополучное время даст ли столько же христиан, готовых ценой лишений и мучений засвидетельствовать свою веру во Христа?

Члены президиума Старооскольского райисполкома, верша судьбу трех городских храмов, проявили одновременно заботу о госфондовском имуществе церковного происхождения, нелюбовь к Церкви и отдали дань времени, требовавшему жертв. Районному прокурору товарищу Кочанову было поручено привлечь к уголовной ответственности инспектора РайФО Лавриненко, ведавшего госфондами. Его наказывали «за допущенные безобразия», как-то: хищение и бесхозяйственное хранение ценностей и утеря описей церковного имущества. Латунь и прочий металл с икон, иконостасов, подсвечников поделили между собой две организации: Курский цветметалл и ХОЗО НКВД. Сами церкви местный РИК воспринимал уже как строительный материал, который планировалось использовать «для нужд коммунального строительства в городе». Возбуждая перед ВЦИКом вопрос о закрытии трех церквей, члены президиума Старооскольского райисполкома просили учесть то, что в Старом Осколе «при наличии развертывания работ Курской магнитной аномалии, железнодорожной станции и крупного депо... и других промышленных предприятий, как, например: кондитерской фабрики с числом рабочих 500 человек, канатной фабрики с числом рабочих 600 человек, двух мельниц и маслозавода — 700 человек и т.д. не имеется культурного очага — клуба, дома пионеров и других культурных учреждений»²⁰.

«ПРОШУ НЕ СЧИТАТЬ МЕНЯ СЛУЖИТЕЛЕМ КУЛЬТА»

28 сентября 1938 года была поставлена жирная точка в истории храма Ахтырской иконы Божией Матери, находившегося на территории городского кладбища. В этот день президиум Курского облисполкома совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов утвердил решение областной культовой комиссии о закрытии в разных районах Курской области ряда культовых зданий. Среди них католический костел в самом Курске и кладбищенский храм в Ст. Осколе, принадлежавший уже не Православной Церкви, а обновленческой группировке²¹.

Это был последний городской храм.

Большевикам проще всего было закрыть обновленческие храмы. Через полтора десятка лет со дня своего основания «Живая Церковь» была уже ни живой, ни мертвой. Обновленческие приходы нередко начинали, что называется, гнить с головы. Из обновленчества уходили в две стороны: либо к Богу в Православную Церковь, либо во тьму безбожия. От таких общин порой действительно оставались одни списки.

Летом 1938 года власти разослали приглашение на допрос всем, кто числился в списках обновленческой общины кладбищенской церкви. Допрос состоялся 2 июля. Вел его инспектор Резухин, перед которым была поставлена задача — доказать, что закрытие этого храма является волей народных масс.

Резухину с готовностью подыграл бывший прихожанин Ахтырской церкви Павел Александрович Ляхов.

— В список членов общины я зачислен случайно, — сообщил он. — Меня никто не выбирал и я согласия не давал. Из общины я выбыл давно, около семи лет. Моя жена Ляхова М.М. уже отошла от церковных дел... Кто еще остался в общине, я не знаю, почти все давно вышли. Так, например, Сотников И.В. тоже давно не ходит, около двух лет. Голосовский В.И., член совета общины, давно сидит в тюрьме, около года. Вся община разошлась давно, и кто остался — не знаю, да и людей, значащихся в списке, я так же никогда не видел²².

Бывшие члены общины кладбищенской церкви В.Н. Голосовская и Н.М. Шершнева заявили, что они к этой общине никакого отношения не имеют и иметь не хотят, так как принадлежат Тихоновской Церкви, а не обновленческой. Кто остался в покинутой ими общине — женщины затруднились ответить, высказав предположение, что все из нее вышли еще два года назад²³.

Но, конечно, самым большим козырем в руках инициаторов закрытия Ахтырского храма было заявление бывшего его настоятеля протоиерея И. Житника, написанное 29 июня того же года:

«Сим заявляю, что обновленческая община кладбищенской церкви г. Ст. Оскола распалась. Производить ремонт здания храма, уплачивать налоги нет средств. Я слагаю с себя звание настоятеля храма и прошу районную культовую комиссию с сего числа не считать меня служителем культа

и со зданием храма поступать по своему усмотрению»²⁴.

Культовая комиссия «усмотрела»: «Произвести ликвидацию молитвенного здания и культового имущества»²⁵.

КАК ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ВЕРНУЛ ИЛЬИНСКУЮ ЦЕРКОВЬ ВЕРУЮЩИМ

Осенью 1938 года группе верующих, которые были против полной ликвидации Ахтырской церкви, вежливо предложили «для отправления культовых обрядов использовать действующую церковь в слободе Ездоцкой». Община Ильинского храма в Ездоцкой слободе не распалась даже тогда, когда власти лишили ее священника.

Любопытный факт. До революции ктиторами (то есть попечителями) храмов были мужчины. В основном, люди богобоязненные и обеспеченные: купцы, зажиточные крестьяне. В 1930-ые годы подавляющее большинство ктиторов были женщинами, не боявшимися советской власти и ни гроша не имеющими за душой. С течением лет их сменили теплохладные бесполые старосты, нередко враждебно настроенные к священству как классу и бесстрашно взиравшие на закрытие храмов в хрущевскую «оттепель»...

Во второй половине 1930-ых годов ктиторм Ильянского храма была Анна Ивановна Рукавицына. Во многом благодаря ее героизму (иначе такое поведение не назовешь) храм удалось отстоять. Бесстрашная ктиториша заваливала все инстанции многостраничными жалобами на местную власть, мешающую ездоцкой общине жить нормальной церковной жизнью. Против врага она использовала его же оружие — риторику советских чиновников.

— Пора покончить с этой волокитой, — восклицала Анна Ивановна в июле 1937 года, требуя скорейшей регистрации священника, которая растянулась на пять месяцев.

После жалобы он был зарегистрирован в пятидневный срок²⁶.

Когда в августе 1938 года храм превратили в амбар, завалив его зерном не на 1/2, как это было указано в составленном договоре, а полностью, ктиториша пожаловалась в местный совет. Тот проигнорировал жалобу. Тогда Анна Ивановна отправила письмо в самую высокую инстанцию — Верховный Совет РСФСР. Корреспонденция дошла и

была замечена. В феврале 1939 года чиновники Курского облисполкома получили на правительственном бланке документ следующего содержания:

«Информационно-статистический отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР просит сообщить о результатах рассмотрения жалобы гражданки Рукавицыной А.И. Ездоцкого с/с Старооскольского р-на № 644/385 по вопросу об освобождении здания Ильинской церкви из-под зерна.

Зам. зав. Информационно-Статистическим отделом при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР (Смирнов).

3 февраля 1939 г.

Москва-Кремль»²⁷.

Неизвестно, чем было вызвано такое внимание кремлевского функционера к судьбе пригородной церковной общины. Товарищ Смирнов не призывал к возвращению церкви верующим во имя справедливости, но и не настаивал на ее окончательном закрытии во имя победы воинствующего безбожия. Он просто требовал отчета о результатах рассмотрения жалобы во имя статистики. Но областные власти перепугались и порядком перепугали власти района. Секретарь Старооскольского РИКа Симонов всю вину тут же свалил на Иванова, начальника «Заготзерно». В область полетела выписка из протокола заседания райисполкома, на котором товарищу Иванову приказывали «в месячный срок освободить Ильинскую церковь из-под зерна и передать группе верующих»²⁸.

13 февраля исполняющий обязанности секретаря Облисполкома Журавлев телеграфировал в столицу: «...Ильинская церковь из-под зерна освобождена и передана в пользование верующим»²⁹.

ПИСЬМО «ВСЕСОЮЗНОМУ СТАРОСТЕ» М.И. КАЛИНИНУ

Через год ктитор храма Анна Ивановна Рукавицына вступила в новый бой с местной властью. На этот раз она требовала вернуть на приход священника Покровского, которого народный суд приговорил к году исправительных работ «как злостного неплательщика». Рукавицына написала длинное письмо Председателю Президиума Верховного Совета М.И. Калинин. «Я вынуждена обратиться к вам, Михаил Ива-

нович, с просьбой обратить внимание на неправильный поступок нашего Ездоцкого сельсовета, — жаловалась она «всесоюзному старосте». — Сельский совет задался целью лишить нас службы и /возможности/ исполнения религиозных треб, зная, что по сталинской конституции (ст. 124) он на то права не имеет»³⁰.

Анна Ивановна обвиняла местные власти в том, что они хотят уничтожить церковь обходным путем. Она объясняла, что Ильинский храм построен не так давно и содержится общиной в хорошем состоянии. Осадок и трещин не имеет. В ремонте не нуждается. Лишь в некоторых местах надо подправить штукатурку, подпорченную во время хранения в церкви хлеба. Положенные платежи выплачиваются общиной всегда досрочно. «Мы всегда идем навстречу колхозу и государству, отдавая церковь под засыпку зерна, — писала А.И. Рукавицына. — Сами исполняем службу в малой сторожке. Священник нашего прихода Покровский по первому платежному извещению, что полагалось, уплатил полностью за 1938-1939 года»³¹. Тогда пришло второе извещение, в котором РайФО «по доносу с/совета о том, что якобы наш священник имеет большую доходность, обложил его подоходным налогом в баснословной цифре», которую он не мог бы собрать даже за три года. И таким образом священнослужитель попал в разряд «злостных неплательщиков», приговоренных нарсудом к году исправительных работ по месту жительства»³².

Власти воспользовались тем, что в Ильинской церкви службы не совершаются и подняли вопрос о передаче ее под клуб. Но на общем собрании никто из жителей слободы, кроме комсомольцев и самих членов сельсовета, не согласился с таким решением. Однако сельсовет продолжал вести борьбу за ликвидацию храма. Церковное здание было объявлено ветхим и населению не нужным. А община верующих продолжала отстаивать закрепленные сталинской конституцией «права граждан на отправление религиозных культов». Ктитор А.И. Рукавицына «убедительно» просила Калинина, если уж не реабилитировать священника Покровского полностью, то хотя бы разрешить ему в свободное от исполнения трудовой повинности время причащать и отпевать прихожан церкви.

«Михаил Иванович, /.../ о результатах

просим нас сообщить непосредственно, так как куда вами будет направлена резолюция, нам извещено не будет, и мы будем беспокоиться»³³.

Интересная подробность. Все свои многочисленные и многостраничные жалобы Анна Ивановна диктовала, так как сама не владела грамотой. Письмо Калинин у нее слов записывала некто Ансимова.

«ЯЧЕЙКА СВБ РАСПАЛАСЬ, АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ НЕ ПРОВОДИМ»

Неизвестно, как отреагировал на «убедительные просьбы» прихожан ездоцкой церкви М.И. Калинин. Однако письмо было написано в марте, а в июне местная пресса уже критиковала власти за ослабление борьбы с религией. В газете «Путь Октября» вышла статья П. Морина с красноречивым заголовком — «Забытый участок работы». Из нее нам стало известно, что богослужения в Ильинском храме были возобновлены.

«Два года назад в слободе Ездоцкой, благодаря оживленной антирелигиозной работе, 95 процентов населения возбуждали ходатайство о закрытии церкви, — врал и возмущался автор статьи. — Но эта инициатива до конца доведена не была, и дело заглохло, а ячейка Союза воинствующих безбожников распалась. Но зато нашлась двадцатка среди верующих, которая добилась открытия церкви. И вот этот скорпион, стоящий посреди села, который сотнями лет сосал кровь трудящихся, оживил религиозные предрассудки в головах отсталой части людей нашего района. Они потянулись в церковь. Только за три дня «работы» она пропустила более 1 500 человек через сети темноты и невежества. 19 июня эта церковь занималась исключительно крещением детей...

Посещают церковь не только старики и старухи, но и молодежь, и учащиеся школ. Такое же оживление церковников мы имеем и в других селах нашего района (Обуховка, Казацкая, Федосеевка и др.)... Но стоит только поинтересоваться состоянием антирелигиозной работы в тех сельских советах, на территории которых оживилась работа церковников, то везде получишь однотипные ответы: ячейка СВБ распалась, антирелигиозной работы не проводим»³⁴.

«ПРОСИМ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ СВЯЩЕННИКА...»

Интересы общины верующих Вознесенского храма, что в слободе Казацкой, отстаивала перед властями ктитор Константинова. Она также отправляла жалобы в разные инстанции, но они реже достигали результата. В том же 1940 году местный исполком наотрез отказался регистрировать священника казацкой церкви Феодора Андреевича Феодоровского. Константинова пожаловалась областным властям. Те потребовали от Старооскольского исполкома объяснения. 2 декабря секретарь Симонов это объяснение предоставил.

«Священник Феодоровский, — писал он, — за 1939 год не уплатил государству подоходного налога и культсбора 12 800 руб., за что он как злостный неплательщик был приговорен Нарсудом к 6 месяцам принудработ на общих основаниях. По отбытии наказания Феодоровский обратился к исполнительному органу общины верующих Вознесенской церкви о желании вновь совершать религиозный культ. В связи с тем, что недоимка в сумме 12 800 руб. значится за Феодоровским, исполкомом райсовета было разъяснено ктитору Константиновой о нецелесообразности регистрации Феодоровского служителем культа и предложено ей подыскать другого священника, который и будет зарегистрирован»³⁵.

Найти священника в 1940 году, да еще такого, которого бы власти согласились зарегистрировать, было делом очень непростым. Но верующие в Казацкой слободе не отчаивались и в этих тяжелых обстоятельствах. Церковная жизнь общины Вознесенского храма продолжалась. Закрыть эту церковь властям удалось лишь во времена хрущевских гонений (в начале 1960-ых годов).

ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ В НЕЗНАМОВО И СОКОВОМ

Драматично сложилась судьба двух Никольских храмов, которые ныне считаются городскими.

Свято-Никольская церковь в селе Соковом формально была закрыта 4 ноября 1937 года по решению Курского облисполкома. Но уже с 1930 года она величалась в советских документах бездействующей. Вероятно, в этом году был арестован служивший

здесь священник. С 1933 года здание храма было отдано начальной школе³⁶. А во время войны церковь получила серьезные повреждения от разорвавшегося снаряда.

Свято-Никольская церковь в селе Незнамово была закрыта областными властями 18 июня 1940 года. Вопрос о ее закрытии внес на рассмотрение исполкома Курского облсовета секретарь Журавлев. Он указывал, что храм в Незнамово «не функционирует» с 1938 года. В том же году, по словам Журавлева, распалась община верующих. В документах есть даже точная дата этого печального события — 6 ноября. Это день ареста отца Карпа Котенева, последнего священника незнамовской церкви в предвоенный период.

Все дело о закрытии Николаевской церкви в селе Незнамово занимает 10 листов. Здесь есть справки о распаде церковной общины, выданные Незнамовским сельским советом и Старооскольским районным финансовым отделом. Есть ходатайство перед областными властями о закрытии храма, подписанное секретарем Старооскольского РИКа Симоновым и заведующей общим отделом Ишковой. Есть выписка из протокола заседания президиума Незнамовского с/совета, состоявшегося еще 14 июля 1939 года, на котором председатель сельсовета Е.Л. Малявин выступил с предложением закрыть церковь. Накануне он с членами совета Д.А. и А.Т. Емельяновыми в присутствии техника РИКа Самойленко К.Л. «произвели осмотр здания церкви» и выявили ряд дефектов: фундамент пришел в негодность, вываливается кирпич на углах, кирпичные колонны в основании имеют опору только на половине своей площади, проржавела железная крыша, в течение нескольких лет не красившаяся, кирпичные арки внутри здания имеют трещины до 4 сантиметров. К делу подшита так называемая «подписка», в которой девять из двадцати членов церковного совета незнамовского храма удостоверяли власть в том, что их религиозная община распалась.

«ИДЕЙНОЕ БАНКРОТСТВО БЕЗБОЖИЯ»

В Государственном архиве Курской области также имеются документы, проливающие свет на закрытие многих других церквей Старооскольского района (в его довоенных границах): нижнечуфичевской,

ивановской, сорокинской (игнатовской), хорошиловской, черниковской и др. Порой в этой документации встречается и некоторая парадоксальность. К примеру, Никольский храм в селе Черниково закрывали, признавая его ветхим и боясь обвала, и в то же время планировали разместить в нем избучитальню...

По словам священномученика Онуфрия (Гагалюка), кампания по закрытию храмов обнажила «идейное банкротство безбожия». Ведь «если бы храмы закрывались потому, что не находилось бы богомольцев, совращенных уже в неверие, это была бы победа неверия. Но когда храмы отнимаются при слезах и плаче верующих, то это доказывает, что безбожие своими средствами не может победить святую веру и применяет против своего идейного противника насилие.

Ни в чем так ярко не раскрывается внутреннее бессилие неверия, как в гонениях на веру. И всякий, даже безбожник, справедливо оценивающий явления жизни, не может не видеть полного идейного поражения неверия уже из одного этого факта — насильственного закрытия и разрушения православных храмов»³⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ ГАКО. Фонд Р-3322. Опись 4. Единица хранения 11. Лист 64.
- ² ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 149.
- ³ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп.4. Д. 86. Л. 19.
- ⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 11. Л. 64-64-оборот.
- ⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 2-2-об.
- ⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 8.
- ⁷ Арцыбашева Т.Н. Православный Курский край. Пособие по региональной культуре. — Курск. 2004. — С. 34.
- ⁸ Бугров Ю. История Курской епархии. - Курск. 2003. - С. 86.
- ⁹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп.4. Д. 86. Л. 19.
- ¹⁰ Кобец О., протоиерей, Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. История Белгородской епархии. - Белгород. 2006. - С. 203.
- ¹¹ Цитата по диссертации Шашковой О.Л. Репрессивная политика государства в 1928-1939 гг. и ее последствия (на материалах Центрального Черноземья). - Курск. 2000. - С. 117
- ¹² Цитата по статье Субботина П.Ю. Религиозная ситуация в Белгородской деревне в 1929-1940 гг. // Краеведческий альманах «Белогорье». Выпуск 3. - Белгород. 2001. - С. 111.
- ¹³ Там же. — С. 113.

- ¹⁴ Чиченков А. Закрытие церквей. // Белгородский численник. - Белгород. 1996. - С. 82
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 3.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 4-4-об.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 4.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 2.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 2-об.
- ²⁰ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 4-об.
- ²¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 10.
- ²² ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 18.
- ²³ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 20.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 29.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 11.
- ²⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 96.
- ²⁷ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 83.
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 88.
- ²⁹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 80.
- ³⁰ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 77.
- ³¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 78.
- ³² ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 79.
- ³³ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 80.
- ³⁴ Морин П. Забытый участок работы. // Газета «Путь Октября» № 130. - 26 июня 1940 г.
- ³⁵ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 68. Л. 171.
- ³⁶ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Ед.хр. 2. Л. 30.
- ³⁷ Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский. Творения: в 2-х томах. Т. I. — Тверь. 2005. — С. 353.

Д.Е. Зарубин

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ОККУПАНТАМ В СТАРООСКОЛЬСКОМ РАЙОНЕ В 1941-1943 гг.

Как известно, с 1939 по 1953 гг. Старооскольский район входил в состав Курской области. Организацией партизанского движения и созданием подпольных групп в городах и селах Курской области в годы Великой Отечественной войны занимались областной комитет ВКП(б) и четвертый отдел управления Народного Комиссариата внутренних дел (УНКВД) по Курской области. Управляли этим процессом первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П. Доронин и другие секретари обкома партии до тех пор, пока по приказу Сталина руководителем партизанского движения Курской области не был назначен секретарь Курского обкома ВКП(б) И.Р. Попов.

Для руководства подпольными партийными организациями был создан подпольный обком партии, состоявший из пяти человек во главе с первым секретарем В.С. Уткиным, работавшим секретарем Курского обкома партии по кадрам. В каждом районе Курской области усилиями первых секретарей районных комитетов партии формировалось два партизанских отряда: один — основной, второй — резервный, создавались продовольственные базы, склады с оружием и боеприпасами. В каждом районном центре организовывался подпольный райком или горком ВКП(б)¹.

На территории Старого Оскола и района формированием партизанских отрядов из местного партийно-советско-хозяйственного актива занимался первый секретарь районного комитета ВКП(б) И.А. Юдин².

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД БУЗОВА—КОЖЕДУБОВА

Вплоть до настоящего момента в среде старооскольских краеведов и историков, занимающихся периодом оккупации нашего

города и района, существует твердое убеждение, что на оскольской земле активно действовал партизанский отряд под командованием Г.П. Кожедубова, которому активно помогали различные подпольные организации в самом городе.

Архивные документы позволяют нам исследовать некоторые факты из истории этого партизанского соединения, в частности, проследить особенности деятельности руководителей данного отряда.

КОМИССАР БУЗОВ

Формирование партизанского отряда в Старом Осколе началось 27 января 1942 года М. Л. Бузовым по личному поручению первого секретаря Курского обкома партии П. И. Доронина³. В этом не принимала участие местная районная партийная организация, в названии отряда отсутствовало слово «старооскольский».

Попробовать понять, почему именно Бузову Максиму Леонтьевичу, члену ВКП(б) с 1917 года, поручили создание партизанского отряда, можно исходя из его биографии. Бузов — первый секретарь городского комитета ВКП(б) Курска (с октября 1935 года по апрель 1937 г.). С мая 1937 года избран по рекомендации Курского обкома партии 1-м секретарем Орловского ГК ВКП(б). Не успев как следует войти в курс дела, в августе 1937 года М. Л. Бузов внезапно заболевает и получает инвалидность второй группы, а вместе с ней и персональную республиканскую пенсию⁴.

Есть большая вероятность того, что «внезапная болезнь» случилась из-за начавшейся в Курской областной партийной организации кампании по выявлению «врагов народа». Была вскрыта правотроцкистская группировка в Валуйском райкоме ВКП(б), самому Бузову готовились предъявить обвинения по образованию оппозиционной группы, поддерживающей Пятакова⁵. Все это и послужило, наверное, Максиму Леонтьевичу поводом для ухода на пенсию. В июле 1939 года Бузов так же внезапно выздоравливает и по личному указанию Маленкова назначается управляющим трестом «Курсклес»⁶. Находясь на этой должности, Бузов становится ответственным за создание партизанского отряда.

Первоначально с пересыльного пункта и через районный военкомат в партизанский отряд набрали 58 бойцов. Несколько человек были старооскольцы, остальные —

«окруженцы» и негласные сотрудники 4-го отдела УНКВД КО (Управления Народного комиссариата внутренних дел по Курской области). Базировался отряд в селе Обуховка Старооскольского района.

Максим Леонтьевич очень серьезно отнесся к словам Доронина и попытался с первых дней установить среди партизан жесткую дисциплину. Командир отряда, младший лейтенант Н. Д. Минченко, откомандированный из штаба 40-й армии, прибыл в подразделение в начале февраля и не препятствовал усилиям комиссара, мало вникал в дела, полностью доверившись Бузову⁷.

К началу марта в отряде осталось 25 бойцов (из них только один из Старого Оскола, а двое из Старооскольского района), плохо вооруженных и обмундированных, остальных направили в действующую армию. Несколько раз Бузов писал докладные на имя заместителя начальника 4-го отдела УНКВД Кремлева с просьбами выдать автоматы, пулеметы, гранаты, фуфайки и сапоги. Для повышения дисциплины и сплоченности комиссар требовал усилить отряд коммунистами из Старооскольской партийной организации. Неоднократно настаивал на организации специальной подготовки личного состава по подрывному делу, конспирации. Докладные оставались без ответа. Тогда Бузов напрямую обратился к своему знакомому - председателю Курского облисполкома, уполномоченному Государственного комитета обороны Василию Васильевичу Волчкову⁸. Лишь после этого партизаны незамедлительно получили оружие, боеприпасы, полушубки, валенки, продовольствие в достаточном количестве. В составе отряда была образована диверсионная группа, с которой проводились усиленные тренировки.

В марте 1942 года партизанский отряд перебросили на территорию Пристенского района Курской области в распоряжение 62-й стрелковой дивизии. Партизаны обороняли деревню Рышково, вместе с разведротой дивизии участвовали в рейдах за линию фронта. Уничтожили 10 фашистов, взяли в плен одного немецкого офицера, заминировали дорогу на участке между Обоянью и Ржавой. Потери отряда Бузова-Минченко: погибли шестеро бойцов, пятеро — из числа жителей Пристенского района — дезертировали. Не хватало продовольствия, с фронтов доходили слухи о поражениях Красной армии. Настроения в отряде ухудшались, дисциплина падала.

Сложившаяся скверная обстановка вылилась в чрезвычайное происшествие. Командир отряда Минченко самовольно, без согласования с комиссаром, собственноручно расстрелял одного из партизан⁹. Узнав о расправе, Бузов приказал арестовать Минченко и сдал его в ближайший районный отдел НКВД, написав рапорт руководству о преступной безалаберности командира, безволии и разгильдяйстве.

В начале апреля сам (!) комиссар назначил временно исполняющим обязанности командира отряда Григория Петровича Кожедубова, о чем и сообщил руководству¹⁰. 11 апреля 1942 года начальник 4-го отдела УНКВД по Курской области подписал приказ о немедленном переходе этого партизанского отряда в тыл противника. Был определен и маршрут движения. Такие же приказы получили еще четыре партизанских отрядов, находившиеся в Пристенском районе. Для ознакомления с приказом под расписку чекисты вызвали на свою явку у линии фронта командиров и комиссаров всех отрядов. Бузов и Кожедубов не явились. Последовал второй вызов, на который Бузов ответил, что если чекисты желают, то сами могут прибыть в распоряжение его отряда¹¹. Разъяренный Кремлев через армейцев передал Кожедубову, что если «вольнодумцы» не явятся на встречу, то с ними поступят согласно законам военного времени.

21 апреля Г.П. Кожедубов, а 22 апреля М.Л. Бузов видятся с Кремлевым, знакомятся с приказом. И если Кожедубов просто расписывается на обороте документа, то Бузов после своей росписи делает характерную приписку: «Приказ без номера читал. Согласен маршрут принять условно, в зависимости от обстановки на месте он может быть изменен»¹². Когда чекист потребовал разъяснений, комиссар ответил, что, следуя указанному в приказе маршруту, Новооскольский партизанский отряд, сопровождавший группу сотрудников Курского обкома ВКП(б), наткнулся на немцев и с потерями отошел на свою территорию вместе с обкомовцами. И предложил вначале провести разведку прохода. В ответ Кремлев приказал 26 апреля быть в Ильинках.

В назначенный день партизанский отряд прибыл в деревню Ильинка, а 27 апреля без оповещения командования переместился на пять километров южнее - в деревню Сараевка¹³. Комиссару показалось, что так будет сподручнее переходить на оккупированную

территорию. Оставшийся за Кремлева старший лейтенант госбезопасности Бедик запаниковал и бросил на розыск отряда своих людей. Отряд Бузова-Кожедубова нашелся 29 апреля. От них потребовали немедленно исполнения приказа, однако Бузов вновь заявил о необходимости разведки маршрута, и Бедик вынужден был согласиться.

Ночью 29 апреля разведчики отряда ушли в тыл противника. Под утро 30 апреля они вернулись, благополучно пройдя 7 километров в глубь занятой фашистами территории, выявив несколько дзотов и огневых точек. В ночь на 30 апреля по разведанному маршруту пошел весь отряд, представители обкома и УНКВД¹⁴.

Линию фронта пересекли удачно — помогла знакомая армейская разведрота. Партизанские разведчики при свете ракет примечали оставленные ориентиры и вели отряд на запад. Миновали немецкий дзот. Осторожно, стараясь не шуметь, спустились в Шубный лог. Вдруг на его склоне показался немецкий патруль! Человек двадцать пять. Партизаны замерли, безмолвно опустились в траву. Фашисты тоже залегли... Через полчаса немцы встали и ушли, так и не открыв стрельбы¹⁵.

Отряд поднялся и пошел дальше. С маршрута сбились и вместо установленной точки дневки вышли к окраине села Возрождение. Вспыхнули ракеты, и немцы открыли по партизанам автоматнo-пулеметный огонь. Партизаны не отвечали — ждали команды комиссара. В горячке обрушившегося на них шквала огня отряд разделился на три группы: чекисты и представители обкома партии ушли дальше, на оккупированную территорию, часть партизан с комиссаром начали отходить к линии фронта, а оставшиеся залегли на подсолнуховом поле. Среди бойцов появились убитые и раненные. Партизаны начали кричать, чтобы хоть кто-то отдал приказ стрелять...¹⁶.

Светало. Немецкие автоматчики с собаками начали прочесывать подсолнуховое поле. Кожедубов приказал открыть огонь. Начался бой и в Шубном логe. Та часть отряда, которая ушла с комиссаром, напоролась на вражеский патруль. Фашисты стали бить по полю и логу из минометов...

К девяти часам утра 1 мая отряд двумя группами вернулся на советскую территорию и был размещен на хуторе Ялта. Потери составили 10 убитых и двое раненых. Кремлев, прибывший на хутор, провел пер-

вичное дознание и приказал завести на комиссара Бузова следственное дело¹⁷.

Через неделю были допрошены все участники рейда в немецкий тыл. Бойцы дали показания, что комиссар воровал продовольствие для личных нужд, беспричинно ударил рядового партизана, не проводил политических занятий, критиковал органы НКВД, увел из боя возле деревни Возрождение часть отряда, не отдавал приказа об открытии огня. Кожедубов на допросе заявил, что комиссар предписывал партизанам не выполнять приказов и распоряжений командира, а при переходе линии фронта приказал не стрелять до его личного указания об открытии огня¹⁸.

Представитель госбезопасности поднял старые следственные дела и выявил, что Бузов — сын кулака, его отец владел крупорудным заводом. Из показаний осужденного военной коллегией Верховного суда СССР активного участника правотроцкистской организации Г.М. Сергеева следствие выяснило, что Бузов также состоял в данной организации.

М.Л. Бузов пишет отчаянное письмо первому секретарю Курского обкома ВКП (б) Доронину с объяснением всех обстоятельств происшедшего, но его уже никто не слышит¹⁹.

21 мая 1942 года в Старом Осколе состоялось заседание Курского обкома ВКП (б), на котором было принято решение: «Снять тов. Бузова М.Л. с поста комиссара Старооскольского партизанского отряда, как не оправдавшего оказанное ему доверие обкомом ВКП (б), допустившего обезличку коммунистов этого отряда, проявившего трусость при переходе отряда в тыл врага, что привело к значительным потерям личного состава его бойцов...»²⁰.

КОМАНДИР КОЖЕДУБОВ

В марте 1943 года, уже после освобождения Старого Оскола от немецко-венгерских захватчиков, Курский обком ВКП(б) потребовал от Старооскольского райкома ВКП(б) отчитаться о действиях старооскольских партизан. Когда первый секретарь РК С.П. Перепелицын ответил, что в Старом Осколе не было партизан, обком в лице начальника спецотдела Масленниковой строго указал ему на Кожедубова и потребовал заслушать его о проделанной боевой работе на бюро райкома и направить отчет в Курск²¹.

В отчете Кожедубова Старооскольскому

райкому и Курскому обкому ВКП(б) отмечалось: «Первого марта 1942 года я был послан обкомом и четвертым отделом НКВД командиром Старооскольского партизанского отряда. Первая наша операция: переход с 14 марта по 21 апреля 1942 года в районе села Ржава. Уничтожено по пути 13 солдат, три тягача. 1 мая 29 бойцов отряда приняли бой с немцами. Наших убито — 12, немцев — 30. С 23 мая по 11 июня минировали дорогу на Обоянь — подорвались на минах семь немецких машин, убиты 18 фашистов. Отличились бойцы Т.М. Бондарев, И.Е. Новиков. 2 июля приняли бой в деревне Покровка. 3 июля уничтожены пять немцев в селе Плоском. 10 июля находились в Архангельских лесах, уничтожили две автомашины и трех немцев. 13 июля взорвали мост через Донецкую Сеймицу в деревне Сараевка. 28 июля убиты три немца-жандарма в районе Буланья Сараевка. 1 августа убит жандарм. 15 августа пущен под откос поезд со снарядами. Убиты 40 охранников. 26 августа взорвано три машины, убито семь венгров. 7 сентября убиты три полицая. 24 января 1943 года убиты три полицая. 9 февраля взяты в плен семь венгров. 11 февраля убиты три немца и 24 венгра. 12 февраля убиты восемь немцев. 13 февраля совершен налет на село Сазоновку — убиты 73 немца (из них 14 офицеров) и взяты в плен 19 солдат. 18 февраля расстрелян предатель, выдавший наш отряд. 23 февраля расстреляна немецкая шпионка. Итого за период существования отряда уничтожено: 256 солдат, 24 офицера, 28 машин, 23 подводы, 1 поезд, 3 тягача, 1 мост. Захвачено 52 пленных. Наши потери: 14 убитых, трое раненых, без вести пропали пятеро, дезертировали шестеро, в армию ушли четверо...»²².

Приведем характеристику на Г.П. Кожедубова, представленную командиром партизанского отряда имени Чапаева, действовавшего в Крупецком районе Курской области, Н. Пузановым и начальником штаба отряда Черниковым: «Кожедубов с 23 сентября по 1 ноября 1941 года состоял командиром 1-го взвода партизанского отряда имени Чапаева Крупецкого района Курской области. На вооружении первого взвода было 3 нагана, 1 пистолет «ТТ», один 32-миллиметровый миномет. 14.10.41 г. взвод минировал дорогу Путивль-Рыльск, в результате подорвано 2 тягача, 13 вражеских солдат убито. 18.10.41 г. в селе Акимовка убили предателя и разогнали отряд дезертиров. 21.10.

41 г. при окружении отряда в лесу Глыбное прикрывал товарищей из автомата и помог выйти из окружения. Лично убил фашиста и полицая»²³.

ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ В.Д. КОВАЛЕВА, И.Р. ПОПОВА

15 августа 1942 года заведующая спецотделом Курского обкома ВКП(б) Н.Масленникова подготовила доклад «О выполнении решения Курского обкома ВКП(б) от 30 мая 1942 года по вопросу организации резервного партизанского отряда». В нем сказано: «Старооскольский партизанский отряд на месте был организован в количестве 27 человек. РК ВКП(б) командиром утвердил Ковалева Василия Дмитриевича, комиссаром Ладычук Бориса Ильича, начальником штаба Головина Тихона Никитовича. За несколько дней до оккупации Старого Оскола отряд получил вооружение: 25 английских винтовок и к ним по 100 штук патронов, 2 русские винтовки и 6 револьверов. Для партизанского отряда была заложена продовольственная база (мука ржаная, пшеничная, крупа, сухари, соль, табак, спички)...»²⁴.

Был организован подпольный Старооскольский городской комитет ВКП(б), в который вошли: первым секретарем Олейников (начальник политотдела машинно-тракторной станции), членами Чеботарев (инструктор Курского обкома партии), А.И. Фомина (псевдоним «А. И. Гончарова») и не указанный работник НКВД²⁵.

Одним из первых действий подпольного Старооскольского горкома ВКП(б) было утверждение следующего документа: «Включаясь в социалистическое соревнование по разгрому гитлеровских банд, берем на себя следующие обязательства: 1. Пустить под откос не менее 5 вражеских эшелонов. 2. Уничтожить линии связи на протяжении 5 км. 3. Уничтожить один мост... 14. Содержать в чистоте землянки...»²⁶.

Был создан подпольный горком ВЛКСМ во главе с Татьяной Сергеевной Большесольской, которая работала секретарем комитета ВЛКСМ Старооскольского геолого-гидро-геодезического техникума. Т.С. Большесольская была секретарем подпольного Старооскольского ГК ВЛКСМ в короткий период с 13 по 27 октября 1942 г. В дальнейшем она использовалась как разведчица-маршрутница, работавшая по всей Курской области. Предполагалось,

что в районе будет действовать подпольная группа Семеновой²⁷.

Руководитель партизанского движения Курской области И.Р. Попов в 1943 году составил совершенно секретную записку для проверяющего из ЦК ВКП(б), в которой сказано: «Восемь подпольщиков было оставлено в Старом Осколе на 25.06.42 г. ... Уткин был первым секретарем подпольного Курского обкома ВКП(б). Конкретно он отвечал за Юго-Западную группу районов Курской области. Из пяти членов подпольного Курского обкома ВКП(б) — трое были на территории, занятой фашистами (с октября 1941 по январь 1942). Потом эти районы были освобождены Красной Армией. Но в тыл к немцам вновь ушел только член подпольного обкома Сентюрев, а Лазарев и Уткин до июня 1942 года оставались на советской территории»²⁸.

Что же касается партизанского отряда, то уже 13 июля 1942 года в городе Елань-Колено (Воронежская область) собирается бюро обкома ВКП(б), на котором были рассмотрены персональные дела В.С. Уткина и И.А. Юдина. В протоколе заседания бюро сказано: «Уткину В.С. 2 июля было дано задание остаться в Старом Осколе вместе со Старооскольским партизанским отрядом. Уткин приказ не выполнил, не принял мер к начавшемуся разложению в Старооскольском партизанском отряде (командир В. Д. Ковалев — прим. авт.) и вместе с Юдиным дал указание об отходе партизанского отряда в Елань-Колено. Уткин в течение зимы 1941 года находился вблизи оккупированного немцами района, в котором он должен был действовать, но ни с одним партизанским отрядом связи не установил. Все это время, как показала спецпроверка, Уткин бездельничал и пьянствовал... Уткина исключить из партии и арестовать, так как он обладает конспиративными сведениями и может их разгласить...»²⁹. Подписан документ первым секретарем Курского областного комитета ВКП(б) П. Дорониным.

За дезертирство был исключен из партии и арестован первый секретарь Старооскольского РК ВКП(б) Юдин. Сам отряд (командир В.Д. Ковалев — прим. авт.) расформирован. Помимо Юдина, еще одиннадцать первых секретарей районных комитетов партии из различных районов Курской области были исключены из членов ВКП(б) и арестованы с формулировкой «как дезертировавшие с фронта партизанской борьбы...»³⁰.

12 июля в Елань-Коленском районе был организован еще один Старооскольский партизанский отряд в количестве 22 человек (в отдельных документах говорится, что в отряд входило 39 человек) под командованием Григория Александровича Попова, председателя Старооскольского районного исполнительного комитета Совета народных депутатов, с комиссаром Андреем Михайловичем Балышевым. Базой отряда определен лес около села Обуховки. Действовать партизаны должны были в Старооскольском и Чернянском районах. Но за линию фронта, на оккупированную территорию, не попал и этот отряд. После пребывания с июля по сентябрь 1942 года на передовой линии фронта он был по приказу Военного Совета 40-й армии расформирован и влился в ее подразделения³¹.

28 ноября 1942 г. Курский обком ВКП(б) пытался передислоцировать Новооскольский партизанский отряд под командованием М.Т. Слоновского для акций в Старооскольском районе, но Слоновский отказался это сделать, сославшись на незнание местности³².

Сохранились многочисленные воспоминания старооскольцев о подпольной и партизанской деятельности в нашем районе. Например, свидетельство М.Д. Ледовского, бывшего члена бюро Старооскольского райкома КПСС (в интервью 2006 года автору статьи): «Григорий Иванович Чернобровкин (будущий начальник послевоенного Старооскольского КГБ) занимался разведкой в Старом Осколе во время оккупации, его сестра также занималась подпольной работой. Моя жена была связной — ходила в Тим, в партизанский отряд».

Староосколец А.И. Агеев рассказывал: «Весной 1942 года меня вызвали в обком комсомола. Там я получил задание: меня оставляли в городе для сбора сведений о фашистах. Дали координаты связника, а точнее — разведчицы, которая была послана армейским штабом в наш город. Это была обрусевшая немка (по легенде) Кристина Клюгер. Мы занимались не взрывами и не диверсиями — командиры объясняли, что толку от этого мало будет: «Подорвете полотно — немцы вас поймают, да еще целую кучу заложников перестреляют, а полотно восстановят за два часа». Мы поступали хитрее: имитировали диверсию, подкладывали какую-нибудь коробку или еще что-нибудь, лишь бы состав немецкий

задержать. Так и выходило: всполошатся немцы, поругаются, а потом на своих все свалят — неосторожность! А еще мы носили записки в Атаманский лес, информировали разведчиков об авиационной части «мессершмиттов», разместившихся на окраине Старого Оскола.

Один эпизод в нашей деятельности стал для меня настоящим боевым. Поставили немцы артиллерийскую батарею неподалеку от здания нынешней тюрьмы, а орудие с корректировщиком возле дома Ивановых. Корректировщик и наводил на цели всю батарею. Дали нашей группе задание — подорвать это орудие. Забросать гранатами расчет и вывести из строя пушку поручили мне. Трудно сказать, какие чувства я испытывал, когда подбирался ползком к орудю. К счастью, весь расчет ушел в дом, и оттуда меня нельзя было увидеть. Наверное, чудо произошло, что меня не убили, но орудие мне удалось вывести из строя. И вдруг немцы выходят прямо на меня... Успеваю выдернуть чеку из гранаты, бросаю... и после взрыва бегу. Удалось мне тогда уйти...»³³.

Но эти воспоминания и рассказы не подтверждаются документально.

В 1944 году бюро Старооскольского райкома ВКП(б) рассмотрело материалы специальных проверок на оставшихся во время оккупации в городе и районе 148 коммунистов. Из них 137 были исключены из партии «как самовольно оставшиеся и не ведшие борьбу с фашистами...»³⁴.

Таким образом, три партизанских отряда именовались Курским обкомом ВКП(б) Старооскольскими. Но ни один из них не участвовал в боях на территории Старооскольского района. Не подтверждено документально, что эти партизанские отряды имели связь с городским подпольем. В личный состав единственно действовавшего отряда Бузова-Кожедубова входило лишь несколько старооскольцев, а база в Обуховском лесу использовалась и некоторыми другими партизанскими отрядами Курской области.

Так есть ли смысл называть отряд Бузова-Кожедубова Старооскольским? Не вносим ли мы этим определением путаницу в наше знание о борьбе с фашистами в период оккупации Старооскольского района?

Полагаем, что требование начальника спецотдела Курского обкома ВКП(б) Масленниковой заслушать Кожедубова именно

на бюро Старооскольского райкома партии было вызвано подготовкой к апрельскому 1943 года пленуму обкома ВКП(б), на котором с отчетным докладом о действиях курских коммунистов в период оккупации области немецко-фашистскими захватчиками выступал первый секретарь П. Доронин. Для доклада ему был необходим полный охват партизанами всех районов Курской области с тем, чтобы выглядеть уверенно перед Москвой³⁵.

Что касается других направлений в организации сопротивления на оккупированных землях Курской области, то в мае 1942 года в Старом Осколе четвертый отдел УНКВД организовал специальную школу разведчиц, в которой обучались 50 девушек. Ею руководил Виталий Федотович Кремлев.

Подготовка кадров велась исходя из распоряжения заместителя народного комиссара НКВД Кабулова для выполнения задач военно-полевой разведки фронта. В школе изучали методы добывания необходимых разведанных, режим, установленный на оккупированной немцами территории, способы продвижения и маскировки в тылу врага, топографию и особенности боевой техники немцев и венгров.

В период с мая 1942 по июнь 1942 года в школе было подготовлено 67 разведчиц. Четвертым отделом было отдельно обучено и направлено в тыл еще 23 разведчика (в основном это были подростки)³⁶.

В школе диверсантов обучались старооскольцы М.Ф. Крымов (председатель Старооскольского райпотребсоюза), В.А. Ларичев (помощник районного прокурора), А.Д. Агеев (заведующий дорожным отделом), Г.А. Бельский (агент по заготовкам). В школе радистов проходил подготовку староосколец А.Ф. Серпуховитин (инструктор райкома)³⁷.

В июне 1942 года из Старого Оскола на самолете была сброшена в районе города Курска разведывательная резидентура 4-го отдела НКВД в составе трех разведчиков с рацией и радистом³⁸. В июле 1942 года при переходе за линию фронта со специальным заданием обкома ВЛКСМ был убит Виктор Андреевич Бабанин, бывший секретарь Старооскольского райкома, секретарь Курского обкома ВЛКСМ.

Разведчицы и разведчики-подростки составляли постоянные разведывательные

кадры Курского НКВД. За представленные ценные сведения о противнике разведчицы Е.И. Литвинова (псевдоним «Сегеда»), А.Я. Павленко («Павлюкова»), Т.И. Волошенко («Андреева»), окончившие Старооскольскую школу, командованием 21-й армии в июне 1942 года были представлены к правительственным наградам³⁹.

Областной комитет ВКП(б) за время своего пребывания в Старом Осколе для оказания помощи партизанам и подпольщикам переправил в тыл противника 200 коммунистов из областного и районного партийного актива. В тыл фашистам забрасывались диверсанты, разведчики, радисты, шифровальщики, подготовленные в специальных школах, а также специалисты-печатники для налаживания выпуска подпольных газет и листовок. Для обеспечения партизанских отрядов в районах создавались продовольственные базы, склады с вооружением и боеприпасами. Предпочтение отдавалось мелким боевым группам, созданным, в основном, из местных жителей⁴⁰.

Архивные документы свидетельствуют о том, что партизаны и в лесах получали зарплату, которую им сбрасывали с самолетов вместе с оружием, боеприпасами и продовольствием⁴¹.

Партизаны под расписку, которая потом переправлялась в обком партии, присягали в 1942 году: «Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружие, пока последний фашистский гад на нашей русской земле не будет уничтожен. Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину. За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилие и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожить бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни. Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь русский народ в рабство коварного фашизма. Если по моей слабости, трусости или злой воле нарушу эту свою присягу, предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от рук своих товарищей»⁴².

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (В дальн. ГАОПИКО), ф. 1, оп. 8, д. 22, л. 101-101а.
- ² ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 191, л. 127.
- ³ Архив управления ФСБ по Белгородской области, д. 35, том 2, л. 119. (В дальн. АУФСББО).
- ⁴ ГАОПИКО, ф.1, оп. 8, д. 555, л. 13.
- ⁵ ГАОПИКО, ф.2, оп. 1, д. 218, л. 232.
- ⁶ ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 555, л. 13.
- ⁷ АУФСББО, д. 35, т. 1, л. 6.
- ⁸ АУФСББО, д. 35, т. 1, л. 61.
- ⁹ АУФСББО, д. 35, т. 1, л. 128.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 8.
- ¹² АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 4.
- ¹³ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 46.
- ¹⁴ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 50.
- ¹⁵ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 99.
- ¹⁶ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 100-101.
- ¹⁷ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 102.
- ¹⁸ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 51-52.
- ¹⁹ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 98.
- ²⁰ АУФСББО, д. 35, т. 2, л. 47.
- ²¹ ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 191, л. 27.
- ²² ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 191, л. 41.
- ²³ ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 191, л. 54.
- ²⁴ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 26, л. 9.
- ²⁵ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 27, л. 1-2.
- ²⁶ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 22, л. 101.
- ²⁷ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 27, л. 49.
- ²⁸ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 27, л. 50-51.
- ²⁹ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 22, л. 104.
- ³⁰ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 27, л. 49-50.
- ³¹ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 26, л. 10.
- ³² ГАОПИКО, ф. 1, оп. 8, д. 22, л. 102.
- ³³ Леонтьев С. Трудное счастье Александра Агеева. — Зори. — 1999 г. — 21 декабря.
- ³⁴ Центр документации новейшей истории Белгородской области, фонд 27, опись 1, дело № 142, листы 38-39.
- ³⁵ Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. — Курск МУ «Издательский центр ЮМЕКС», 2005. - С. 72-73.

- ³⁶ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 26, л. 17-18.
- ³⁷ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 22, л. 281-282.
- ³⁸ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 26, л. 19.
- ³⁹ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 26, л. 20.
- ⁴⁰ Курская область в период Великой Отечественной войны СССР 1941-1943 гг./ Сборник документов и материалов. В 2-х томах. Т. 1. — Курск: Курское книжное изд-во, 1960. — С. 221.
- ⁴¹ ГАОПИКО, фонд партизанского движения, д. 22, л. 115.
- ⁴² Курская область в период Великой Отечественной войны СССР 1941-1943 гг./ Сборник документов и материалов. В двух томах. Т. 1. — Курск: Курское книжное изд-во, 1960. — С. 267.

З.З. Мухина

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ

Миллионы советских людей погибли в годы Великой Отечественной войны. В России не установлены имена около 2 миллионов захороненных воинов¹.

Здесь, через нашу старооскольскую землю, проходила горячая, огненная дуга войны. Двигались фронты то на запад, то на восток. Историческим фактом является то, что «топталась» линия фронта в районе Старого Оскола почти два года. Летом 1942-го здесь произошла трагедия, отзвуки которой ощущаются до сих пор - в окружение попали двенадцать дивизий 21-й и 40-й армий². В военной истории это получило название Воронежско-Ворошиловградской стратегической операции, противник же называл ее «Блау». 5-7 июля 1942 г. южнее Старого Оскола шли ожесточенные бои. Советские войска понесли огромные потери³. Среднесуточные потери наших войск составляли здесь более 15 тысяч убитых⁴.

Советские войска, попавшие в окружение под Старым Осколом, продолжали сражаться, отдельным частям и группам советских бойцов удалось вырваться из окружения 10 июля 1942 г.⁵, но большинство воинов полегло. Только в последние годы стало известно, что десятки тысяч наших соотечественников были взяты в плен.

В нашем крае воевали и погибли солдаты и офицеры из разных бывших республик и областей огромной страны.

Погибшие воины долгое время оставались лежать там, где их застала смерть. Тех, кого находили сельские жители, хоронили прямо в селах, но тысячи солдат еще оставались лежать в траншеях, бомбовых воронках, блиндажах. О гибели многих из них некому было рассказать. В основном это были воины 45, 107, 303, 305, 340, 297 стрелковых дивизий, 116 танковой дивизии, 6 и 8 отдельных лыжных бригад.

Мы, наше поколение, в неоплатном долгу перед теми, кто, защищая Родину, отдал свою жизнь. Многие десятилетия советский, а ныне российский народ, не исполнил долг перед погибшими — достойно предать земле их останки.

Прошли годы. Именно молодежь взялась за трудную, но благородную работу: найти, захоронить и увековечить имена этих солдат и офицеров. За последние десятилетия мирного времени участниками поискового движения были возвращены тысячи имен. Останки воинов, числившихся пропавшими без вести, были найдены и преданы земле со всеми почестями. По всей стране, где шли кровопролитные бои, появились сотни братских могил и были воздвигнуты десятки обелисков.

Одним из тех, кто на деле сохраняет память о людях, погибших за нашу Родину, является Белгородская региональная общественная организация «Историко-патриотическое объединение «Поиск».

А история ее создания началась так. Во время строительных работ в городе Старый Оскол в разных местах находили останки погибших воинов. Именно тогда Иван Иванович Карпенко, в прошлом фронтовик, а в то время начальник штаба ПВО горвоенкомата, начал вести раскопки в поисках незахороненных воинов. К этому делу он привлек своего друга Эдуарда Ивановича Григорьева. В 1967 г. останки воинов были собраны и перезахоронены⁶.

В это время в Советском Союзе с целью усиления патриотического и гражданского воспитания школьников и молодежи был объявлен Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Тогда у фрезеровщика мехзавода Э.И. Григорьева родилась идея создания молодежного клуба по поиску воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Э.И. Григорьев — в то время молодой, энергичный и деятельный — вдохновил своих единомышленников на эту благородную работу. В 1968 году он обращается в горком комсомола с предложением создать в городе клуб «Поиск», который будет заниматься поиском и перезахоронением останков воинов, погибших на территории Старооскольского района в годы Великой Отечественной войны. Этот вопрос был поставлен в повестку дня заседания бюро Старооскольского городского комитета комсомола, проходившее 19 августа 1968 г. Эта дата — 19 августа 1968 г. — стала днем рождения новой городской общественной организации молодежи г. Старый Оскол. Руководителем клуба назначили инициатора его создания Э.И. Григорьева. В работу клуба включились ком-

сомольцы, молодежь механического завода, студенты геолого-разведочного техникума, учащиеся медицинского училища, строители, горняки⁷.

Структурно клуб состоял из совета его членов, который возглавлял руководитель. Каждый член совета отвечал за определенное направление работы.

Итак, этим важным, священным делом, выкраивая время среди повседневных забот, занялись люди разных возрастов и профессий, взглядов на жизнь.

Из Устава старооскольского клуба «Поиск»:

«Каждый член клуба «Поиск» должен:

а) с гордостью носить имя члена клуба «Поиск»;

б) горячо любить Родину и быть там, где трудно;

в) готовиться стать ее защитником;

г) свято сохранять и умножать традиции Советской Армии;

д) чтить память тех, кто отдал свою жизнь за Родину;

е) изучать военное дело и заниматься спортом;

ж) беспрекословно выполнять порученные задания;

з) растить в каждом школьнике, пионере и комсомольце будущего защитника Родины;

и) начатое дело доводить до конца и каждый новый поиск, находку сделать подвигом;

к) делиться своим опытом работы в клубе»⁸.

Удостоверения членам клуба выдавал городской комитет комсомола.

Вначале состав городского клуба «Поиск» был небольшим, в него входило 15-20 человек, но уже через десять лет численность членов клуба увеличилась в несколько раз. Среди них были рабочие, инженеры, студенты и старшеклассники. Основной костяк клуба составили те, кто пришел сюда в конце 60-х – начале 70-х годов: Дмитрий Мишустин, Валерий Прокудин, Владимир Кашкаров, Александр Платонов, Иван Бородин, Владислав Шамрин, Николай Ревякин, Владимир Глазков, Михаил Костюк, Станислав Моисеев, Николай и Вячеслав Бражниковы, Николай Сергеев, Георгий Пантюхов, Михаил Мелентьев и др.

Все они были молодыми, двадцати шести-тридцати лет. Добровольцы, настоящие энтузиасты-патриоты взялись за поиск

погибших, «безымянных» солдат Второй мировой. Случайные люди быстро отсеивались. Оставались лишь те, кому близка эта тема, кто сам потерял близких во время этой кровопролитной войны.

По-разному попадали в клуб «Поиск» молодые люди: одних приводили друзья, других – родители, третьих – любопытство. Иван Иванович Андреев, в то время учащийся ГПТУ-12, ныне председатель правления БРОО ИПО «Поиск», вспоминает: «Однажды, осенью 1982 года, в урочище «Юдин лес» повстречал поисковцев Валерия Прокудина и Михаила Мелентьева. Они предложили мне стать членом клуба «Поиск». С тех пор я в этом коллективе»⁹. В. Глазков рассказывает: «Я приехал в Старый Оскол с Урала еще мальчишкой, когда мы играли в войну, смотрели фильмы, читали книжки. До Урала фашисты не дошли, а здесь, в Старом Осколе, шли тяжелые бои. Мы с другом отправились на раскопки. Попытались сделать металлоискатель – не получилось. Это мальчишеское увлечение не бросил и после армии. Вот тогда Толя Дворников привел меня в клуб...»¹⁰. Ю.Н. Ряполов считает, что подростков привлекало в клуб «Поиск» то, что его костяк составляли молодые парни, а руководителем был человек, который по-отечески относился к ним, мальчишкам, у многих из которых отцы погибли на войне. Э.И. Григорьев мог и похвалить, и поругать их, если было за что¹¹.

В 1970 г. для клуба было выделено помещение в городском Доме пионеров. А с 1981 года клуб находится во Дворце культуры и техники ЛГОКа (ныне Дворец культуры «Комсомолец»). Около 30 лет каждый четверг с 18.30 до 20.30 часов поисковики разных возрастов и профессий собираются в 321-й комнате ДК «Комсомолец» для подведения итогов за неделю и планирования работы на будущее.

Основной целью членов клуба «Поиск» было сохранение и увековечивание памяти павших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны. Однако следопыты-поисковики занимались не только поиском и захоронением останков погибших воинов, также в круг их задач входило:

– установление имен погибших, пропавших без вести;

– поиск родных и близких погибших, уведомление их об обстоятельствах гибели воинов и месте их захоронения;

- ответы на письма-запросы родственников, которые не могут найти информацию о тех, кто не вернулся с войны;

- увековечивание имен погибших на обелисках;

- поддержание на достойном уровне культуры почитания павших за Отечество и памятников боевой славы России;

- участие в создании «Книг Памяти» — а именно раздела о без вести пропавших;

- оказание помощи в организации коммат Боевой славы при учебных заведениях, музеям страны в пополнении экспозиций по Великой Отечественной войне;

- проведение различных военно-патриотических мероприятий и выставок, посвященных Великой Отечественной войне;

- патриотическое воспитание молодежи и школьников, работа с трудными подростками;

- участие в решении социальных проблем наследия войн.

Изучение деятельности военно-патриотического клуба «Поиск» показало, что работа его членов делится на два периода: зимний и весенне-летний.

В зимнее время поисковики тщательно изучают литературные источники, что позволяет глубже понять обстановку того времени, получить описание боевых действий подразделений и частей, способствует пониманию целей и задач, стоявших перед воинами в те далекие дни. Встречаются с ветеранами боев и местными жителями — очевидцами, а порой и участниками событий военного времени. К сожалению, все меньше остается таких людей. В настоящее время, как правило, это люди уже преклонного возраста, но среди них есть и те, которым тогда было 10-12 лет. Поэтому поисковики ищут людей, которые видели, где и кого хоронили, ведь дети того времени до сих пор все очень хорошо помнят. Но есть села, где уже никто не может показать неизвестные захоронения.

Одной из самых важных работ в зимний период является работа с документами в областных архивах, Центральном архиве Министерства обороны. «Все больше поисковиков работало в Центральном архиве Министерства обороны, изучая документы, определяя возможные места гибели воинов, — пишет И.П. Цуканов, директор КОПОО Центр «Поиск». — Ребята поняли, что во многих случаях достаточно установить одно

или несколько имен в массовом захоронении и при помощи архивных документов можно определить имена большинства лежащих рядом»¹².

Поездки членов БРОО ИПО «Поиск» в Центральный архив министерства обороны РФ совершаются ежегодно. В архиве они изучают карты захоронений, взятые из боевых донесений. С их помощью находят массовые неучтенные захоронения (так называемые «санитарные»), куда местные жители в годы войны складывали останки погибших, никак не отмечая эти места, не ставя обелисков. За помощью обращаются к криминалистам, к специалистам управления внутренних дел.

За два последних десятилетия поисковиками БРОО ИПО «Поиск» были изучены в ЦАМО РФ в фондах 45, 107, 303, 305, 340, 297 стрелковых дивизий, 116 танковой дивизии, 6 и 8 отдельных лыжных бригад и других воинских подразделений некоторые малоизвестные страницы истории боевых действий на территории Белгородчины, которые дополняются свидетельствами ветеранов боев, мирных жителей — очевидцев событий и результатами поисковых экспедиций.

Благодаря поисковикам, особенно их первому руководителю Э.И. Григорьеву, была проведена большая работа по уточнению данных Книг Памяти Белгородской области, особенно по пропавшим без вести. Старооскольские поисковики обследовали места боевых действий на Белгородчине, работали в областных архивах и Центральном архиве Министерства обороны РФ. По крупицам собирали данные о погибших воинах. Выявленные имена погибших воинов передавались в редакционную коллегию, работавшую над изданием Книги Памяти.

Зимой поисковики работают и над экспозициями своего музея Боевой славы, который был открыт в 1981 г. во Дворце культуры и техники ЛГОКа «Комсомолец». Одним из самых активных организаторов музея был Д.В. Мишустин. И сегодня он остается главным хранителем фондов музея.

Ежегодно члены клуба с поисковых экспедиций привозят разные находки времен Великой Отечественной войны, таким образом пополняя фонды музея. Ценность этих экспонатов в том, что они взяты из земли, буквально с мест боев. Об этом свидетельствуют «Акты», составленные поисковиками во время вскрытия захоронений.

Например, только при вскрытии в июле 1981 года одного из необозначенных захоронений советских воинов, павших в боях за освобождение города в январе-феврале 1943 года и похороненных жителями слободы Казацкой, в одной из траншей около казацкого кладбища было обнаружено большое количество разных предметов и личных вещей солдат и офицеров: полуистлевшая верхняя одежда, валенки, шинели, бушлаты, ремни, бритвенные приборы, котелки, ножи, ложки, пуговицы, кисеты с махоркой, расчески, часы, компасы, награды, монеты¹³ и др. На войне солдат не просто воевал, он жил на войне. И волею неволей обзаводился порой очень «невоенными» вещами.

Много сил и времени участники поискового движения уделяют реставрации и реконструкции находок, обнаруженных во время экспедиций.

Члены клуба «Поиск» пополняют не только фонды своего музея, но и помогают другим музеям страны в пополнении экспозиций по истории Великой Отечественной войны. Большое количество экземпляров разной военной техники поисковики Старого Оскола передали в такие музеи как Белгородский музей-панорама «Курская дуга», музей Центрального управления военных сообщений Министерства обороны, в Государственный исторический музей, Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник, в краеведческие музеи г. Старый Оскол, г. Белгорода, г. Корочи, в Государственный музей-заповедник «Прохоровское поле» и др. Только Старооскольскому краеведческому музею передано более шести тысяч различных экспонатов. Много экспонатов передано в школьные музеи и комнаты Боевой Славы г. Старый Оскол и Старооскольского района.

В 2002 г. членам общественной организации «Поиск» было поручено провести обследование по определению на территории области мест, где в годы войны была затоплена в водоемах боевая техника, чтобы впоследствии использовать ее как памятные знаки Великой Отечественной войны. В феврале 2003 г. поисковики извлекли из заболоченной поймы реки Везелица между хуторами Ближний и Быстрый поврежденный взрывом танк 34-76, и теперь фрагменты этой боевой машины экспонируются в Государственном музее-заповеднике «Прохоровское поле»¹⁴.

Именно в зимнее время члены «Поиска» составляют маршруты будущих походов, осваивают методику поисковых работ, участвуют в проведении различных военно-патриотических мероприятий и выставок, посвященных Великой Отечественной войне, в уроках мужества в школах города и района.

В весенне-летний период на территории района проводятся экспедиции по поиску и захоронению останков воинов, погибших во время боевых действий. Поиски ведутся по заранее намеченному маршруту, составленному зимой по материалам архивов, рассказам местных жителей или просто по заросшим травой траншеям и окопам.

«Война не кончилась, пока не похоронен последний солдат...» — таков девиз членов военно-патриотического клуба «Поиск».

Поэтому основным направлением работы членов клуба все годы были поиск и перезахоронение останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Члены клуба в поисковые экспедиции выезжают в свободное от работы или учебы время (в период отпуска или каникул, берут отгулы). В экспедициях могут участвовать школьники не моложе 14 лет. Для проведения поисковых работ Старооскольский горвоенкомат выдает группе членов клуба «Поиск» удостоверение, в котором указывается место и сроки проведения раскопок в местах погребения советских воинов, погибших в период войны.

Каждый полевой сезон для поисковиков начинается ранней весной, а заканчивается в ноябре, но иногда приходится выезжать и в зимнее время, т.е. поисковые экспедиции по Белгородской области проводятся в течение всего года, когда этому благоприятствует погода.

На протяжении 40 лет поисковики майские праздники встречают на местах бывших боев, среди старых мин и снарядов, где в воронках их ждут забытые солдаты времен Великой Отечественной войны.

В первые десятилетия поисковики-члены клуба «Поиск» добивались к месту ведения раскопок часто на своем транспорте, закупали необходимое снаряжение и оборудование в складчину. Сколько было радости, когда В.В. Глазков купил мотоцикл, на котором в выходные дни члены клуба «Поиск» выезжали на места поисковых работ¹⁵. Основным оборудованием поисковиков долгое время были лопаты, штыри и мешки.

До принятия закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» № 4293-1 от 14 января 1993 г. поисковая работа велась на общественных началах, на личные средства поисковиков и спонсорскую помощь.

В 1993 г. Верховным Советом РФ был принят закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Благодаря этому закону поисковики получили юридическое право на проведение поисковых работ и погребение останков погибших воинов. Для того, чтобы получить юридический статус, необходимо было создать областную организацию.

В ноябре 1994 года во Дворце культуры «Комсомолец» г. Старый Оскол собрались следопыты-поисковики со всей Белгородской области. На базе Старооскольского общественного военно-патриотического клуба «Поиск» было учреждено Белгородское областное общественно-патриотическое объединение «Поиск» (БООПО «Поиск»). С этого момента поисковики из Старого Оскола стали работать в составе областной организации поискового движения. Председателем правления общим голосованием избрали И.И. Андреева. Почти пятнадцать лет он является бессменным руководителем поисковиков Белгородчины.

Старый Оскол стал центром БОО ПО «Поиск». Как и раньше, штаб находится во Дворце культуры «Комсомолец». Старооскольские поисковики, работая в рамках областной организации, все годы были и остаются ядром поискового движения в Белгородской области.

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне государственный комитет по делам молодежи РФ поисковому объединению выделил поисковое оборудование и имущество, а также денежные средства. Наряду со многими российскими поисковыми организациями БОО ПО «Поиск» получило приборы обнаружения – металлодетекторы, автотехнику (пять «УАЗиков»), две электростанции. На выделенные средства были закуплены также необходимые для работы вещи (палатки, спальные мешки, костровое оборудование, униформа и др.). Из этих же средств оплачивали все ритуальные услуги во время траурных митингов¹⁶. К сожалению, это был единичный акт.

В 1995 году БОО ПО «Поиск» как коллективный член вошло в общероссийскую организацию – Ассоциацию поисковых от-

рядов (АсПО) «Народный союз по охране памяти павших защитников Отечества». Каждый член получил удостоверение общероссийского образца.

В полевых условиях, в любую погоду парни и девушки в лесах, в воронках, траншеях и окопах ищут останки воинов. Они изучают каждый сантиметр земли, стараясь не пропустить маленький черный пенальчик - смертный медальон, возможно, последнюю надежду на установление судьбы погибшего воина. Часто рядом с останками солдат находят ржавые мины и снаряды. Места найденных захоронений поисковики заносят на карту.

Поисковики знают, что это не только трудное, но и опасное дело. Ими переброшены сотни кубометров грунта. Работают не только лопатами, но и перочинными ножами. Часто бывает трудно психологически: истлевшая одежда, петлицы обмундирования, офицерские погоны, остатки обуви. Оружие, патроны, гильзы, осколки бомб и снарядов. Зубные протезы, стеклянный глаз, предметы личной гигиены, пузырьки из-под лекарств... И так проходят экспедиции день за днем...

Поисковые работы в первые десятилетия деятельности клуба «Поиск» проводились в лесных урочищах близ населенных пунктов Сорокино, Великий Перевоз, Шмарное, Новиково, Верхнее-Атаманское. Верхнее и Нижнее Чуфичево, в местах ожесточенных боев в июле 1942 г. С конца 80-х годов XX в. старооскольские поисковики работают в рамках Всесоюзных «Вахт Памяти» не только на территории Белгородской области, но и в разных регионах России и соседних государств – Белоруссии и Украине.

Поисковые экспедиции для многих членов клуба стали школой физической закалки, формирования чувства долга перед защитниками Отечества, коллективизма и помощи друг другу.

5 февраля для старооскольцев особый день. Память – это единственная награда мертвым. Старооскольские поисковики не только устанавливают имена безымянных героев, но и принимают самое активное участие в организации братских могил и установлении памятников. Так появилась братская могила у цемзавода, на южной окраине Старого Оскола, где перезахоронено 58 защитников города. Здесь установлена 4-метровая скульптура «Скорбящая мать».

А в 1975 году по инициативе членов клуба «Поиск» был установлен на братской могиле № 31 у Атаманского леса небольшой обелиск, который сами сварили из кусков листового металла на механическом заводе. И.И.Андреев вспоминает: «Обелиск, на который наносились имена, был весь исписан краской. И так получилось, что когда в 1981 году хоронили останки военного врача Козлова, его имя было некуда записать. Его жена написала тогда письмо Л.И.Брежневу, и он распорядился, чтобы на этом месте был воздвигнут монумент. Так появился мемориал»¹⁷ — две 25-тиметровые металлические стелы, соединенные орденом Отечественной войны, сзади — горизонтальная стела, перед стелами установлены мемориальные доски с именами захороненных советских воинов, погибших в боях при освобождении Старого Оскола. По краям монумента установлены две 76-мм пушки ЗИС-3.

Сегодня эта братская могила — самая большая по численности в ней похороненных бойцов в Белгородской области. Примечательно, что все, от первого до последнего воина, а их в ней около двух тысяч человек (около 1000 из них опознаны), найдены и похоронены в разные годы членами клуба «Поиск».

На мемориальных досках до настоящего времени появляются все новые и новые имена тех, чьи останки удастся опознать.

На январь 2008 г. в Старооскольском районе было найдено и перезахоронено поисковиками около 7000 человек, но установлены имена только половины погибших воинов.

Разработан ритуал траурно-торжественного перезахоронения останков погибших воинов в братских могилах. Традиционно на торжественном перезахоронении присутствуют представители администрации города, ветераны войны, военнослужащие, молодежь, учащиеся разных учебных заведений, жители города, служится панихида. Неизменно сопровождает траурную процессию клубная икона Божьей матери «Взыскание погибших». Под оружейные залпы останки воинов опускают в братскую могилу.

До сих пор ищут могилы своих мужей, отцов и дедов наши соотечественники. Они пишут письма в военкомат и членам клуба «Поиск» с просьбой отыскать следы пребывания дорогих для них людей в годы войны

на нашей территории. «Я разыскиваю своего дедушку Сухарукова Дмитрия Дмитриевича 1914 г. рождения, уроженца Новосибирской обл. Красноозерского р-на село Половинное, — пишет Е.Н. Сивак. — Призывался в СА Хабаровским РВК 8 июля 1941 г. и пропал без вести в феврале 1942 г. ...»; «...Разыскиваю я брата Алексея Дмитриевича Фомичева. Он с 1919 или 1918 года рождения. В 1941 году был призван на фронт из города Саранска... У меня сохранилось его письмо, которое он написал в 1942 году с Юго-Западного фронта... После чего мы получили извещение «без вести пропавший»¹⁸ и др.

Работа по установлению имен советских воинов, обнаруженных во время поисковых экспедиций членами клуба «Поиск», начинается с момента обнаружения останков погибших в стрелковых ячейках, в воронках, траншеях. Но, к сожалению, далеко не всегда работа поисковиков завершается успешно: опознание останков советских воинов, которые удастся найти, в большинстве случаев невозможно. Считается большой удачей, если рядом с останками погибших находят предметы, по которым можно их опознать: медальоны, красноармейские книжки, письма, ложки, котелки, фляжки с надписями фамилий или инициалами на них и др.

Часто документы либо истлели, либо вообще отсутствуют. Жетоны и медальоны, по которым можно было бы установить имена погибших, встречаются нечасто: многие воины считали, что носить их — плохая примета. Известно и то, что в ноябре 1942 года вышел приказ Народного Комиссариата Обороны «О снятии медальонов со снабжения Красной Армии», который в результате привел к увеличению числа пропавших без вести из-за невозможности установления личности погибшего. Мотивация — достаточно красноармейской книжки¹⁹, а бумажные красноармейские книжки по истечении определенного времени, естественно, превращались в тлен. Да и записки в медальонах заполнялись карандашом.

По данным поисковиков на 100 найденных останков погибших приходится не более 10 капсул с записками, в которых указаны имена и адреса солдат, и всего лишь пять из них удастся прочитать. Тем не менее, даже одно имя может помочь установить имена рядом находившихся воинов.

Приведем несколько примеров из отчетов председателя правления БРОО ИПО

«Поиск» И.И. Андреева о проведении поисковых экспедиций в Старооскольском районе: «...Обнаружены останки 15 солдат Красной Армии. Был обнаружен один смертный медальон с хорошо читаемой запиской»²⁰; «...Старооскольский р-н, найдены останки 46 красноармейцев, 2 смертных медальона, прочитан один: Калыбин Михаил Михайлович, рядовой, 1920 г/р, УдАССР, Сарапульский р-н, Нечкинский с/с, с. Нечкино, Калабина Екатерина Ивановна.

По ордену Красной Звезды № 23003 установлен сержант госбезопасности Самстыко Дмитрий Иванович, старший уполномоченный особого отдела НКВД 21 Армии»²¹.

Члены клуба благодаря найденным медальонам устанавливают имена погибших, пытаются через разные архивы, включая Центральный Архив Министерства обороны, найти родных похороненных и увековеченных на этой земле воинов. Кроме медальонов, вернуть солдату имя помогают его личные вещи, например, ложки, котелки, бритвы или какие-либо другие предметы, на которых он выцарапывал свою фамилию и номер части. Устанавливают имена и по военным наградам погибших.

Поисковики находят иногда и письма, которые пролежали десятки лет в земле и находятся в хорошем состоянии. «Если сумка с письмом в глине пролежала, — говорит Эдуард Иванович, — письмо сохраняется, как будто вчера написано. Если в песке — дело плохо: вода пропитает. А вот чернозем — тот вообще все проглатывает и переваривает. Все сгнивает в черноземе»²². Найденные в хорошем состоянии письма поисковики дарят родственникам погибших.

Были и такие случаи. Д.В. Мишустин описал один из них: «При вскрытии захоронения в Новокладовском лесу среди останков 38 погибших воинов был найден пенал с запиской воина Д.С. Уткина, участника боя 31 января 1943 года. В этот день он был тяжело ранен в обе ноги. Санитар разрезал брюки и выбросил в общую могилу вместе с брюками и пенал. И как же мы удивились, когда на наш запрос родным ответил сам Д.С.Уткин. Жив солдат! А вернее, сержант. Об удивительной судьбе Уткина писали кемеровская газета «Молот» и «Известия»²³.

Члены клуба «Поиск» занимаются не только возвращением имен, но и стараются восстановить истину. Известно, что в результате неточности сведений о погибших люди оказывались или во многих списках,

или попадали в списки «без вести пропавших», «замученных» и т.д.

«За неполные первые 10 лет работы клуба, — пишет С.И. Филоненко, — были восстановлены фамилии 1252 советских воинов, погибших под Старым Осколом летом 1942 г. 50 из них были бойцы и командиры 45 стрелковой дивизии. Клубом было проведено 906 перезахоронений, в том числе останки 42 воинов 45-ой стрелковой дивизии были перенесены в братские могилы»²⁴.

И сегодня продолжается работа бойцов «Поиска» по восстановлению имен погибших воинов в годы Великой Отечественной войны. Если не удастся узнать имена погибших по материалам, найденным во время поисковых экспедиций на месте, то поиск продолжается зимой во время работы в Центральном архиве Министерства обороны РФ и по архивным данным Союза поисковых отрядов России. Так, например, в декабре 2007 г. в ЦАМО работали 4 бойца БРОО ИПО «Поиск». В ходе работы с документами были установлены судьбы 57 жителей Белгородской области. Была проведена большая работа с архивными документами по медальонам погибших в банке данных Союза поисковых отрядов России. В доработке и уточнении по месту захоронения находятся еще 10 заявок от родственников погибших и без вести пропавших²⁵.

Много писем с благодарностью от родных, друзей и земляков бойцов, погибших на старооскольской земле, до сих пор приходят в «Поиск»: «Благодарим группу «Поиск» во главе с Иваном Ивановичем Андреевым, который сообщил о том, что найден наш отец... хочу поблагодарить весь город, всех жителей Старого Оскола за память, за то, что в вашей земле будет покоиться наш отец...»²⁶.

В клубе «Поиск» поисковая работа всегда рассматривалась не только как долг перед погибшими за свободу и независимость нашей Родины, но и как сильнейший инструмент воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, любви к своей Родине, уважения к ветеранам Великой Отечественной войны.

Э.И. Григорьев считает, что «поисковая работа — это прикосновение к подвигу, школа военно-патриотического воспитания»²⁷. За сорок лет не одна сотня девушек и юношей были воспитанниками клуба. Молодежь, прошедшая через «поисковую школу», по-иному смотрит на жизнь, на исто-

рию нашей страны, участвует в уходе за памятниками воинской славы, продолжая по-настоящему гордиться героизмом и мужеством советских солдат.

К работе в клубе поисковики всегда привлекали трудных подростков, состоявших на учете в инспекции по делам несовершеннолетних²⁸. Многие из них в дальнейшем строили свою судьбу под влиянием патриотического «импульса», который получили в отряде «Поиск». Среди них можно назвать бывших «уличных королей» братьев Александра и Николая Петренко, окончивших высшее военно-авиационное училище и ставших военными летчиками, Владимира Дурнева — капитана милиции в Якутии²⁹.

Особенно активно военно-патриотическая работа среди школьников и молодежи города проводилась в 1980-е годы, когда под руководством Э.И. Григорьева и других поисковиков в большинстве школ города и района были организованы музеи истории и Боевой Славы. Учащиеся школ изучали не только боевые пути частей и соединений, переписывались и организовывали встречи с ветеранами, записывали воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне, но и под руководством учителей собирали краеведческий материал.

Члены клуба поручали учащимся-красным следопытам сбор материалов о жителях города — участниках событий Великой Отечественной войны, о погибших воинах на старооскольской земле. Так, следопытам средней школы № 12, руководителем которых много лет была учитель истории Антонина Ивановна Зубова, в декабре 1979 года было предложено установить шефство над братской могилой у Атаманского леса. Затем Э.И. Григорьев предложил школьникам подробнее разузнать о 116 танковой бригаде, участвовавшей в освобождении города Старый Оскол. Они начали свою работу с поиска родственников погибших. «Учительница и дети писали письма с просьбой откликнуться по многим адресам. Просили рассказать о боях за Старый Оскол, прислать адреса друзей. Постепенно накапливался материал»³⁰.

«Мне нравится заниматься поиском, — писал в 1985 г. Виктор Гребенкин, учащийся 8 «А» класса Каплинской средней школы. — Еще с 5 класса мечтал попасть в такой клуб. Сейчас старшие товарищи по клубу дали поручение разыскать у себя в селе строителей железной дороги Старый

Оскол — Ржава. И я это делаю»³¹. В. Гребенкин в дальнейшем стал одним из самых активных членов клуба «Поиск».

Лучшими музеями Боевой Славы — центрами патриотического воспитания учащихся — стали музеи в городских школах № 12, № 34, № 28, № 11 и др.

Сегодня школьные музеи имеют сотни, тысячи экспонатов, продолжают сотрудничать с членами клуба «Поиск» и его первым руководителем Э.И. Григорьевым. «Он своим энтузиазмом, патриотизмом зажег сердца множества ребят... Вы бы видели учеников Песчанской школы, как ребята старательно занимаются восстановлением имен погибших воинов. Школьники приходят к Эдуарду Ивановичу домой и рассказывают о своих находках, испытывая всеобщий подъем и радость от причастности к важному делу. Благодаря поисковой деятельности Э.И. Григорьева вырос памятник советским воинам-освободителям во дворе Песчанской школы и теперь является священным местом для всех жителей села»³².

Поисковая работа членов старооскольского клуба «Поиск» продолжалась и в начале 90-х, когда произошел развал Советского Союза. Они продолжали традиции патриотического воспитания и поискового движения. В Белгородской области координация работы поисковиков по выявлению неизвестных воинских захоронений, установление имен погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны была возложена на областной комитет по делам молодежи. Поисковая работа стала составной частью военно-патриотического воспитания молодежи и населения области.

За 40 лет через клуб прошли около двух тысяч старооскольских мальчишек и девчонок. Историко-патриотическое объединение «Поиск» помогло им подготовиться к службе в армии, на конкретных примерах ощутить себя в истории связующим звеном между прошлым и будущим, найти свое место в жизни.

Сегодня поисковое движение является одним из главных аспектов военно-патриотического воспитания в рамках государственной молодежной политики.

Члены клуба возложили на себя еще одну важную миссию — освобождение старооскольской земли во время поиска захоронений погибших воинов от взрывоопасных предметов. Эту опасную работу многие

годы выполняли Э.И. Григорьев, Вал. П. Прокудин, Вас.П. Прокудин, Л.В. Распопов, И.Л. Бородин, А.И. Дворников, В.В. Шамрин, Н.А. Ревякин, Д.В. Мишустин, И.И. Андреев. Вместе с работниками военкомата они разыскивали и обезвреживали взрывоопасные предметы.

Старооскольский горисполком издал специальное распоряжение, в котором обязал городских архитекторов при выдаче ордеров на земляные работы согласовывать их с клубом «Поиск», т.к. двадцать пять особо опасных территорий, наспигованных металлом войны, находились в пределах города.

В конце 1980-х москвичи подарили клубу миноискатель, и много лет, до создания службы МЧС, члены клуба «Поиск» помогали находить и обезвреживать мины. За 40 лет своего существования членами городского клуба «Поиск» были обнаружены и обезврежены десятки тысяч мин и снарядов.

Десять членов клуба «Поиск»: Э.И. Григорьев, Д.В. Мишустин, В.В. Глазков, И.И. Андреев, Н.А. Ревякин, Вл.П. Прокудин, И.Л. Бородин, В.И. Кашкаров, М.В. Мелентьев, Ф. Простев были награждены почетными знаками Министерства обороны «За разминирование». Это уникальный случай, когда впервые в России гражданские люди были удостоены этой военной награды.

Еще много белых пятен на карте нашей истории, поэтому нет ничего важнее, чем поддерживать связь поколений. В этом главная задача «Историко-патриотического объединения «Поиск» нашей области. Оно в числе старейших и лучших среди центров поискового движения в России. Об этом свидетельствует множество благодарственных писем, грамот и наград.

За большой вклад в работу по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества и героико-патриотическое воспитание молодежи историко-патриотическое объединение «Поиск» неоднократно было награждено грамотами, дипломами и выпелами Советского Комитета ветеранов войны, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, Почетными грамотами, Благодарственными письмами Российского комитета по делам молодежи, Российского Комитета ветеранов войны, администраций городов и районов Российской Федерации и др. В декабре 1997 г. «Поиск» получил высокую награду - Грамоту Патриарха Московского и всея Руси Алексия II «За усердные труды во славу святой Церкви».

Некоторые члены организации имеют высокие награды. Первый руководитель клуба Э.И.Григорьев награжден орденом Дружбы народов, медалями «50 лет Советской Армии», «Маршал Советского Союза Жуков», «Защитник Отечества», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», крестом «За спасение Отечества 1941-1945 гг.», нагрудными знаками «Воинская доблесть», «За разминирование», «За активное участие в ветеранском движении». И.И.Андреев - медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалью Русской православной Церкви «Святого благоверного князя Даниила Московского», медалью «60 лет Победы в Курской битве». Правительство РФ в 2001 году наградило Почетной грамотой Д.В. Мишустина, одного из старейших членов клуба «Поиск» и поискового движения в Старом Осколе.

Медалями, нагрудными знаками и Почетными грамотами министерств, Благодарственными письмами ЦК ВЛКСМ, государственных и общественных организаций Белгородской области, городов и районов Российской Федерации награждены многие поисковики: И.Л. Бородин, В.И. Кашкаров, В.В. Глазков, М.В. Мелентьев, И.Ш. Шайдуллин, Ю.Н. Ряполов, А.А. Артеменко, В.В. Давыдов, М.П. Кац, П. Ю. Мануйлов и др.

За прошедшие десятилетия сменилось поколение членов клуба, появились новые направления в поисковой работе. Поисковое движение стало государственной задачей, оно в настоящее время находится на подъеме, что подтверждается принятыми Федеральными программами и государственной концепцией «Патриотического воспитания граждан РФ», нормативными актами о поддержке военно-патриотических объединений и поисковых формирований. Поисковая работа может многое дать для воспитания современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Всероссийская Книга памяти, 1941-1945: Обзорный том. — М.: Воениздат, 1995. — С. 538.
- ² Пушкаренко Е.А. Немецкая оккупация Старооскольского края (июль 1942-февраль 1943 гг) // Оскольский край: Научный альманах. Вып. 2. — Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2007. — С. 35-44.
- ³ Гургени Д. Один из первых. — М.: Воениздат, 1959. — С. 130-132.

- ⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др. — М.: Воениздат, 1993. — С. 177.
- ⁵ Пушкаренко Е.А. Указ. раб. - С. 39.
- ⁶ Текущий архив кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС. Материалы беседы с Э.И. Григорьевым 10 апреля 2008 г. Записано З.З. Мухиной.
- ⁷ Патриоты Белгородской земли/ Памятник Отечества. — 1983. - № 1. — С. 76.
- ⁸ Текущий архив клуба «Поиск».
- ⁹ Андреев И. Опасные «сюрпризы» // Октябрьские Зори. — 1985. — 1 мая.
- ¹⁰ На площади у Зимнего. Гость страницы // Октябрьские Зори. — 1987. — 4 декабря.
- ¹¹ Текущий архив кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС. Материалы беседы с Ю.Н. Ряполовым 7 февраля 2008 г. Записано З.З. Мухиной.
- ¹² Мы этой памяти верны / Сост. И.П. Цуканов. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. — С. 4.
- ¹³ Текущий архив клуба «Поиск».
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Текущий архив кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Маликова И. Есть такая профессия — возвращать имена//Белгородские известия. — 2005. — 22 февраля
- ¹⁸ Текущий архив клуба «Поиск».
- ¹⁹ Котилевский С.С. Теория и практика поисковых работ. — Казань, 2004. — С. 67.
- ²⁰ Текущий архив клуба «Поиск». Отчет председателя правления БРОО ИПО «Поиск» И. Андреева о проведении поисковой экспедиции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1995 г.
- ²¹ Текущий архив клуба «Поиск». Отчет председателя правления БРОО ИПО «Поиск» И. Андреева о проведении поисковой экспедиции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1999 г.
- ²² Леонтьев С. Память в бронзе и камне, а главное — в душах человеческих// Зори. — 1998 — 3 февраля/
- ²³ Мишустин Д. Мы нашли его!// Октябрьские зори. — 1985 — 1 мая.
- ²⁴ Филоненко С.И. Воронеж. Сталинград. Берлин. История боевого пути 45-ой стрелковой (74-ой Гвардейской Нижнеднепровской ордена Богдана Хмельницкого III степени) дивизии. — Воронеж, 1999. — С. 186.
- ²⁵ Текущий архив клуба «Поиск». Отчет о работе БРОО ИПО «Поиск» в 2007 году.
- ²⁶ Белгородская правда. — 2004. — 13 июля.
- ²⁷ Попов Б. На главных направлениях воспитания// Октябрьские зори/ — 1985. — 5 апреля.
- ²⁸ См.: Третий полюс / Сост.: В. Муссалитин, Э. Нуриджанов. — М.: Современник, 1982. — С. 350.
- ²⁹ Текущий архив кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС.
- ³⁰ Маликова С. Спасибо, что помните//Историческая память поколений / Сост. Паршуков Ю.Н., Аникина Р.Ф. — Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2005. — С. 85.
- ³¹ Гребенкин В. Примеры высокого мужества// Октябрьские зори. — 1985. — 1 мая.
- ³² Болдырева В. Дело всей жизни — «Поиск». — Зори. — 2008. — 31 января.

Встреча с ветеранами 267 стрелковой дивизии, сформированной в 1941 г. в г. Старый Оскол,
8 мая 1976 г. Фото Д.В. Мишустина

Д.В. Мишустин на раскопках воинского захоронения, 19 августа 1979 г.
Фото из архива Д.В. Мишустина

Расчистка территории от взрывоопасных предметов в урочище «Ублинские горы» (район горбольницы № 2). Слева направо: Э.И. Григорьев, В.В. Глазков, Л.В. Распопов, Вал. П. Прокудин, Г.А. Харюшин, октябрь 1986. Фото Д.В. Мишустина.

Захоронение советских воинов у Поклонного креста в хуторе Сторожевое в день 52-ой годовщины танкового сражения на Прохоровском поле, 12 июля 1995 г.
Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

Музей-диорама «Курская битва. Южный фас», г. Белгород. И.И. Андреев, А.Е. Денисов, А.А. Артеменко. Фото из архива ВРОО ИПО «Поиск».

Презентация песни «Посвящение» (к 40-летию историко-патриотического объединения «Поиск», г. Старый Оскол), 22 мая 2008 г. Фото: Владимира Бабенкова.

«Вахта Памяти -99», с. Шляхово Корочанского района Белгородской области, 9 мая 1999 г.
Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

Захоронение советских воинов в с. Шляхово Корочанского района Белгородской области, 10 мая 1999 г. *Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».*

«Вахта Памяти-2000». Мемориал у Атаманского леса. Торжественное захоронение погибших
воинов, г. Старый Оскол, 22 июня 2000 г. Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

В кабинете ИПО «Поиск» в ДКиТ «Комсомолец». Слева направо: Э.И. Григорьев, И.И. Андреев,
В.Н. Бурмагин, Н.А. Дитовский, В.В. Глазков, Д.В. Мишустин.
Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

«Вахта Памяти-2003», с. Березовка Ивнянского района Белгородской области, июль 2003 г.
Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

Поисковики с ветераном В.В. Чаловым, освобождавшим в 1943 году г. Старый Оскол, 9 мая 2005 г.
Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».

Э.И. Григорьев – первый руководитель патриотического клуба «Поиск» в г. Старый Оскол, 1987 г.
Фото из архива Э.И. Григорьева.

Лагерь поисковиков БРОО ИПО «Поиск». Беларусь, Витебская область, сентябрь 1996 г. *Фото из архива БРОО ИПО «Поиск».*

(2 л.) СТАН ОКОЛОГОРОДНЫЙ,
а в нем за помещики

Село Ездочная слобода
на реке на Осколе

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Предлагаем читателю подлинный архивный документ конца XVII века — фрагмент писцовой и межевой книги по Окологородному стану Старооскольского уезда, составленный писцами стольником князем Прохором Алексеевичем Вяземским и подъячим Василием Заварзиным в 1691 году (РГАДА. Ф. 1209. — Оп. 1. — Кн. 460). Текст подготовлен А.П. Никуловым.

(1 л.) Лета 7199 года августа в 25 день по Указу Великих Государей, Царей и Великих Кнзезей Ионана Алексеевича, Петра Алексеевича Всеа Великая, и Малыя, и Белыя Росии Самодержцев и по наказу ис Помесного приказу за приписью дьяка Дмитрея Федорова писцы — стольник князь Прохор Алексеевич Вяземский да подъячей Василий Заварзин, приехав в Старой Оскол и в Старооскольской уезд, писали, и мерили, и межевали в селех и в деревнях: монастырские, и церковные, и поместные, и вотчинные земли; и порозжие пустоши, и починки, и селища, и займища, и дубровы, и черные леса по старым писцовым и межевым книгам князь Гаврила Хотетовского 151-го, и по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году, и по крепостям дикие поля, и примерные земли, что примерено сверх старых дач. В селех, и в деревнях, и в пустошах,

(1 л. об.) и в починках, и в займищах, и в селищах, и в диких полях за старооскольцы дворяны, и за детьми боярскими, за копейщиками, и за рейтары, и за салдаты, и за городовыми дворяны, и за вдовами, и за девками, и за недорослями дворяны их помещиковы, и крестьянские, и бобыльские и в них людей по имяном; и места дворовые, и пашню, и сено, и лес и всякое угодье. А за кем имяны, и по скольку чети писано, и мерено, и межевано, и что порозжих и примерных земель и в пустошах диких поль четвертные пашни отписано на Великих Государей и то писано в сих книгах порознь по статьям ниже сего.

1. За Кузьмою Ивановым сыном Дятловым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Говрилом Анофреевым сыном Жилиным, в селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребеи двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево дачи в той же округе по конец поль лишнее земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логам, и по верхам, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу,

(2 л. об.) и по одну сторону речек Стужня и Горосима — сто копен да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по Грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Семена Струкова, какова прислана на Оскол к воеводе к Харитону Арнаутову во 185-ом году, и по ево скаске за рукою старооскольца Ильи Чечулина, какову он подал во 199-ом году августа в 25 день.

№ 2

2. За Федосеем да Иваном Ивановыми детьми Маликова, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их родным за Клеменом Маликовым сыном Алексеевым в том селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два

(3 л.) двора помещиковых, пашни старые дачи — пятьдесят чети, за Федосеем дватцать чети, а за Иваном тритцать чети в поль, а в дву потому ж, да примерно сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля — пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логам, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного

приказу за приписью дьяка Андреяна Яковлева, какова прислана на Оскол х Кириле Чаплыгину во 176-ом году, и по их

(3 л. об.) полюбовной заручной челобитной, и по скаске за руками Ивана Протопопова, да Михайла Кондаурова, да Аврама Бакланова, какову они челобитную и скаску подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2 день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Стужне за Федосеем — сорок чети, а за Иваном — дватцать чети.

№ 3

3. За Степаном Селивановым сыном, да за Ефремом, да за Костентином Васильевыми детьми Захаровыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Иваном Григорьевым сыном Макаровым, а в 191-ом году то Иваново поместье Макарова дано ему Степану, и Ефрему,

(4 л.) и Костентину в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Степаном дватцать чети, а за Ефремом и Костентином тритцать чети, по пятнадцать чети за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, по дикому полю, и по дубровам, и по реке по Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, Степану сорок копен, а Ефрему да Костентину шестьдесят копен, по тритцати копен человеку, да на примерную землю — сто ж копен. Лес Горней да лес Ровной с помещики

(4 л. об.) вопче. Писано за ними то поместье по грамоте Великих Государей ис Поместного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к воеводе к Степану Юшкову во 191-ом году, и по сыску окольных людей и по их скаске за рукою Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

Да за ними ж поместья в том же стану за Степаном в селе Стужне тритцать чети, а за Ефремом дватцать пять чети, а за Костентином пять чети.

№ 4

4. За Анисимом Иевлевы сыном, да за Лукьяном Кондратьевым сыном Дехтеревы-

ми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их родным за Ермолою

(5 л.) Ивановым сыном Дехтяревым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля — пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

(5 л. об.) Да за Лукьяном за одним поместья в том же стану в селе Бекетове — дватцать чети.

№ 5

5. За Васильем да за Гаврилом Ивановыми детьми Серова, да за Тихоном Савельевым сыном Чечюлиным, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Лавром Муланиным, а во 190-ом году то поместье справлено за ними, за Васильем, и Гаврилом, и Тихоном, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по семнатцати чети с третином за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля — пятьде

(6 л.) сят чети, в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по тритцать три копны с третью копною человеку, да на примерную землю — сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по выписи с Отказных книг — отказ старооскольца Нефёда Устинова за рукою Филата Фалеева 190-го году и по их скасам за рукою Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

Да за ними ж поместья в том же стану за Васильем в селе Стужне дватцать чети, а за Гаврилом в деревне Бекетове дватцать чети.

№ 6

6. За Тихоном, да за Архипом, да за (6 л. об.) Семеном Петровыми детьми Турищева, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их Павлином Дмитриевым сыном Турищевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по семнатцати чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по тритцати по три копны с третью копною человеку,

(7 л.) да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаскам за рукою Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

Да за Тихоном за одним поместья в том же стану в селе Бекетове — дватцать чети.

№ 7

7. За Васильем да за Иваном Филипповыми детьми Поткопаевыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их родным за Терентьем Андреевым сыном Поткопаевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — семнатцать чети бес третника, по осми чети с третником за человеком

(7 л. об.) в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семнатцать чети бес третника в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — тритцать три копны с третью копною, по семнатцати копен бес трети копны человеку, да на примерную землю тритцать три копны с третью. Лес Горней

и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Рагозинина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе князь Федору Шахонскому во 188-ом, году и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

(8 л.) Да за ними ж поместья в том же стану в селе Солдацком — сто тритцать чети, да в деревне Бекетове восьмьдесят чети.

№ 8

8. За Иваном Иевлевым сыном, да за Васильем, да за Андреем Григорьевыми детьми Поткопаевыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Терентьем Андреевым сыном Поткопаевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — семнатцать чети бес третника в поль, а в дву потому ж, за Иваном восемь чети с третником, а за Васильем да за Одреем восемь чети с третником, по четире чети с полутретником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли

(8 л. об.) дикого поля семнатцать чети с третником в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — тритцать три копны с третью копною, Ивану семнатцать копен бес трети копны, а Василью да Андрею семнатцать копен бес трети копны человеку, да на примерную землю тритцать три копны с третью ж копною. Лес Горней да лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Михайла Волкова, какова грамота прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Степану Юшкову во 192-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

(9 л.) Да за ними ж поместья в том же стану в селе Солдацком — сто чети.

№ 9

9. За Прокофьем да за Филипом Фомиными детьми, за Савельем, да за Киреем, да за Лазарем, да за Лукьяном Евтифьевыми детьми, да за вдовою Авдотьей Фоминою

женою Поткопаевыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их родным, а вдовина мужа за дедом за Терентьем Андреевым сыном Поткопаевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — семнатцать чети третника в поль, а в дву потому ж, за вдовую Авдотьей с пасынки, с Прокофьем да с Филипом восемь чети с третником, а за Савельем, да за Киреем, да за Лазарем, да за Лукьяном восемь же чети с третником. Да примерено сверх той их

(9 л. об.) старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семнатцать чети с третником в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — тритцать три копны с третью копною, вдове Авдотье с пасынки семнатцать же копен бес трети копны, а Савелью, да Кирею, да Лазарю, да Лукьяну семнатцать же копен бес трети копны, на примерную землю тритцать три ж копны с третью копною. Лес Горней да лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе ж Солдацком за Прокофьем дватцать чети,

(10 л.) а за Савельем с братьями — сто чети.

№ 10

10. За Игнатом Киприяновым сыном да за Иваном Савельевым сыном Завьяловыми, что писано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Игнатьевым дедом, а за Ивановым прадедом за Федором Остафьевым сыном Завьяловым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж, по дватцати по пяти чети за человеком. Да примерено сверх их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, , и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима —

(10 л. об.) сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

№ 11

11. За Мелентьем да за Онофрием Гавриловыми детьми, да за снохою их за вдовую Дарьей Панкратовою женою Гаврилова сына Шановыми, Борисовы они ж, что писано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Мелентьевым да за Онофриевым и вдовина Дарьяна мужа за Понкратьевым дедом родным за Семеном Борисовым, Шанов он же, в селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых,

(11 л.) пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по семнатцати чети третника за человеком в поле, а в дву потому ж, за человеком. Да примерено сверх их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по тритцати по три копны с третью копною человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день.

№ 12

12. За Обрамом, да за Петром, да за Кузьмою,

(11 л. об.) да за Микитою, да за Онисимом Иаковлевыми детьми Бокланова, что писано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Иваном Лукьяновым сыном Боклановым в селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли двенатцать чети с осминою, по две чети с осминою за человеком, да того ж Иванова поместья Бокланова тритцать семь чети с осминою писано за детьми их за Тимофеем да за Яковом Богдановыми, да Аристова поместья Скоробогатова восемь чети с третником, обоого —

дватцать одна четь бес полутретника, по четьре чети с полутретником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля

(12 л.) дватцать одна четь бес полутретника в поль, а в дву потому ж. Сена на их старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок две копны бес трети копны, по осми копен с третью копною человеку, да на примерную землю сорок две ж копны с третью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по выписи с Отказных книг, отказ оскольского осадного головы Федора Ананьевского за его Федоровою рукою 161-го году, и по их скаске за ево Обрамовою рукою, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября во 2-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Репец двенатцать чети с осминою. Да за Обрамом же за одним, поместья, что ему дано из дикого поля подле Репецких дач за рекою за Осколом два

(12 л. об.) тцать чети.

№ 13

13. За Тимофеем Ивановым сыном Боклановым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом ево за Иваном Лукьяновым сыном Боклановым, а в роздаточных книгах Дмитрия Плещеева 153-го году за ним Тимофеем в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж. Да того ж Иванова поместья Бокланова дватцать пять же чети писано за Яковом Боклановым с племянники. Да за Тимофеем же поместья в том же селе Ездочные слободы, что ему дано из Ивановского поместья Андреева. А в нем на ево жеребей место дворовое поме

(13 л.) щиково попалам с Ондреем Сергеевым сыном Андреевым, пашни старые дачи семнатцать чети. Всего за ним в том селе Ездочные слободы пашни старые дачи — сорок две чети в поль, а в дву потому ж, да того ж Ивановского поместья Андреева по семь чети писано за внуком ево за Ондреем Андреевым. Да примерено сверх тех ево старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сорок две ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на

старые дачи меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — возмьдесят четьре копны, да на примерную землю сто возмьдесят четьре копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по грамоте ис Помесного

(13 л. об.) приказу за приписью дьяка Мартемьяна Бредихина 157-го году и по ево скаске за рукою Ильи Чечулина и по полюбовной челобитной с Ондреем Андреевым за руками Василья Иванова и Ильи Чечюлина, какову они челобитную и скаску подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

№ 14

14. За Яковом Ивановым сыном Боклановым, что написано в Дозорных книгах Осипа Секерина 121-го году за дедом ево за Иваном Лукьяновым сыном Боклановым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли двенатцать чети с осминою, да того ж Иванова поместья Бокланова пашни тритцать семь чети с осминою писано за братом иво

(14 л.) за Тимофеем Боклановым с племянники. Да за ним же в том же селе Ездочные слободы отца ево поместье, что отцу ево дано было по раздаточным книгам Дмитрия Плещеева 153-го году из Минина поместья Грязева, восемь чети с третником, да что ему Якову дано из Обакумова поместья Лихушина, десять чети. Всего за ним Яковом поместья в том селе Ездочные слободы пашни старые дачи — тритцать одна четь бес третника в поль, а в дву потому ж, да примерно сверх тех ево старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля тритцать одна четь бес третника в поль, а в дву потому ж.. Сена на старые дачи меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима —

(14 л. об.) шездесят две копны бес трети копны, да на примерную землю шездесят две копны бес трети копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним те поместья по выписи с Отказных книг, отказ оскольского осадного головы Федора Ананьевского за иво Федоровою рукою 161-го году, да по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Дмитрия Фе-

дорова, какова прислана на Оскол к воеводе к Харитону Арнаутову во 186-ом году, и по полюбовной заручной челобитной с Макеем Киселевым, и по иво скаске, какову он челобитную и скаску подал за руками Покровского попа Дмитрея да старооскольца Михайла Кондаурова в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за ним поместья в том же

(15 л.) стану в селе Репец сорок одна четь с осминою, да в деревне Прилепах за Ровным лесом дватцать чети, да подле дач села Рогового помещиков дватцать чети.

№ 15

15. За Андреем, да за Пимином, да за Петром Сергеевыми детьми Андреева, что написано по роздточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Иваном Ивановым сыном Андреева в то же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на иво жеребей половина места дворового помещикова, пашни старые дачи добрые земли восемь чети, по три чети бес третника за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж деда их Иванова поместья Андреева семнатцать чети да половина места ж дворового помещикова писано за Тимофеем Боклановым.

(15 л. об.) Да примерено сверх той их старой дачи в той ж округе по конец поль лишние земли дикого поля тридтцать две чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – шеснатцать копен, да на примерную землю шездсят четыре копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте Великих Государей ис Помесного приказу за приписью дьяка Василья Михайлова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Гавриле Кисленскому во 195-ом году, и по полюбовной заручной челобитной с Тимофеем Боклановым и по их скаске, какову они челобитную и скаску подали за руками Покровского попа

(16 л.) Ивана, да Причистенского попа Дмитрея, да старооскольца Василья Иванова, да Ильи Чечулина в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

№ 16

16. За Мокеем Григорьевым сыном Киселевым, что написано по Дозорным кни-

гам Осипа Секерина 121-го году за Обакумом Лихушиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи – сорок чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх старой дачи в той ж округе по конец поль лишние земли дикого поля сорок же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, по реке Большому Осколу, и по одну сторону

(16 л. об.) речек Стужни и Горосима – восемьдесят копен, да на примерную землю восемьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по грамоте Великих Государей ис Поместного приказу за приписью дьяка Ансима Небежина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к князю Василью Вяземскому во 198-ом году, и полюбовной ево заручной челобитной с Яковом Боклановым, и по скаске, какову они, челобитную и скаску, подали за руками Покровского попа Дмитрея да Михайла Кондаурова в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

№ 17

17. За Мартином Олферьевым сыном да за племянником иво за Кирилом

(17 л.) Андреевым сыном Бурцовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Осипом Федоровым сыном Архиповым, а во 174-ом году то Осиповское поместье Архипова дано ему Мартину, а Кирилову отцу Андрею Бурцову, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той ж округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому

(17 л. об.) Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Поместного приказу за приписью дьяка Степана Венедиктова, какова прислана на Оскол к Федору Лупандину во 174-ом году, и по их скаске за

рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Салдатском тритцать чети, а за Киреем в деревне Бекетовой дватцать чети.

(18 л.) № 18

18. За Ильею, да за Понкратом, да за Наумом Ивановыми детьми, за Федором да за Михаилом Семеновыми детьми, за Борисом да за Парфеном Тимофеевыми детьми Поповыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Ильиным, да за Понкратовым, да за Наумовым дедом родным, а за Федоровым, да за Михайловым, да за Борисовым, да за Парфеновым прадедом за Самсоном Юрьевым сыном Поповым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, за Ильею з братьями тритцать чети, по десяти чети за человеком, а за Федором з братьями дватцать

(18 л. об.) чети, по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерно сверх той старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, Илье з братьями шездесят копен, по дватцати копен человеку, а Федору з братьями сорок копен, по десяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними поместья по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

(19 л.) Да за ними поместья в том же стану в селе Стужни десять чети, да за Ильею за одним в том же селе Стужни тритцать чети, да на усть речки Дорожни пятьдесят чети, да в селе Стужни за Наумом да за Понкратом по шездесят чети, а за Федором да за Михаилом по тритцати чети.

№ 19

19. За Михаилом, да за Иваном, да за Максимом, да за Исаем Ивановыми детьми Исаева, Паповы они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году

за дедом их за Осипом Никитиным сыном Исаевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые

(19 л. об.) дачи добрые земли — пятьдесят чети, по двенатцати чети с осминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерно сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Попова, какову они подали во 199-ом году августа в 26 день. Да за ними ж поместья в том же

(20 л.) стану в селе Репце дватцать чети.

№ 20

20. За Клеменом Яковлевым сыном Быковым, за Харламом, да за Понкратом, да за Тихоном, да за Кузьмою Матвеевыми детьми Черного, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Иевком Фоминовым сыном Малатковым да за Ильею Тимофеевым сыном Росляковым, а во 186-ом году Иевково поместье Малаткова дано Харламову з братьями отцу Матвею Черному, а Ильино поместье Рослякова дано ему Клемену в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — сто чети, за Клеменом пятьдесят чети, а за Харламом з братьями пятьдесят же чети, по двенатцати чети с осминою за человеком в поль, а в дву потому ж,

(20 л. об.) да примерно сверх той старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли сто ж чети в поле, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — двести копен, Клемену сто копен, а Харламу з братьями сто ж копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писаны за ними те поместья по выписи с Отказных книг, отказ [осколенина] Якова Бокланова за рукою

Петра Андреева 186-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану, за Харламом з братьями в селе

(21 л.) Стужне сорок чети, а за Клеменом в селе Роговом дватцать чети.

№ 21

21. За Максимом Ивановым сыном, за Степаном да за Иваном Яковлевыми детьми Захарова, Малые они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Максимковым дедом, да за Степановы да за Ивановым прадедом родным за Ларионом Захаровым, Малого он же, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Максимом дватцать пять чети, а за Степаном да за Иваном дватцать пять же чети, по двенатцати чети с осминою за человеком, да примерено сверх той их старой дачи

(21 л. об.) в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю, что меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, Максиму пятьдесят копен, а Степану да Ивану пятьдесят же копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану за Максимом в селе Короваеве, а Горосим тож, сто чети, да вверх по речке Опочке в рассоше дватцать чети, да в селе Стужне десять чети,

(22 л.) а за Степаном да за Иваном в том же селе Стужне десять чети.

№ 22

22. За Аврамом да за Офонасьем Емельяновыми детьми, за Сергеем да за Григорьем Васильевыми детьми Костентином Анофриевым сыном, да за Иваном Дементьевым сыном Баклановыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за

дедом их родным за Михайлом Кириловым сыном Боклановым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Аврамом, да за Офонасьем, да за Сергеем, да за Григорьем дватцать пять чети, по шести чети сполу-

(22 л. об.) осминою за человеком, а за Костентином да за Иваном дватцать пять же чети, по двенатцати чети с осминою за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, Авраму, да Офонасью, да Сергею, да Григорью пятьдесят копен, по двенатцати копен с полукопною человеку, а Костентину да Ивану пятьдесят же копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики

(23 л.) вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Стужне, за Аврамом да за Офонасьем дватцать пять чети, а за Сергеем да за Григорьем дватцать пять же чети, а за Иваном в селе Солдацком сто чети.

№ 23

23. За Филимоном Максимовым сыном Гусевым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Макаром Свечниковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх

(23 л. об.) той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по Грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Владычина 164-го году и по иво ска-

ске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ним же поместья в том же стану в селе Короваеве, Геросим тож, пятьдесят чети, да в деревне Бекетове 20-ть.

(24 л.) № 24

24. За Васильем, да за Семеном, да за Тимофеем, да за Кузьмою Яковлевыми детьми, да за Логвином Михайловым сыном Шестаковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Нечаем Корнеевым сыном Шестакова в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети, по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. А другая половина того Нечаева поместья Шестакова писана за Фомою Скоковым з братьями. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать пять чети в поле,

(24 л. об.) а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — пятьдесят копен, по десяти копен человеку, да на примерную землю пятьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 25

25. За Фомой, да за Обрамом, да за Обросимом, да за Иваном, да за Володимером Андросовыми детьми Скокова, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Нечаем Корнеевым сыном Шеста-

(25 л.) ковым, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеива 153-го году за отцом их за Андросом Скоковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж, по пяти чети за человеком. А другая половина того Нечаева поместья Шестакова писана за правнучаты иво за Васильем Шестаковым з братьями. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль

лишние земли дикого поля дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни

(25 л. об.) и Горосима — пятьдесят копен, по десяти копен человеку, да на примерную землю пятьдесят копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по выписи с Отказных книг, отказ осколенина Костентина Мацнева за ево Костентиною рукою 180-го году, и по их скаске за рукою Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом семдесят пять чети, да в Ублинском стану в селе Богатыреве сто чети.

№ 26

26. За Окимом Тихоновым сыном, да за Матвеем, да за Иваном, да за Евдакимом Обрамовыми детьми Конановыми,

(26 л.) что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Акимовым дедом, а за Матвеевым з братьями прадедом родным за Макимом Кондратьевым сыном Конановым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Ансимом дватцать пять чети, а за Матвеем з братьями дватцать пять же чети, по осми чети с третником за человеком. Да примерено сверх их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни

(26 л. об.) и Горосима — сто копен, за Онсимом пятьдесят копен, а за Матвеем з братьями пятьдесят же копен, по семнатцати копен без трети копны человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Бориса Протопопова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князь Федору Шахонскому 189-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану, за Онисимом в селе Стужне дватцать чети да в селе Бекетове дватцать чети, а за Матвеем з братьями в том же селе Бекетове дватцать чети.

№ 27

27. За Осипом да за Евлампием Емельяновыми

(27 л.) детьми Хлоповского, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их Онтоном Наумовым сыном Хлоповским в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логам, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной

(27 л. об.) с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью Василья Протопопова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князь Федору Шехонскому 189-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Солдацком пятьдесят чети, да в Ублинском стану в пустоши вверх по речке Убли десять чети, да в лесу шестьдесят чети.

№ 28

28. За Емельяном Акинфиевым сыном, да за Кузьмою Ивановым сыном, за Кузьмою ж да за Сафоном Пафомывыми детьми, за Иваном Кузьминым сыном, за Мироном Алексеевым сыном, за Емельяном да за Дементьем Моксимовыми детьми, за Павлом Устиновым сыном, за Петром, да за Савельем,

(28 л.) да за Романом, да за Степаном Гавриловыми детьми Дятловыми, Бунеевы они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Емельяновым дедом родным, а за Ивановым, да за Мионовым, да за Кузьминым, да за Сафоновым, да за Кузьминым же, да за Павловым прадедом родным, а за Емельяновым, да за Де-

ментьевым, да за Петровым з братьями прапрадедом за Андреем Бунеевым, Дятлов он же, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да за Емельяном же Акинфиевым сыном за одним, что написано по тем же Дозорным книгам за Ненашем

(28 л. об.) Григорьевым сыном Тетеевым пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да за Мироном Алексеевым сыном, да за Емельяном да за Дементьем Максимовыми детьми в том же селе Ездочные слободы, что написано по тем же Дозорным книгам за Савельем Дураковым, а на их пашни старые дачи добрые земли пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. И всего за ними, Емельяном Акинфиевым сыном с племянники и со внучаты, в том селе Ездочные слободы поместья пашни старые дачи добрые земли — сто пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх тех старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сто пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логам,

(29 л.) и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — триста копен, да на примерную землю триста ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писаны за ними те поместья по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяков Ивана Владычкина да Дмитрия Федорова 160-го да 185-го году и по их скаскам за руками старооскольцев Ивана Букина, да Василья Иванова, да Филата Фалеева, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану за Емельяном Акинфиевым сыном в селе Стужне пятьдесят чети, а за Петром з братьями на речке на Дорожне пятьдесят чети, да в селе Стужне семьдесят чети, да в селе Кузькине дват-

(29 л. об.) цать пять чети, а за Павлом в селе Стужне десять чети, а за Сафоном в селе Коровяеве сто чети, да за Сафоном же да за Кузьмою на речке на Дорожне пятьдесят чети.

№ 29

29. За Иваном Григорьевым сыном Ильиным, что написано по Дозорным кни-

гам Осипа Секерина 121-го году за Андросом Захарьевым сыном Малого, а во 189-ом году то Андросово поместье Малого дано ему Ивану в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж.

(30 л.) Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по Грамоте Великих Государей ис Помесного приказа за приписью дьяка Ивана Клементьева, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князь Федору Шахонскому 189-го году, и по ево скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ним же Иваном поместья в том же стану в селе Стужне сорок чети, да в селе Солдацком дватцать чети.

(30 л. об.) № 30

30. За Парфеном, да за Иваном «большим», да за Иваном «меньшим» Степановыми детьми Касицыными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их родным за Васильем Яковлевым сыном Косицыным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети, по семнатцати чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву по тоому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке по Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, по тритцати по три копны с третью копною человеку, да на

(31 л.) примерную землю сто ж копен. Лес Горней да лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 31

31. За Кондратьем Евсеевым сыном Кононовым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Онцыфором Яковлевым сыном Ревякиновым, а во 192-ом году то Анцыфорово поместье Ревякина дано ему Кондратью в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети. Сена

(31 л. об.) на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье с Отказных книг, отказ старооскольца Якова Стрельникова за рукою Михайла Кондаурова 192-го году, и по ево скаске за рукою Михайла ж Кондаурова, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 32

32. За Михайлом да за Иваном Григорьевыми детьми, да за Алексеем Горасимовым сыном Ченцовыми деда их Парфеново поместье Ченцова в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем

(32 л.) на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи – пятьдесят чети, по семнатцати чети бес третника за человеком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую их дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, по тритцати по три копны с третью копною человеку. Да за Михайлом да за Алексеем поместья в том же селе Ездочные слободы, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Игнатием Парфеньевым сыном Ченцовым, а во 188-ом году то Парфеньево поместье Ченцова справлено за ним Михайлом, а за Алексеевым отцом за Гарасимом Григорьевым сыном Ченцовым. А в нем на их жеребей пашни старые ж дачи

(32 л. об.) добрые земли – пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком, сена – сто ж копен. И всего за ними поместья в том же селе Ездочные слободы

пашни старые дачи добрые земли — сто чети в поль, а в дву потому ж, за Михайлом да за Алексеем по сороку по две чети бес третника за человеком, а за Иваном семнатцать чети бес третника. Сена на старые их дачи — двесте копен, Михайлу да Алексею по осмидесяти по три копны с третью копною человеку, а Ивану тритцать три копны с третью копною. Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сто чети в поль, а в дву потому ж. Сена на тое примерную землю двести ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по выписи

(33 л.) с Отказных книг, отказ осколена Якова Стрельникова 188-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану за Михайлом в селе Стужне четыре чети, а за Иваном пятьдесят четыре чети, а за Алексеем дватцать четыре чети.

№ 33

33. Иваном «большим» да за Иваном «меньшим» Афонасьевыми детьми, да за Григорьем Петровым сыном Стрельниковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году, Ивана «большого» да Ивана «меньшого» за дедом, а за Григорьевым прадедом за Афонасьем Яковлевым сыном Стрельниковым в том же

(33 л. об.) селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Иваном «большим» да за Иваном «меньшим» дватцать пять чети, по двенатцати чети с осминою за человеком, а за Григорьем дватцать пять же чети. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Иваном «большим» да за Иваном «меньшим» пятьдесят копен, по дватцати по пяти копен человеку, а за Григорьем

(34 л.) пятьдесят же копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою староо-

скольца Ильи Чечулина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 34

34. За Тимофеем, да за Яковом, да за Офонасьем Терентьевыми детьми, за Родионом да за Иваном Родионовыми детьми, за Яковом да за Мартином Матвеевыми детьми, за Иваном Костентиновым сыном Елизаровыми, а Гридины они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Третьяком Елизаровым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли —

(34 л. об.) пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Тимофеем, да за Яковом, да за Офонасьем Терентьевыми детьми семнатцать чети бес третника, а за Родионом да за Иваном Родионовыми детьми, да за Иваном Костентиновым сыном семнатцать же чети бес третника, а за Яковом да за Мартином семнатцать же чети бес третника. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье

(35 л.) по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день. Да за нми ж поместья в том же стану в селе Стужне дватцать чети.

№ 35

35. За Федором да за Яковом Минаевыми детьми, да за Васильем Евтифьевым сыном, да за Митрофаном Кузьминым сыном Веревкиными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Федором, да за Яковом, да за Митрофановым дедом, а за Васильевым прадедом родным за Максимом Тимофеевым сыном Веревкиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву

(35 л. об.) потому ж, за Федором, да за Яковом, да за Васильем дватцать пять чети, по осми чети с третником за человеком, а за Митрофаном дватцать пять же чети. Да

примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

(36 л.) № 36

36. За Яковом да за Поликарпом Трофимовыми детьми, да за племянники их за Федором да за Степаном Микитиными детьми, да за Иваном Порамоновым сыном Бурцовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Яковлевым да за Поликарповым дедом родным, а за Федоровым з братьями прадедом за Макаром Евдокимовым сыном Сальковым-Бурцовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли дватцать пять чети, да Васильевского поместья Чиненова дватцать пять чети. Всего — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, Якову да Поликарпу дватцать пять чети, по двенат-

(36 л. об.) цати чети с осминою, а Федору да Степану двенатцать же чети с осминою, а Ивану двенатцать же чети с осминою. Да за Яковом за одним поместья в том же селе Ездочные слободы, что отцу ево дано во 157-ом году по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева Васильево поместье Стрельникова пашни старые ж дачи дватцать две чети с полуторым четвериком. Всего за Яковом поместья пашни старые дачи добрые земли тритцать семь чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семдесят две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому

(37 л.) полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней

и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по Грамоте ис Помесного приказу за приписыми дьяков Мартемьяна Бредихина, Семена Струкова, Ивана Максимова, Ивана Рогозинина 157-го, да 187-го, да 188-го и 189-го годов, и по их полюбовной челобитной, и по их скаске за руками старооскольцев Ильи Чечюлина, Василья Иванова, Михайла Кондаурова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября во 2-ой день.

(37 л. об.) № 37

37. За Степаном Михайловым сыном, да за Петром Андросовым сыном, да за Тимофеем Агеевым сыном Бурцовыми, что написано по дозорным книгам Осипа Секерина 121-году за дедом их за Макаром Евдокимовым сыном Сальковым-Бурцовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж, по осми чети с третником за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю

(38 л.) меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима, пятьдесят копен, по семнатцати копен бес трети копны человеку, да на примерную землю пятьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной со всеми помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамотам ис Помесного приказу за приписыми дьяков Мартемьяна Бредихина, Семена Струкова, Ивана Максимова, Ивана Мацнева, Ивана Рогозинина 157-го, и 187-го, и 188-го, и 189-го году, и по полюбовной их заручной челобитной, и по скаске за руками старооскольцов Ильи Чечюлина, Ивана Букина, Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

(38 л. об.) Да за ними ж поместья в том же стану в селе Стужне за Петром пятьдесят чети, за Степаном дватцать чети, за Тимофеем пятьдесят чети.

№ 38

38. За Микитою Дементьевым сыном Гревцовым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Васильем Борковым сыном Комышникова, а

во 180-ом году то Васильево поместье Комышникова справлено за ним Микитою в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети. Сена

(39 л.) на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по Грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Семена Румянцова, какова прислана на Оскол к воеводе к Игнатью Коробьину во 180-ом году, и по ево скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 39

39. За Архипом Алексеевым сыном, да за племянники ево за Савельем, да за Карпом, да за Андреем Филиповыми детьми Колычевыми, что написано по Да-

(39 л.об.) зорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Селиваном Булгаковым сыном Гребенниковым, а во 189-ом году то Селиваново поместье Гребенникова дано ему Архипу, а Савельеву з братьями отцу Филипу Бурцову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Архипом дватцать пять чети, а за Савельем з братьями дватцать пять же чети, по осми чети с третником за человеком. Да примерено сверх их той старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом,

(40 л.) и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Архипом пятьдесят копен, а за Савельем з братьями пятьдесят же копен, по семнатцати копен бес трети копны за человеком, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, ка-

кову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместье в том же стану в селе Стужне десять чети.

№ 40

40. За Елизаром Ивановым сыном Дехтеревым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом ево за Лукою Васильевым сыном Дехтеревым в том же селе Ездо

(40 л. об.) чные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли пятьдесят в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной со всеми помещики вопче. Писано за ним то поместье по ево скаске за рукою старооскольца Ивана Протопопова, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

(41 л.) № 41

41. За Степаном да за Онисимом Васильевыми детьми Обрамовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Ефаном Обрамовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и пореке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на приме

(41 л. об.) рную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной со всеми помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Бекетове сорок чети.

№ 42

42. За Федотом да за Онисимом Федоровыми детьми, за Борисом, да за Оверкием, да за Иваном Афонасьевыми детьми, да за Иваном Калининым сыном Быковыми, да за Тимофеем Федоровым сыном Лустиним, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Иваном Борисовым сыном Вордомаевым

(42 л.) да за Молафеем Семеновым сыном Першиным, а во 176-ом году те поместья отданы Федотову да Онисимову отцу, а Оверкееву з братьями деду Федору Быкову, а Тимофееву отцу Федору Лустину в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли сто чети в поль, а в дву потому ж, Федоту, да Онисиму, да Ивану по двенадцати чети с осминою, а Борису з братьями двенадцать чети с осминою, всего пятьдесят чети, а Тимофею Лустину пятьдесят же чети. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сто ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — двести копен, Федоту з братьями и с племянники сто копен, а Тимофею

(42 л. об.) Лустину сто ж копен, да на примерную землю двести ж копен. Лес Горней и лес Ровной со всеми помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Степана Венецианова, какова прислана на Оскол х Кирилу Чаплыгину во 176-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 43

43. За Сергеем Григорьевым сыном, да за Леонтьем Федотовым сыном Юрьевыми, Зотины они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Сергеевым дедом, а за Леонтьевым прадедом родным за Петром Юрьевым сыном Зотиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да за ни-

(43 л.) ми ж Сергеева отца, а Леонтьева деда родного Григорьево поместье Юрьева,

что осталось за роздачею Дмитрея Плещеева у разных помещиков из порозжих жеребьев — Карпа Микифорова сына Захарова, да Олфера Дергилева, да Тимофея Агеева, да Елизара Чартовского, да Григорья Титова, да Тимофея Тулинова, всего изо шти жеребьев, в том же селе Ездочные слободы пашни на их жеребей дватцать три чети бес третника. Всего — семдесят три чети бес третника в поль, а в дву потому ж, да ис тех же жеребьев пашни одиннатцать чети с третником писано за Трофимом Игнатовым. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семьдесят три ж чети с третником в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому

(43 л. об.) Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто сорок пять копен с третью копною, по семидесяти по три копны бес трети копны человеку, да на примерную землю сто сорок пять же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Владыкина, какова прислана на Оскол к воеводе Федору Ловчикову по челобитию Сергеева отца, а Леонтьева деда Григорья Зотина да Данила Акинина 157-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 44

44. За Перфильем Петровым сыном Шестаковым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Меньшиком Епифановым сыном Комаревым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево

(44 л.) жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Да на примерную землю сена сто ж копен. Писано за ним то поместье по выписи с Отказных книг, отказ под-

полковника Григорья Спешнева за ево рукою 180-го году, и по ево скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову он подал во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 45

45. За Михайлом, да за Филимоном, да за Гаврилом, да за Семеном Марковыми детьми, да за племянники их за Семеном Ларионовым сыном,

(44 л. об.) да за Яковом Степановым сыном Сухими, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Михайлом з братьями дедом, а за Семеновым да за Яковлевым прадедом за Семеном Осиповым сыном Сухим в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по осми чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по семнатцати копен бес трети копны человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову

(45 л.) они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 46

46. За Юрьем, да за Филатом, да за Родионом, да за Самсоном, да за Мартином Володимировыми детьми Морылевыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дядею их за Савою Ермоловым сыном Морылевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей четыре двора помещиковых, пашни старой дачи добрые земли — пятьдесят чети, по десяти чети за человеком в поль, а в дву потому. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто

копен, по дватцати копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с поме-

(45 л. об.) щики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в пустоши диком поли на речке на Дорожне пятьдесят чети, да за Юрьем за одним поместья на той же речке Дорожне пятьдесят чети, а за Родионом да за Мартином в Ублинском стану в селе Роговом дватцать чети.

№ 47

47. За Харламом да за Мартином Кипреяновыми детьми, да за Павлом Акимовым сыном, да за Обросимом Яковлевым сыном Ильиными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Харламовым, да за Мартиновым, да за Павловым дедом, а за Обросимовым дядею за Филипом Сафоновым сыном Ильиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора

(46 л.) помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по двенатцати чети с осминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж, Харламом да Мартином, поместья в том же стану в селе Стужне дватцать чети, а за Павлом отца ево поместье в том же селе Стужне дватцать чети, а за Обросимом в селе Пятницом, Черкаская слобода тож, сто чети.

(46 л. об.) № 48

48. За Петром да за Григорьем Фомиными детьми Нафонаиловыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Петром Захаровым сыном Малого, а

по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году то Петрово поместье Малого написано за Федором Боклановым да за отцом их за Фомою Нафонаиловым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли дватцать две чети с полутором четвериком, по одиннатцати чети с третником бес пол-полчетверика за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две чети с полутором четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек

(47 л.) Стужни и Горосима — сорок четьи с четью и с полчетью копною, по дватцати по две копны с полчетью и пол-полчетью копною человеку, да на примерную землю сорок четьи с четью ж и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Филата Фалеева, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 49

49. За Степаном, да за Онофреем, да за Викулою, да за Харламом Тимофеевыми детьми Тулиновыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Родионом Сидоровым сыном Тулиновым, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году то деда их поместье написано за отцом их за Тимофеем Тулиновым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые

(47 л. об.) земли — дватцать две чети с полутором четвериком, по пяти чети с осминою и полчетвериком за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две чети с полутором четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима сорок четьи с четью и с полчетью копною, по двенатцати копен с полчетью копною человеку, да на пример-

ную землю сорок четьи с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за ними ж поместья в Ублинском стану в селе Котове семдесят чети, да за Степаном

(48 л.) за одним под Котельским лесом тритцать чети.

№ 50

50. За Трофимом Остафьевым сыном Игнатовым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Родионом Сидоровым сыном Тулиновым, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году ис того Родионова поместья Тулинова написано за Григорьем Бреевым, Зотин он же в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж. Да за ним же Трофимом поместья в том же селе Ездочные слободы, что дано Григорью ж Брееву, что осталось за роздачею Дмитрея Плещеева у разных помещиков из порозжих жеребьев Карпа Захарова, да Онофрея Дергилева, да Тимофея Агеева, да Елизара Чартовского, да Григорья Титова, да Тимофея Тулинова пашни одиннатцать четь с трет

(48 л. об.) ником. Всего за ним поместья старые дачи — тритцать шесть чети с третником в поль, а в дву потому ж, да ис пустых жеребьев пашни дватцать три чети с третником писано за Сергеем Бреевым з братьями, Зотин он же, и с племянники. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля тритцать шесть же чети с третником в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — семьдесят три копны бес третни копны, да на примерную землю семьдесят три ж бес трети копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по выписи с Отказных книг, отказ Федора Стрельникова 199-го году, и по ево скаске за рукою Ильи Чечюлина, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за ним же поместья в том же стану в селе

(49 л.) Роговом дватцать чети.

№ 51

51. За Никаном, да за Милентьем, да за Викулою Михайловыми детьми, за Федором, да за Алексеем, да за Микитою Лукьяновыми детьми, да за Трофимом Мартиновым сыном Тулиновыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Никановым, да за Милентьевым, да за Викульиным дедом, а за Федором з братьями прадедом родным за Прохором Ивановым сыном Тулиновым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, за Никаном, да за Мелентьем, да за Викулою, да за Трофимом по десяти чети, а за Федором, да за Алексеем, да за Микитою десять чети, по три чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено

(49 л. об.) сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Никоном з братьями и племянником по дватцати копен, а за Федором з братьями дватцать же копен, по семи копен бес трети копны за человеком, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Папова, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Сакавом дватцать чети, да за Мелентьем за одним в том же селе Сакавом дватцать пять чети.

(50 л.) № 52

52. За Гарасимом Потаповым сыном, да за Яковом Петровым сыном Докудовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Иваном Семеновым сыном Аношиным, а во 189-ом году то Иваново поместье Аношина дано Гарасимову отцу, а Яковлеву деду родному Патапу Мартинову сыну Докудову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на

их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен,

(50 л. об.) по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Поместного приказа за приписью дьяка Степана Венедиктова, какова прислана на Оскол к Федору Лупандину 184-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 26-ой день.

№ 53

53. За Игнатьем Улановым сыном, да за Иваном Голахтионовым сыном, да за Петром Ивановым сыном, да за Иваном Игнатовым сыном Лихачовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Игнатовым да за Ивановым дедом родным, а за Петровым да за Ивановым прадедом за Третьяком Макаро-

(51 л.) вым сыном Лихачевым, а во 187-ом году то Третьяково поместье Лихачова дано им Петру и Ивану Игнатову сыну в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли девяносто чети в поль, а в дву потому ж. За Игнатом Улановым сыном, да за Иваном Галахтионовым сыном деда их Галахтионово поместье Лихачова пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком. А за Петром Ивановым сыном да за Иваном Игнатовым сыном прадеда их Третьякова поместье Лихачова сорок чети, по дватцати чети за человеком. Да того ж Третьякова поместья Лихачова десять чети писано за Агеем Кочатовым. Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля девяносто чети в поль,

(51 л. об.) а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто восемьдесят

копен, за Игнатом Лукьяновым сыном да за Иваном Голохтионовым сыном — сто копен, по пятидесяти копен за человеком, а за Петром Ивановым сыном да за Иваном Игнатовым сыном восемьдесят копен, по сороку копен за человеком. Да на примерную землю сто восемьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте Великих Государей ис Помесного приказа за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Гаврилу Кисленскому 197-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 27-ой день.

(52 л.) Да за Иваном же поместья в том же стану в селе Стужне дватцать чети, а за Игнатом в селе Солдацком тритцать чети да в селе Стужне сорок чети.

№ 54

54. За Алексеем, да за Изотом, да за Карпом, да за Петром, да за Дорофеем Яковлевыми детьми Фроловыми, Холхуновы они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Фролом Ивановым сыном Холхуновым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые — дачи — десять чети, по две чети за человеком в поле, а в дву потому ж. Да того ж прадеда их Фролово поместья Холхунова сорок чети писано за Федором Стрельниковым. Да за Алексеем за одним поместья, что написано по тем же Дозорным книгам за Пимином Чер-

(52 л. об.) товским, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева то Пиминово поместье Чертовского написано за братом иво за Елизаром Чертовским, а во 199-ом году то Елизарово поместье Чертовского дано ему Алексею. А на иво жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи дватцать две чети с полуторым четвериком. И всего за Алексеем Фроловым поместья пашни старые дачи добрые земли дватцать четыре чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать четыре ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому

Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима —

(53 л.) шестьдесят четыре копны с четью и с получетью копною, Алексею сорок восемь копен с четью и с получетью копною, а Изоту, да Карпу, да Петру, да Дорофею по осми копны человеку, да на примерную землю шестьдесят четыре копны с четью и с получетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказа за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Степану Юшкову 191-го году, и по их скаске и полюбовной их заручной челобитной с Федором Стрельниковым за руками иво Федора Стрельникова да Михайла Кондаурова, какову они подали, скаску и челобитную в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Бекетове восемьдесят чети, да за Алексеем, да за Карпом поместья

(53 л. об) в том же селе Бекетове пятьдесят чети, за Алексеем за одним в селе Богатыреве дватцать чети.

№ 55

55. Старооскольские съезжие избы за подъячим за Федором да за недоросли за Ларионом да за Григорьем Федоровыми детьми Стрельниковыми, что написано по дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Фролом Ивановым сыном Холхуновым, а во 158-ом году то Фролово поместье Холхунова дано отцу их Федору Стрельникову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли на их Федоров жеребей з братьями — сорок чети, по тринадцати чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж Фролова поместья Холхунова десять

(54 л.) чети писано за Алексеем Фроловым з братьями. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сорок же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — возмьдесят копен, по дватцати по шти копен человеку, да на примерную землю возмьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Пи-

сано за ними то поместье по выписи с Отказных книг, отказ старооскольца осадного головы Федора Онаньевского 158-го году, и по их скаске за ево Федоровою рукою, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за Федором за одним поместьем в Ублинском стану в селе Нижних Апочках сорок чети.

(54 л.об) № 56

56. За Микитою Федоровым сыном да за племянником ево за Борисом Левонтьевым сыном Долженковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Ефанком Артемьевым сыном Долженковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима —

(55 л.) сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 27-ой день.

№ 57

57. За Харламом да за Федором Автомоновыми детьми, да за Автамоном Кузьминым сыном, да за Степаном Обакумовым сыном Помельниковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Харламовым да за Федоровым дедом, а за Автамоновым да за Степановым прадедом за Артемьем Ивановым сыном Помельниковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи

(55 л. об.) добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, по двендцати чети с осминою за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву по-

тому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 27-ой день.

Да за Степаном за одним поместьем в том же стану в селе Верхних Опочках дватцать пять чети, а за Харла-

(56 л.) мом в селе Салдацком тритцать чети.

№ 58

58. За Федотом Агеевым сыном, да за Парфеньем Олпатовым сыном Косаровыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Федотом Афонасьевым сыном Косаровым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек

(56 л. об.) Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Филата Фатеева, какову они подали во 199-ом году августа в 27-ой день.

№ 59

59. За Микитою, да за Михайлом, да за Ильею Михайловыми детьми Чечюлиными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Тимоном Чечюлиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли дватцать пять чети. Да за ними ж поместья в том же селе Ездочные слободы, что написано по роздаточным книгам воеводы Дмитрия Плещеева 153-го году за Алексеем Прохо-

(57 л.) ровым сыном Тулиновым, а во

187-ом году то Алексеево поместье Тулинова дано деду их Михайлу Чечюлину. А в нем на их жеребей пашни дватцать две чети с полуторым четвериком. И всего за ними поместья в том селе Ездочные слободы пашни — сорок семь чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж, по шеснатцати чети бес третника за человеком. Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сорок семь же чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима девяносто четыре копны с четью и с получетью копною, по тритцати по одной копны с третью копною человеку, да на примерную землю девяносто четыре ж

(57 л. об.) копны с четью и с получетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Мартемьяна Бредихина, какова прислана на Оскол к воеводе к Федору Ловчикову 157-го году, и по их скаске за рукою брата их Ильи Чечюлина, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 2-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом — пятьдесят чети.

№ 60

60. За Аникием Елистратовым сыном Гусевым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом иво за Иваном, а прозвище «Малик», Самойловым сыном Гусевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли —

(58 л.) пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той иво старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по иво скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году августа в 27-ой день.

№ 61

61. За Михайлом Осиповым сыном Зуниным, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Дорофеем Ивановым сыном Пучковым, а во 186-ом году то Дорофеево поместье Пучкова справлено за ним Михайлом в том же

(58 л. об.) селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на иво жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той иво старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по сыскным речам той же села помещиков Максима Захарова с товарищи за рукою Покровского попа Ивана 186-го году, и по иво Михайлево скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

(59 л.) № 62

62. За Кузьмою Минаевым сыном да за ево родными племянники за Дементьем Лукьяновым сыном, да за Титом да за Иваном Ивановыми детьми, да за внуком иво за Кузьмою Акимовым сыном Фаустовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дядею ево Кузьминым за Савою Левонтьевым сыном Величковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по десяти чети за человеком. Да за ними ж Кузьмою с племянники и со внуком поместья по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году в том же селе Ездочные слободы Филиповское поместье Лихушина датцать две чети с полуторым чет-

(59 л. об.) вериком. Всего за ними в том селе Ездочные слободы пашни старые дачи — семьдесят две чети с полуторым четвериком, по четырнатцати чети с осминою бес получетверика за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семьдесят две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому

ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по дватцати по девяти копен бес полчети копны. Да на примерную землю сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче.

(60 л.) Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Хрипкова, какова прислана на Оскол к воеводе к Ивану Языкову 160-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 27-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Репце пятьдесят чети.

№ 63

63. За Микитою Нефедьевым сыном, да за Сафроном, да за Иваном, да за Тимофеем Федоровыми детьми Устиновыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Микитиным дедом, а за Сафроновым з братьями прадедом за Иваном Устиновым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи доб-

(60 л. об.) рые земли — пятьдесят чети, за Микитою дватцать пять чети, а за Сафроном з братьями дватцать пять же чети, по осми чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да за Микитою за одним поместья в том же селе Ездочные слободы, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за отцом иво за Нефедом Устиновым, пашни старые дачи дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семьдесят две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, за

(61 л.) Микитою девяносто четыре копны с четью и с полчетью копною, а за Софроном з братьями по семнатцати копен бес трети копны, да на примерную землю сто сорок четыре копны с четью и с полчетью

копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по из скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за Фролом же Устиновым з братьями в том же стану в селе Стужне дватцать чети.

№ 64

64. За Сергеем, да за Степаном, да за Федотом Григорьевыми детьми, да за Пафомом Устиновым сыном, да за Устином Даниловым сыном, за Максимом, да за Тимофеем, да за Сафоном, да за Иваном Михайловыми

(61 л. об.) детьми, за Прокофьем, да за Терентьем, да за Юрьем Федоровыми детьми Моклаковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их родным за Григорьем Дмитриевым сыном Моклаковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей шесть дворов помещиковых, пашни старые ж дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, Сергею, да Степану, да Федору, да Похому дватцать пять чети, по шти чети с полуосминою, а за Устином Даниловым сыном восемь чети с третником, а за Моксимом, да за Тимофеем, да за Софоном, да за Иваном восемь же чети с третником, по две чети с пол-пол-полтретником, а за Прокофьем, да за Терентьем, да за Юрьем

(62 л.) восемь же чети с третником. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они послали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья за Устином, да за Максимом, да за Трофимом, да за Терентьем, да за Юрьем, да за Софоном, да за Иваном, да за Тимофеем в селе Репце пятьдесят чети. Да за Софоном за одним в селе Стужне дватцать чети.

(62 л. об.) № 65

65. За Максимом Родионовым сыном Захаровым, что написано по Дозорным кни-

гам Осипа Секерина 121-го году за Аристом Сысоевым сыном Скоробогатовым, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году то поместье написано за Степаном Шумаковым, и во 157-ом году то Степаново поместье Шумакова дано в поместье отцу иво Максиму Родиону Ларионову сыну Захарову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на иво жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж, да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать пять же чети в поль, а в дву потому ж.. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Боль-

(63 л.) шому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — пятьдесят копен, да на примерную землю пятьдесят ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Мартемьяна Бредихина, какова дана отцу иво Максиму Родиону Ларионову сыну Захарову, да Тимофею Бакланову, да Трофиму Бурцову во 157-ом году, и по иво скаске за рукою Михайла Кондаурова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за ним же поместья в том же стану в селе Стужне дватцать чети, да в селе Репце шездесят чети.

№ 66

66. За Иваном Лукьяновым сыном Боклановым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Аристом Скоробогатовым, а по раздаточным книгам Дмитрея

(63 л. об.) Плещеева 153-го году за Миниею Грязевым, а во 180-ом году то Минино поместье Грязева дано деду ево Ивану Лукьянову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на иво жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — восемь чети с третником в поль, а в дву потому ж. Да того ж деда иво поместья семнатцать чети бес третника писано за дядею иво за Яковом Боклановым с племянники. Да за ним Иваном в том же селе Ездочные слободы отца иво поместья, что отцу иво дано по раздаточным книгам воеводы Дмитрея Плещеева 153-го году Петрово поместье Захарова сына Малого дват-

цать две чети с полуторым четвериком. Всего за ним в том же селе Ездочные слободы пашни старые дачи — тритцать чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той иво старой дачи в той же округе по конец

(64 л.) поль лишние земли дикого поля тритцать же чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — шездесят одна копна, да на примерную землю шездесят одна ж копна. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по иво скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ним же поместья в том же стану в селе Репце шеснатцать чети с осминою.

№ 67

67. За Иваном Фалеевым сыном, да за Денисом Гарасимовым сыном, да за Киреем Родионовым сыном Кошкарковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Се-

(64 л. об.) керина 121-го году за дедом их за Иваном Алексеевым сыном Кошкарковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по осемнатцать чети бес третника за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по тритцати по три копны с третью копною человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана

(65 л.) Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 68

68. За Костентином да за Гарасимом Григорьевыми детьми Михалищевыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Иваном Тимофеевым сыном Михалищевым, Дворяшин он же, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей

место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам,

(65 л. об.) и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен за человеком, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказа за приписью дьяка Дмитрия Федорова, какова прислана на Оскол к Харитону Арнаутову во 186-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за Костентином за одним же поместьем в том же стану в деревне Бекетове сорок пять чети.

№ 69

69. За Агеем Денисовым сыном Кочетовым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году

(66 л.) за дедом ево за Лукьяном Сазоновым сыном Кочетовым, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да за ним же Агеем поместья в том же селе Ездочные слободы, что ему дано вдовино Авдотьино Васильевской жены Лихачова прожиточное поместье, а вдове дано по тем же Дозорным книгам ис Третьякова поместья Лихачова, в нем на ево жеребей пашни старые дачи десять чети. И всего за Агеем Кочетовым поместья в том же селе Ездочные слободы — шездесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх тех ево старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля шездесят же чети в поль, а в дву

(66 л. об.) потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто дватцать копен, да на примерную землю сто дватцать же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по вы-

писи с Отказных книг, отказ старооскольца Кузьмы Крыгина за ево Кузьминою рукою 172-го году, и по ево скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову он подал во 199-ом году августа в 28 день.

Да за Агеем же Кочетовым поместья в том же стану в селе Стужне сорок чети.

№ 70

70. За Федором да за Игнатием, за Онтоном да за Степаном Терентьевыми детьми Гревцовыми, что на-

(67 л.) писано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Семеном Карповым сыном Шопиным, а во 170-ом году то Семеново поместье Шопина справлено за отцом их за Терентием Елистратовым сыном Гревцовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей четыре двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по двенатцати чети с осминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни

(67 л. об.) и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказа за приписью дьяка Андреана Ансимова 170-го году, и по их скаске за рукою Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Бекетове дватцать чети. Да за Федором за одним в селе Бекетове дватцать чети.

№ 71

71. За Артемьем Киреевым сыном, да за Филатом Григорьевым сыном Бочаровыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Васильем Ивановым

(68 л.) сыном Ченцовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать чети, по десяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж Васильева поместья Ченцова тритцать чети писано за Макаром

да за Иваном Часнаковыми. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок копен, по дватцати копен человеку, да на примерную землю сорок же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Андреяна Яковлева, какова прислана на Оскол к Парфенью Болотникову во 172-ом году,

(68 л. об.) и по их скаске за рукою Михайла Кондаурова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Бекетове сорок чети.

№ 72

72. За Макаром Степановым сыном, за Иваном да за Васильем Исаевыми детьми Часнаковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Васильем Ивановым сыном Ченцовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — тритцать чети, по десяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж Васильева поместья Ченцова дватцать чети писано за Артемьем да за Филатом Бочаровыми. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля тритцать чети в поль, а в дву потому ж.

(69 л.) Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — шездесят копен, по дватцати копен человеку, да на примерную землю шездесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Андреяна Яковлева, какова прислана на Оскол к Парфенью Болотникову во 172-ом году, и по их скаске и по скаске ж Артемья да Филата Бочаровых за рукою Михайла Кондаурова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Солдацком сто чети.

№ 73

73. За Микитою Марковым сыном, да за Порамоном Васильевым сыном, да за Ильею да за Васильем Агафоновыми детьми Быковыми,

(69 л. об.) что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Микитиным отцом, а за Порамоновым, да за Ильиным, да за Васильевым дедом за Маркою Антроповым сыном Быковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, по двенатцати чети с осминою за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то

(70 л.) поместье по Грамоте Великих Государей ис Помесного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к воеводе к Степану Юшкову во 192-ом году, и по их скаске за рукою Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Стужне за Парамоном сорок чети, а за Ильею да за Васильем шездесят чети.

№ 74

74. За Иваном Анкидиновым сыном, да за Максимом Денисовым сыном Демиными; за Тимофеем, да за Григорьем, да за Понкротом Григорьевыми детьми, да за Михайлом Степановым сыном Боклановыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Иваном Пахомовым сыном Деминым в том же селе Ездочной слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора

(70 л. об.) помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Иваном да за Максимом Демиными дватцать пять чети, по двенатцати чети с осминою, а за Тимофеем, да за Григорьем, да за Понкротом, да за Михайлом Боклановыми дватцать пять же чети, по шти чети с полуосминою за че-

ловеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Иваном да за Максимом Демиными пятьдесят копен, по дватцати по пяти копен за человеком, а за Тимофеем з братьями пятьдесят же копен, по двенатцати копен с полукопною за человеком, да на примерную землю сто ж копен.

(71 л.) Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамотам Великих Государей ис Помесного приказу за приписьми дьяков Степана Венедиктова да Исаея Лапина, каковы присланы на Оскол к воеводе к Федору Лупандину во 172-ем году да к Гаврилу Кисленскому во 196-ом году, и по их скаскам и по любовной заручной челобитной за руками старооскольцов Ивана Панина да Михайла Кондаурова, каковы они скаски и заручную челобитную подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за ними поместья в том же стану в селе Стужне за Тимофеем Боклановым з братьями дватцать чети, а за Григорьем пятьдесят чети.

№ 75

75. За Ларионом да за Лукьяном Давыдовыми детьми Колюпановыми, да за

(71 л. об.) Иваном да за Калиною Федоровыми детьми Гранкиными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Ларионовым да за Лукьяновым прадедом за Иваном Булгаковым сыном Колюпановым, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году ис того Иванова поместья Колюпанова половина написано за отцом их за Федором Григорьевым сыном Гранкиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по двенатцати чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну

(72 л.) сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен за человеком, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом, да под Быковым лесом десять чети, да за Ларионом же за одним в том же селе Роговом дватцать чети, а за Иваном да за Колиною в том же селе пятьдесят чети.

№ 76

76. За Емельяном, да за Иваном, да за Нефедом, да за Филипом Леонтьевыми детьми, да за Захаром Игнатовым сыном Быковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом их за Иваном Филимоновым

(72 л. об.) сыном Быковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Захаром дватцать пять чети, а за Семеном з братьями дватцать пять же чети, по шти чети с полуосминою за человеком. Да примерено сверх их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Захаром пятьдесят копен, а за Семеном з братьями пятьдесят же копен, по семнатцати копен бес трети копны за человеком, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес

(73 л.) Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за Захаром за одним поместья в том же стану в селе Стужне дватцать чети.

№ 77

77. За Михайлом, да за Кондратьем, да за Григорьем Моксимовыми детьми, за Семеном Сафоновым сыном, да за Яковом, да за Семеном же, да за Алексеем, да за Федором, да за Савельем Самойловыми детьми Кузнецовыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го

году за Смирным Князищевым, а во 162-ом то Смирного поместья Князищева дано Михайлову з братьями отцу, а Семенову з братьями деду родному Максиму Кузнецову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их

(73 л. об.) жеребей четыре двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да за Григорьем Максимовым сыном, да за Семеном Сафоновым сыном Кузнецовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Борисом Даниловым сыном Пузиковым, а во 189-ом году то Борисово поместье Пузикова дано ему Григорью да Семенову отцу Сафону Кузнецовым в том же селе Ездочные слободы. А в нем на их жеребей пашни старые дачи пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля семдесят две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю

(74 л.) меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сто сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по выписи с Отказных книг, отказ Савостьяна Токмачева за рукою Василья Иванова 189-го году, и по их скаске за рукою Василья ж Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в деревне Роговой пятьдесят чети, да в селе Солдацком сто дватцать чети.

№ 78

78. За Иваном да за Борисом Васильевыми детьми, да за Викулом Емельяновым сыном Дораховыми, что написано по Дазорным

(74 л. об.) книгам Осипа Секерина 121-го году за Васильем Фатеевым сыном Мишиным, а по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году ис того Васильева поместья Мишина дано Иванову да Борисаву отцу, а Викулину деду Василью Карпову сыну Дорахову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их же-

ребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж, по семи чети с осминою бес пол-полчетверика. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима —

(75 л.) сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по пятнатцати копен бес полчети копны человеку, да на примерную землю сорок четыре копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте Великих Государей ис Помесного приказа за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Степану Юшкову 192-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Солдацком сто чети.

№ 79

79. За Иваном, да за Титом, да за Александром Ивановыми детьми, да за Зиновьем Евпатовым сыном, да за Фомою Трофимовым сыном Хайминовыми, что написано по Дозорным книгам

(75 л. об.) Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Онаньею Исаевым сыном прозвище Хайминовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей пять дворов помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по десяти чети за человеком в поле, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горний и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою

(76 л.) старооскольца Ивана Попова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 80

80. За Васильем Семеновым сыном, да за Гарасимом, да за Нефедом, да за Павлом, да за Леонтьем Киреевыми детьми, да за вдовою Мариною Петровой дочерью да за детьми ее за Иваном «большим» да за Иваном «меньшим» Венедиктовыми детьми Толмачовыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Булгаком Уколовым сыном Мачихиным, а во 187-ом году то поместье дано Васильеву отца Семёну, а Гарасимову отцу Кирею Толмачевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Васильем дватцать чети, а за Гарасимом

(76 л. об.) з братьями пятнатцать чети, по четыре чети бес полуосмины за человеком, а за вдовою Мариною з детьми пятнатцать же чети, по пяти чети за человеком в поль, а в дву потму ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, Василью сорок копен, а Гаврилу з братьями тритцать копен, по семи копен с четью копною, а вдове Марине з детьми тритцать же копен, по десяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за при-

(77 л.) писью дьяка Ивана Максимова, какова прислана на Оскол к воеводе к Семёну Колюбакину 187-го году, и по полюбовной их заручной челобитной и скаске за руками старооскольцов Ивана Протопопова, Михайла Кондаурова, Ильи Чечюлина да Василья Иванова, какову они челобитную и скаску подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за Гарасимом Толмачевым з братьями поместья в том же стану в деревне Бекетовой сорок чети.

№ 81

81. За Игнатом Терентьевым сыном Паниным, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за дедом ево родным за Андреем Ивановым сыном Па-

ниным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор

(77 л. об.) помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Семёна Карева, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князь Федору Шехонскому во 189-ом году, и по ево скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

(78 л.) Да за ним же в том же стану на реке на Осколе сто сорок чети.

№ 82

82. За Гаврилом, да за Иваном, да за Тимофеем Агеевыми детьми, да за племянником их Степаном Ивановым сыном Щетиниными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Гавриловым з братьями дедом, а за Степановым прадедом родным за Насоном Деевым сыном Щетининым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по двенатцати чети с осминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по ко-

(78 л. об.) нец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по дватцати по пяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день. Да за ними ж отца их поместье в том же стану в селе Стужне дватцать чети.

№ 83

83. За Васильем Игнатьевым сыном да за сыном ево за Федором Акини-

(79 л.) ными, что написано по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за Иваном Долматовым, а во 190-ом году то поместье дано им Василью и Федору в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да за Васильем за одним поместьем в том же селе Ездочные слободы, что написано по тем же Дозорным книгам за дядею ево за Кузьмою Мартиновым. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые ж дачи двенатцать чети с осминою. Всего за ними поместья в том же селе Ездочные слободы пашни старые дачи — шездесят две чети с осминою в поль, а в дву

(79 л. об.) потому ж, за Васильем тритцать семь чети с осминою, а за Федором дватцать пять чети. Да того ж Кузьмина поместья Мартинова тритцать семь чети с осминою писано за внучаты ево за Петром Акининым з братьями и с племянники. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля шездесят две чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Сена на старые их дачи меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто дватцать пять копен, да на примерную землю сто дватцать пять же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по вы-

(80 л.) писи с Отказных книг, отказ Петра Андреева 190-го году за ево Петровою рукою, и по их скаске за рукою Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 84

84. За Нефедом Фоминым сыном, за Филипом, да за Кузьмою, да за Тиханом Андреевыми детьми Акиниными, что написано по Дозорным книгам Осипа Скерина 121-го году за Нефедовым дедом, а за Филиповым з братьями прадедом родным за Кузьмою Мартиновым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — двенатцать чети с осминою,

за Нефедом шесть чети с полуосминою, а за Филипом з братьями шесть же чети с полуосминою, по две чети

(80 л. об.) с пол-полтретником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж Кузьмина поместья Мартинова тритцать семь чети с осминою писано за Васильем Акининым с племянники. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля двенатцать чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — дватцать пять копен, да на примерную землю дватцать пять же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

(81 л.) № 85

85. За Петром, да за Устином, да за Васильем Даниловыми детьми, да за Григорьем Филиповым сыном Акиниными, что написано по Дозорным книгам Осипа Скерина 121-го году за Петровым, да за Устиновым, да за Васильевым дедом, а за Григорьевым прадедом за Кузьмою Мартиновым прозвище Акинин в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети, по шти чети с полуосминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да того ж Кузьмина поместья Мартинова дватцать пять чети писано за Васильем Акининым. Да за ними ж Петрова з братьями отца, а Григорьева деда родного Данилово поместье Акинина, что ему

(81 л. об.) дано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году в том же селе Ездочные слободы. А в нем на их жеребей пашни дватцать две чети с полуторым четвериком. Да что отцу их Петрову з братьями, а Григорьеву деду Данилу ж Акинину дано, что осталось за раздачею Дмитрея ж Плещеева ис за шти жеребьев Усерских сведенцов Нефеда Кононова, Меркула Чартовского, Макара Милаева, Якова Косарова, Микиты Перского, Данилы Бокланова в том же селе Ездочные слободы пашни тритцать четыре чети. Всего за ними поместья в селе Ездочные слободы пашни старые дачи — восьмьдесят одна чети с полуторым четве-

риком, по дватцати чети с полуосминою и с получетвериком за человеком в поль, а в дву потому ж.

(82 л.) Да примерено сверх тех их старых дач в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля восемьдесят одна четъ с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старые их дачи меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто шездесят две копны с четью и с полчетью копною, по сороку копен с полукопною и с полчетью копною человеку, да на примерную землю сто шездесят две ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писаны за ними те поместья по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Иоана Владычкина,

(82 л. об.) какова прислана на Оскол к воеводе к Федору Ловчикову по челобитью Григорья Петрова сына Юрьева, да ево Петрова з братьями отца Данила Акинфиева сына Акинина 153-го году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом пятьдесят чети, да под Быковым лесом сто восемь чети, да в селе Пятницком двесте чети, в селе Бекетове сто дватцать чети.

№ 86

86. За Борисом да за Иваном Агеевыми детьми Белобрагиными, что написано по Дозорным книгам

(83 л.) Осипа Секерина 121-го году за дедом их за Иваном Федоровым сыном Белобрагиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную

(83 л. об.) землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними те поместья по их скаске за

рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 87

87. За Иваном Григорьевым сыном Грецовым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за прадедом ево за Тимофеем Захаровым сыном Грецовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого

(84 л.) поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по иво скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ним же поместья в том же стану в селе Короваеве сто чети, да дикого поля на речке на Дорожне да в селе Стужне пятьдесят пять чети.

№ 88

88. За Иваном да за Елистратом Исаевыми детьми, за Васильем, да за Совостьяном, да за Трофимом, да за Федором Степановыми детьми Гребенниковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа

(84 л. об.) Секерина 121-го году за дедом их за Семеном Левонтьевым сыном Гребенниковым в том же селе Ездочной слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей три двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли – пятьдесят чети, за Иваном да за Елистратом дватцать пять чети, по двенатцати чети с осминою, а за Васильем з братьями дватцать пять же чети, по шти чети с полуосминою за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима – сто копен,

(85 л.) Ивану да Елистрату пятьдесят копен, по дватцати по пяти копен человеку, а Василью, да Совостьяну, да Трофиму, да Федору пятьдесят же копен, по шеснатцати копен человеку, да на примерную землю сто копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ними ж, Савостьяном з братьями, в том же стану в селе Стужне отца их поместье сорок чети.

№ 89

89. За Карпом Матвеевым сыном Замочниковым, да за Иваном Емельяновым сыном Дятловым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за Тихоном Ивановым сыном

(85 л. об.) Лебедевым, а во 189-ом году то Тихоново поместье Лебедева справлено за ними Карпом Замочниковым и за Иваном Дятловым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на Карпов жеребей место дворовое, а на Иванов жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней

(86 л.) и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Клементьева 189-го году и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 90

90. За Федором Васильевым сыном, да за Иваном Даниловым сыном Пойминовыми, а Исаевы они ж, что написано по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за дедом их за Микитою Исаевым, а во 161-ом году то деда их Микитино поместье Пойминова справлено за отцом ево Федоровым за Васильем Пойминовым в том же селе Ез-

дочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Федором трит-

(86 л. об.) цать чети, а за Иваном дватцать чети. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Федором шездесят копен, а за Иваном сорок копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Хрипкова, какова прислана на Оскол к воеводе к Ивану Языкову во 161-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

(87 л.) № 91

91. За Иваном Никитиным сыном Букиным, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Мелехом Парфеньевым сыном Ченцовым, а во 186-ом году то Мелехово поместье Ченцова дано ему Ивану в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети в поль, а в дву потому ж. А другая половина того ж Мелеховского поместья Ченцова дватцать пять же чети писано за Степаном Фоминым сыном Беликовым. Да за ним же Иваном Букиным да за детьми иво за Иваном да за Михайлом Букиными поместья того ж села Ездочные слободы по конец поль против Черкасского мыску, что на реке на Горосиме, что им отказано во 195-ом году в той же округе из дикого поля. А на их жеребей пашни восемьдесят чети, Ивану Никитину сыну да сыну иво Ивану по тритцати чети человеку, а Михайлу дватцать чети в поль, а в дву пото-

(87 л. об.) му ж. Сена меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто шездесят копен. Всего за Иваном Букиным и за детьми иво за Иваном да за Михайлом пашни старыя и новыя дачи —

сто пять чети, за Иваном Никитиным сыном пятьдесят пять чети, а за детьми иво за Иваном тридцать чети, а за Михайлом дватцать чети в поль, а в дву потому ж. Сена — двесте десять копен, Ивану Никитину сыну сто десять копен, а детям иво Ивану шездесят копен, а Михайлу пятьдесят копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писаны за ними те поместья по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Дмитрея Федорова, какова прислана на Оскол к воеводе к Харитону Арнаутову во 186-ом году по челобитию Ивана Никитина сына Букина да Якова Иванова сына Бокланова, да по выписи с Отказных книг, отказ старооскольца Ивана

(88 л.) Попова 195-го году, и по ево Иванове скаске за иво рукою, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

Да за ним же Иваном поместья в том же стану в селе Короваеве, Горосим тож — сто чети, да в селе Сторожевом за речкою Опочкою восемьдесят шесть чети, да на Крещенки на Оброчном колодезе по обе стороны семьдесят чети, да подгорной земли три чети, да в селе Роговом около старых роговых дач тридцать чети, да в селе Бекетове дватцать чети, в селе Стужне пятьдесят чети.

№ 92

92. За Степаном Фоминым сыном Белековым, что написано по Дозорным книгам Осипа Секерина 121-го году за Мелехом Парфеньевым сыном Ченцовым, а во 186-ом году то Мелехово поместье Ченцова дано Ивану Букину, а Иван Букин ис того поместья половину променил ему Степану в том же селе Ездочные слободы

(88 л. об.) на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать пять чети. Да примерено сверх той иво старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать пять же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одной стороне речек Стужни и Горосима — пятьдесят копен, да на примерную землю пятьдесят же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по допросу старооскольца Ивана Букина за рукою стольника и воеводы князя Василья Вяземского и за ево Ивановою рукою, и по иво скаске за иво ж Ивановою рукою, какову он Степан подал

в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день

Да за ним же Степаном поместья в том же стану в деревне Бекетове дватцать чети, да в селе Стужне дватцать чети.

(89 л.) № 93

93. За Дмитрием Семеновым сыном, да за Тихоном Савельевым сыном Чечюлиными; за Павлом Дмитриевым сыном, да за Карпом да за Калиною Ивановыми детьми Устиновыми, что написно по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за Дмитриевым да за Тихоновым дедом за Перфильем Петровым сыном Чечюлиным, а во 158-ом году то Перфильино поместье Чечюлина дано им Дмитрию и Тихону, Павлу, да Карпу, да Калине Устиновым в том же селе Ездочной слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж, за Дмитрием да за Тихоном десять чети, по пяти чети человеку, а за Павлом, да за Карпом, да за Калиною сорок чети, по тринадцати чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец

(89 л. об.) поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Дмитрием да за Тихоном дватцать копен, а за Павлом з братьями восемьдесят копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяков Мартемьяна Бредихина, Дмитрея Федорова 153-го и 186-го году и по их полюбовной заручной челобитной и по скаскам за руками Ильи Чечюлина, да Михайла Кондаурова, да Василья Иванова, какову они челобитную и скаски подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

№ 94

94. За Семеном да за Алексеем Исаевыми детьми

(90 л.) Мазоловыми, да за Григорьем Тимофеевым сыном Казлителиновым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Семеновым да за Алексеевым отцом за Исаем Мазоловым да

за Григорьем Брежневым, а во 168-ом году то Григорьево поместье Брежнева дано отцу ево Григорьеву Тимофею Козлитунову в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — сорок четыре чети с полуосминою и с четвериком, за Семеном да за Алексеем дватцать две чети с полуторым четвериком, по одиннатцати чети с полчетвериком и с пол-полчетвериком за человеком, а за Григорьем дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля сорок четыре ж чети с полуосминою и с четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом,

(90 л. об.) и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — восемьдесят девять копен бес чети копны, Семену да Алексею сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по дватцати по две копны с четью и с пол-полчетью копною человеку, а Григорью сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю восемьдесят девять ж копен бес чети копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказа за приписью дьяка Степана Шишкина, какова прислана на Оскол к воеводе к Тимофею Левашову по челобитию отца ево Григорья Тимофея Козлитунова во 168-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Ивана Попова, какову они подали во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 95

95. За Иваном Костентиновым сыном Молаховым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева

(91 л.) 153-го году за отцом ево Костентином Ларионовым сыном Молаховым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни старые дачи — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля — дватцать две ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону

речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж чети с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по иво скаске за рукою старооскольца Василья Ива-

(91 л. об.) нова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день. Да за ним же поместья в Дубинском стану в деревне Сарпыкино восемь чети.

№ 96

96. За Федором Макаревым сыном Колпакова, что он выменил у Максима да у Левонтия Ряполовых, а то их поместье по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году написано за дедом их за Микифором Ряполовым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние

(92 л.) земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачу меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю срок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по выписи с Отказных книг, отказ старооскольца Ивана Анпилова за иво Ивановою рукою 196-го году, и по иво скаске за рукою сына иво Ивана Калпакова, какову он подал во 199-ом году августа в 28-ой день.

№ 97

97. За Карпом, да за Иваном, да за Фоною Степановыми детьми, да за племянники их за Яковом да за Иваном Кузьмиными детьми, да за Сергеем да за Иваном Семеновыми детьми Конда-

(92 л. об.) уровыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Карповым з братьями отцом, а племянников иво Якова з братьями за дедом за Степаном Кондауровым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли

— дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж чети с четью и с полчетью копною. Лес Горней

(93 л.) и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаскам за руками иво Карпа да Михайла Кондауровых, каковы они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-ый день.

Да за ними ж поместья в том же стану в деревне Курской тритцать пять чети, да в Чюфичевском стану в деревне Нижней Атаманской да в Подгорной Поляне пятнатцать чети. Да за Карпом за одним поместья в Ублинском стану в селе Городище девяносто чети, да в Дубенском стану в деревне Сапрыкино одинатцать чети с полуосминою. Да за Яковом за одним поместья в Окологородном стану на речки на Дорожне, на Ржавце пятьдесят чети, по конец пушкарских поль под Ублинским лесом шесть чети вопче з братом ево с Иваном Кондауровым.

№ 98

98. За Степаном, да за Никитою, да за Мар-

(93 л. об.) ком Тимофеевыми детьми Батищевыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Иваном Батищевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж, по семи чети с третником и с полчетвериком за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с

четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной

(94 л.) с помещики вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Семена Струкова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князь Федору Шахонскому во 190-ом году, и по их скаске за рукою Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в Ублинском стану в селе Роговом семьдесят чети.

№ 99

99. За Петром Миловановым сыном Боевым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом иво за Милованом Боевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на иво жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого

(94 л. об.) поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по их скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году сентября в 4-ый день.

Да за ним же поместья в Ублинском стану в деревне Подгорная сорок чети, да в деревне Подвислой десять чети, да в пустоши диком поле сорок чети, да в деревне Гнилой тритцать чети.

№ 100

100. За Елисеем, да за Ларионом, да за Натаром Григорьевыми детьми Махрина, что

(95 л.) написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом их за Григорьем Афонасьевым сыном Махриным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с

полоторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полоторым четвериком в поль, а в дву потому ж.. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их

(95 л. об.) скаске за рукою Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Репцах пятьдесят чети.

№ 101

101. За Иваном, да за Игнатъем, да за Ерофеем Лукьяновыми детьми Зиновьевыми, что написано по роздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом их за Лукьяном Зиновьевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полоторым четвериком, по семи чети с третником и с полчетвериком за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две чети с полоторым четвериком в поль, а в дву

(96 л.) потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копны. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году в 29-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом семьдесят чети, да в селе Есеновом за Иваном да за Игнатом сорок чети.

№ 102

102. За Онаньем Авдеевым сыном, да за Пимином, да за Михайлом, да за Ереме-

ем Наумовыми детьми, за Остафьем да за Алексеем Ерофеевыми детьми

(96 л. об.) Быковскими, что написано по Раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Парфеном Быковским в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — одиннатцать чети с четвериком бес пол-полчетверика в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля одиннатцать же чети с четвериком бес пол-полчетверика в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — дватцать две копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю

(97 л.) дватцать две ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом восемьдесят пять чети, да в селе Солдацком десять чети, да в деревне Кладовой десять же чети.

№ 103

103. За Микифором да за Олистратом Порфеньевыми детьми Быковскими, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом их за Парфеном Быковским в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли —

(97 л. об.) одиннатцать чети с четвериком бес пол-полчетверика в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля одиннатцать же чети с четвериком бес пол-полчетверика в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — дватцать две копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю дватцать две ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по

их скаске за рукою старооскольца Филата Фалеева, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Рого-

(98 л.) вом шестьдесят пять чети. Да за Алистратом за одним в селе Ясенках дватцать пять чети.

№ 104

104. За Филатом да за Остафьем Родионовыми детьми Сотниковыми, что написано по роздточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом их за Родионом Ильиным сыном Сотниковым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком, по одиннатцати чети с четвериком бес пол-полчетверика за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли

(98 л. об.) дикого поля дватцать две ж чети с четвериком и с полчетвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною, по дватцати по две копны с четью и с пол-полчетью копною человеку. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-ый день.

Да за ними ж поместья в деревне Котово сто девятнатцать чети,

(99 л.) да в деревне Незнамово дватцать чети, да в деревне на озере шесть чети с полуосминою.

№ 105

105. За Иваном, да за Михайлом, да за Тимофеем, да за Павлом Терентьевыми детьми Калиниными, что написано по роздточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Калиною Еремеевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — двтцать две чети с полуто-

рым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в

(99 л. об.) дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж в Ублинском стану в деревне Курской дватцать пять чети, да под Ровным лесом против Усердского мосту десять чети, да меж Зверева и Лутова лесков дватцать чети, да по конец пушкарских поль под Ублинском

(100 л.) лесом шестьдесят чети, да в селе Пятницком десять чети.

№ 106

106. За Семеном Самсоновым сыном да за племянники ево за Иваном «большим» да за Иваном «меньшим» Аникеевыми детьми Жолтиковыми; да за Иваном, да за Васильем, да за Онофрием Гавриловыми детьми Боровлевыми, что написано по роздточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Карпом Боровлевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж, за Семеном с племянники одиннатцать чети с четвериком бес пол-полчетверика, а за Васильем да за Офонасьем одиннатцать же чети с четвериком бес пол-полчетверика за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же

(100 л. об.) округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью коп-

ною. Лес Горней и лес Ровной с помещи- ки вопче. Писано за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Василья Протопопова, какова при- слана на Оскол к воеводе х князю Федору Шехонскому во 189-ом году, и по их скаске за руками старооскольцов Ивана Панина, Михайла Кондаурова, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

№ 107

107. За Иваном Левонтьевым сыном Лу- стиним, да за Сидаром Гарасимовым сыном Плотни-

(101 л.) ковым, что написано по разда- точным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Кондратьем Афонасьевым сыном Кренева, а во 170-ом и во 199-ом году то Кондратево поместье Кренева дано Ивано- ву отцу Леонтию Лустину да ему Сидару в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полу- торым четвериком, по одиннатцати чети с четвериком бес пол-полчетверика за чело- веком в поль, а в дву потому ж. Да при- мерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцатьдве ж чети с полуторым чет- вериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по вер- хом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — срок четыре копны с четью

(101 л. об.) и с полчетью копною, по дватцати по две копны с четью и с полче- тью копною, да на примерную землю сорок четыре копны с четью и с полчетью коп- ною. Лес Горней и лес Ровной с помещи- ки вопче. Писано за ними то поместье по гра- моте ис Помесного приказу за приписями дьяков Андрея Анпилова да Максима Дани- лова 170-го и 199-го году, и по полюбовной заручной челобитной за руками Михайла Кондаурова да Ильи Чечюлина, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

№ 108

108. За Перфильем Васильевым сыном, да за Максимом Яковлевым сыном Вино- градовыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом ево за Васильем Самсоновым сыном Виноградовым в том же селе Ездочные сло-

боды на реке на Осколе. А в нем на их же- ребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети

(102 л.) с полуторым четвериком, по одиннатцати чети с четвериком бес пол- полчетверика за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвери- ком в поль, а в дву потому ж. Сена на ста- рую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю срок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с поме- щики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Ивана Панина, ка- кову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в селе Роговом пятьдесят чети.

№ 109

109. За Костянтином, да за Емельяном, да за Исаем,

(102 л. об.) да за Мироном Ларионовыми детьми Беседиными, что написано по разда- точным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Антипом Понкратовым сыном Бесединым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, паш- ни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком, по пяти чети с осминою бес пол-полчетверика за че- ловеком в поль, а в дву потому ж. Да при- мерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым чет- вериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по вер- хом, и по дикому полю, и по реке Большо- му Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную зем- лю сорок четыре ж

(103 л.) копны с четью и с полчетью коп- ною. Лес Горней и лес Ровной с помещи- ки вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Ивана Панина, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Репце пятьдесят чети.

№ 110

110. За Микифором Тарасовым сыном да за племянником ево за Иваном Петровым сыном Маликовыми, Несошлые они ж, по обыскным речам того ж села помещиков Максима Захарова с товарищи Микифорова деда, а Иванова прадеда родного Ивана Андреева сына Маликова, а Несошлой он же, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх

(103 л. об.) той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, по пятидесяти копен человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по сыску того села помещиков Максима Захарова с товарищи и по их скаске за рукою Ивана Панина, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 3-й день.

Да за Микифором за одним поместья в том же стану в селе Стужни сорок чети.

№ 111

111. За Артемьем Яковлевым сыном Боклановым, что написано по раздаточным книгам

(104 л.) Дмитрея Плещеева 153-го году за Перфильем Кудрявцовым, а во 198-ом году то Порфильево поместье Кудрявцова дано ему Артемью в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж чети с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то

поместье по грамоте Великих Государей ис Помесного приказу за приписью

(104 л. об.) дьяка Дмитрея Федорова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князю Василью Вяземскому во 198-ом году, и по ево скаске за рукою Василья Иванова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

№ 112

112. За Васильем Ивановым сыном Сулимовым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Петром Бобориным, а во 197-ом году то Петрово поместье Боборинова справлено за ним Васильем в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом,

(105 л.) и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж чети с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по выписи с Отказных книг, отказ старооскольца Ивана Анпилова 193-го году, и по ево скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

Да за ним же поместья в Чюфичевском стану в селе Верхнем Чюфичеве дватцать чети.

№ 113

113. За Антоном Осиповым сыном Шахавцовым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом ево за Осипом Григорьевым сыном Шахавцовым в том же селе Ездочной слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место

(105 л. об.) дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж

чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по диному полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж чети с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по ево скаске за рукою старооскольца Ивана Панина, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

№ 114

114. За Анисимом да за Семеном Ивановыми

(106 л.) детьми Гольевыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Акимом Ивановым сыном Гольевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком по адиннатцати чети с четвериком бес пол-полчетверика за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по диному полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по дватцати по две копны с четью и с пол-полчетью копною человеку,

(106 л. об.) да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Петра Резанова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

Да за ними ж поместья в Ублинском стану в селе Дмитриевском за Анисимом восемьдесят чети, а за Семеном восемьдесят пять чети.

№ 115

115. За Трофимом Афонасьевым сыном Салеховым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом ево за Афонасьем Салиховым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое

помещиково, пашни старые дачи добрые земли датцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву

(107 л.) потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по диному полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по ево скаске за рукою Михайла Кондаурова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

№ 116

116. За Нестером да за Григорьем Микиными детьми Тебекиными, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за дедом их за Федором Алексеевым

(107 л. об.) сыном Тебекиным в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж, по адиннатцати чети с четвериком бес пол-полчетверика за человеком. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по диному полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по дватцати по две копны с четью и с пол-полчетью копною человеку, да на примерную землю срок четыре ж копны с четью и с полчетью копною человеку. Лес Горней и лес Ровной с помещики

(108 л.) вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Василья Горяинова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 4-й день.

№ 117

117. За Елизаром Селивановым сыном, да за внучаты ево за Офонасьем да за Андреем Прокофьевыми детьми Гусевыми,

что написано по раздаточным книгам Дмитрия Плещеева 153-го году за Елизаровым отцом, а за Афонасьевым да за Андреевым прадедом за Селиваном Гусевым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком, за Елизаром одиннатцать чети с четвериком бес пол-полчетверика, а за Офонасьем да за Андреем одиннатцать же чети с четвериком бес пол-полчетверика за человеком в поль, а в дву

(108 л. об.) потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, а за Елизаром дватцать две копны с четью и с полчетью копною, а за Офонасьем да за Андреем датцать две ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

Да за ними ж поместья в селе Солдацком сто чети.

(109 л.) № 118

118. За Петром Порамоновым сыном, да за Григорьем Остафьевым сыном Сузиковыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за дедом их за Феокистом, прозвище «Третьяк», Сузиковым в том же селе Ездочной слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей два двора помещиковых, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети, по дватцати по пяти чети за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою

Филата Фалеева, какову они подали во 199-ом году августа в 29-й день.

(109 л. об.) № 119

119. За Клеменом, да за Васильем, да за Савельем Моксимовыми детьми Курловыми, что написано по раздаточным книгам Дмитрия Плещеева 153-го году за дедом их родным за Власом Сидоровым сыном Курловым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — дватцать две чети с полуторым четвериком, по семи чети с осминою бес пол-полтретника за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля дватцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четыре копны с четью и с полчетью копною, по пятнатцати копен бес пол-полтрети копны, да на примерную землю

(110 л.) сорок четыре ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Михайла Кондаурова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

№ 120.

120. За Микифором, да за Офонасьем, да за Онисимом, да за Артемьем Петровыми детьми, да за Акенлом Емельяновым сыном Мазоловыми, что написано по Дозорным книгам Осипа Секирина 121-го году за прадедом их за Сафроном, прозвище «Милванко», Афонасьевым сыном Мазоловым, а во 186-ом году то Софроново поместье Мазолова справлено за Микифоровым з братьями отцом, а за Акинловым дядею за Петром Мазоловым в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на их жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву пото-

(110 л. об.) му ж, за Микифором з братьями дватцать пять чети, по шти чети с полуосминою за человеком, а за Акинлом датцать пять же чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли

дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, за Микифором з братьями пятьдесят копен, по двенатцати копен с полукопною за человеком, а Окенлу пятьдесят же копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ними то поместье по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

Да за ними ж поместья в том же стану в селе Роговом, за Микифором з братьями пятьдесят

(111 л.) семь чети, а за Окенлом семдесят чети.

№ 121

121. За Петром Ивановым сыном Левыкиным, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за Иваном Рощупкиным, а во 191-ом году ис того Ивановского поместья Рощупкина, жены ево Ивановой вдовы Лукерьи прожиточное поместье дано ему Петру Левыкину в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пять чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Да того ж Иванова поместья Рощупкина пашни семнатцать чети с полуторым четвериком писано в порозжих землях. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пять же чети с осминою в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — одиннатцать копен, да на примерную землю

(111 л. об.) одиннатцать же копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Анисима Невежина, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе к Степану Юшкову во 191-ом году, и по ево скаске за ево Петровою рукою, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

Да за ним же поместья в Ублинском стану на речке на Котле дватцать четыре чети с осминою.

№ 122

122. За Третьяком Федотовым сыном Бочаровым, что написано по раздаточным книгам Дмитрея Плещеева 153-го году за отцом ево за Федором Ерофеевым сыном Бочаровым, в том же селе Ездочные слободы на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков. Пашни старые дачи добрые

(112 л.) земли — дватцать две чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля датцать две ж чети с полуторым четвериком в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сорок четьи с четью и с полчетью копною, да на примерную землю сорок четьи ж копны с четью и с полчетью копною. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по ево скаске за рукою Ивана Панина, какову он подал во 199-ом году августа в 29-й день.

№ 123

123. За Иваном Андреевым сыном Паниным по розыску и по старожиловы скаскам деда ево родного Иванова поместье Панина в том же селе Ездочные слободы

(112 л. об.) на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей место дворовое помещиково, пашни старые дачи добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево старой дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена на старую дачю меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по реке Большому Осколу, и по одну сторону речек Стужни и Горосима — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней и лес Ровной с помещики вопче. Писано за ним то поместье по обыскным речам того села помещиков Максима Захарова с товарищи и по ево скаске за ево Ивановою рукою, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

И всего в селе Ездочные слободы:

Помещиков — триста девяносто пять человек да четьи вдовы;

Сто сорок пять дворов помещиковых

(113 л.) да сорок одно место дворовые помещиковы;

Пашни старые дачи добрые земли — пять тысяч двести семьдесят пять чети бес третника в поль, а в дву потому ж;

Да примерные земли, что примерено сверх той их старой дачи в той же округе по конец поль — пять тысяч триста сорок четыре чети бес полтретника и бес полтретника в поль, а в дву потому ж;

Сена на старую дачю — десеть тысяч пятьсот сорок девять копен с третью копною;

Да на примерную землю — десеть тысяч шестьсот восемьдесят восемь копен бес трети копны.

Оприч отписных порозжих земель, что отписаны на Великих Государей в порозжие земли, и которые писаны особ статьею.

Да того ж села Ездочные слободы в округе по конец поль на реке на Осколе поселено
вновь село по прозванию Скупое,
а в нем за помещики

(113 л. об.) № 124

124. За Васильем Яковлевым сыном Шестаковым, что ему дано в 188-ом году сверх старых дач села Ездочные слободы помещиков по конец поль, что ныне село Скупое на реке на Осколе. А в нем на ево жеребей двор помещиков, пашни добрые земли — пятьдесят чети в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той ево дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по одну сторону реки Оскола и речки Стужни — сто копен, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней с помещики села Ездочные слободы вопче. Писано за ним то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Максимова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князю Федору Шехонскому во 188-ом году, и по ево скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову он подал в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

Да за ним же поместья в селе Ездочные слободы

(114 л.) десять чети.

№ 125

125. За Потапом, да за Иваном, да за Тимофеем, да за Яковом, да за Мироном, да за Макаром Агеевыми детьми Бурцовыми, что в 188-ом году дано отцу их Агею Андросову

сыну Бурцову сверх старых дач села Ездочные слободы помещиков по конец поль, что ныне село Скупое на реке на Осколе. А в нем на их жеребей двор помещиков, пашни добрые земли — пятьдесят чети, по осми чети с третником за человеком в поль, а в дву потому ж. Да примерено сверх той их дачи в той же округе по конец поль лишние земли дикого поля пятьдесят же чети в поль, а в дву потому ж. Сена меж поль по логом, и по верхом, и по дикому полю, и по дубровам, и по одну сторону реки Оскол и речки Стужни — сто копен, по семнатцати копен бес трети копны человеку, да на примерную землю сто ж копен. Лес Горней с помещики села Ездочные слободы вопче. Писано

(114 л. об.) за ними то поместье по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Максимова, какова прислана на Оскол к стольнику и воеводе х князю Федору Шахонскому во 188-ом году, и по их скаске за рукою старооскольца Василья Иванова, какову они подали в нынешнем в 200-ом году сентября в 5-й день.

И всего в том селе Скупом за помещики за семью человеки два двора помещиковых. Пашни добрые земли — сто чети в поль, а в дву потому ж. Да примерные земли, что примерено сверх той их дачи в той же округе по конец поль — сто ж чети в поль, а в дву потому ж. Сена на те их дачи — двести копен, да на примерную землю — двести ж копен. Оприч тех поместей и сенных покосов, что писаны особ статьею и оприч церковные земли. А сенными покосы владеть того села Скупого помещиков с помещики ж села Ездочные слободы вопче.

(115 л.) А межа учинена села Ездочные слободы и села Скупого помещиков Максима Захарова с товарищи поместным их землям.

Почин от столба, что поставлен в старом большом остроге подле дороги, что ездят от села Ездочной слободы в город Оскол в правой стороне, а на нем две грани, подле нево две ямы. А от того столба и от ям прямом меж дворов Ездочной слободы помещика Игнатъя Соболева да старооскольского стрельца Аврамия Плотнокова и через вал, и через Московскую большую дорогу, что ездят в Белгород, на столб, на нем две грани, подле ево две ямы, меж ими семьдесят семь сажен. А столб поставлен и ямы выкопаны от той дороги в трех сажнях подле земли старооскольских полковых казаков.

(118 л.) Курской дороги в левой стороне, на дуб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста восемьдесят сажен, а дуб стоит, едучи по меже, в левой стороне от дороги в семнатцати саженях. А от того дуба и от ямы прямо подле той же Курской дороги по левую ж сторону на дуб, на нем грань, подле ево яма, меж ими пятьсот сорок пять сажен, а тот дуб стоит от дороги в левой стороне в сорок саженях в казачей земле. А от того дуба и от ямы подле той же Курской дороги по левую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими триста дватцать сажен, а столб поставлен и яма выкопана подле дороги по левую сторону на валу. А от того столба и от ямы прямо подле той же дороги по левую сторону на столб, на нем грань, подле столба яма, меж ими четыреста сажен. А от того столба и от ямы прямо подле той же дороги по

(118 л. об.) левую ж сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими пятьсот шездесят сажен. А от того столба и от ямы прямо подле той же дороги по левую ж сторону на иву, на ней грань, а ива стоит подле озерца, а то озерцо, едучи по меже, в правой стороне дороги, до озерца девять сажен. А меж столба, и ивы, и озерца тристо сорок пять сажен. А от той ивы и от озерца прямо степью подле той же Курской дороги по левую ж сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста восемьдесят сажен, а столб стоит и яма выкопана против верха Ржавы колодезя. А от столба и от ямы прямо степью ж против той же Курской дороги по левую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими семьсот пятьдесят шесть сажен, а столб поставлен и яма выкопана меж дву дорог на мысилине. По одной дороге ездят

(119 л.) в Куреск и села Ездочной слободы, а по другой дороге из города Оскола и ис Казачьей слободы. А от того столба и от ямы прямо степью подле той же дороги по правую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста сажен. А от того столба и от ямы прямо степью подле той же Курской дороги по правую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста восемьдесят сажен, а столб поставлен против верха, что верх в левой стороне той Курской дороги. А от того столба и от ямы прямо степью подле той же Курской дороги по правую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста восемьдесят сажен, а тот

столб стоит на правой стороне той Курской дороги близ верха по прозванию Ржавца. А от того столба и от ямы прямо степью подле той же Курской дороги по правую сторону на столб, на нем грань,

(119 л.об) подле ево яма, меж ими четыреста сажен. А от того столба и от ямы прямо степью подле той же Курской дороги по правую сторону на курган, а на кургане столб, на нем грань, а ниже кургана яма, а меж столба и кургана и ямы сто пятьдесят пять сажен, а курган, и на нем столб стоит и яма выкопана, едучи в правой стороне той дороги. А от того кургана, и от столба, и от ямы прямо степью подле той же Курской дороги по правую сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста восемьдесят сажен, а столб стоит и яма выкопана против трех ивовых кустов вблизиости. А от того столба, и от ямы, и от ивовых кустов прямо степью ж подле той же Курской дороги по правую ж сторону на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста сажен. А от того столба и от ямы прямо подле той же Курской дороги по правую ж сторону степью ж

(120 л.) на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими четыреста сажен. А от того столба и от ямы подле той же Курской дороги по правую ж сторону степью ж к верховью речки Стужни, а у речки на угоре поставлен столб, на нем две грани, подле ево две ямы, меж ими четыреста пятьдесят сажен, а столб стоит на угоре от воды в сороке в пяти саженях. А от того столба и от ямы поворотит направо вниз речкою Стужнею по правую сторону и до устья речки Стужни, где она впала устьем в реку Большой Оскол. А в устье подле реки Большого Оскола стоят три ольхи, выросли из одного корени, а четвертая от того ж корени ссечена, из них на одной ольхи насечены две грани — одна указывает назад, а другая вперед по меже. А меж столба, что поставлен в верховье речки Стужни и трех ив, что стоят подле реки Большого Оскола мерою шесть тысяч триста пятьдесят семь

(120 л. об.) сажен. А от тех трех ольх и от устья речки Стужни поворотит направо подле реки Оскола по правую ж сторону на ольху, что стоит ниже села Короваева в болоте против устья речки Горосима, на ней две грани — одна указывает вперед по меже к устью речки Горосима через реку Оскол, а другая назад по меже. А от трех ольх, что стоят у устья речки Стужни, до ольхи, что

стоит в болоте против речки Горосима, мерою восемь тысяч восьмьсот восемьдесят сажен. А от той ольхи поворотить через реку Оскол, и от устья речки Горосима, и подле устья той же речки Горосима, и вверх по речке Геросиму по правую сторону на столб, что поставлен близ верховья речки Горосима, на нем две грани — одна указывает назад, а другая вперед по меже, подле ево две ямы. А мерою от устья речки Горосима до столба, что поставлен близ той же речки Горосима

(121 л.) шесть тысяч девятьсот шездесят семь сажен, а тот столб поставлен от речки Горосима от воды в сороке в одной сажени. А от того столба, и от ям, и от речки Горосима поворотить направо круто через Елецкую дорогу к Ровному лесу, а по конец Ровного лесу подле верха стоит дуб без верхова, на нем две грани, подле ево две ямы, а меж столба и дуба двести семьдесят восемь сажен. А от того дуба и от ям поворотить направо перелеском к Елецкой дороге и Елецкою дорогою подле Ровного лесу, и от дороги поворотить налево подле Ровного лесу. А на подлесье Ровного лесу стоит дуб, на нем грань, подле ево яма, а меж дубов, что стоит подле дорожки, что ездят из деревни Роговой в правой стороне, и верха до дуба ж, что стоит на подлесье Ровного лесу, мерою пять тысяч пятьсот дватцать четыре сажени. А от того дуба, что стоит на под-

(121 л. об.) лесье Ровного лесу и от ямы, поворотить направо меж пашенных земель села Ездочные слободы помещиков да Старого Оскола прихоцких попов розных церквей на столб, на нем грань, подле ево яма, а меж дуба и столба двести сорок сажен. А столб стоит от Елецкой дороги, едучи к городу Старому Осколу, в левой стороне во сте дватцати в пяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо меж тех же пашен на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен. А столб стоит от Елецкой дороги в левой стороне в семидесяти в шести саженьях. А от того столба и от ямы прямо меж тех же пашен на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен. А столб стоит от Елецкие дороги в левой же стороне во штидесят саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб,

(122 л.) на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, тот столб стоит от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти трех саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем

грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а тот столб стоит от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти сажен. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен., а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти в дву саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен., а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в сороке семи саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб стоит от дороги в левой же стороне в сороке в дву саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а тот столб стоит от Елецкие дороги в левой же стороне в сороке в пяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти

(122 л. об.) сто шездесят сажен, а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в сороке в восьми саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в сороке семи саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб стоит от дороги в левой же стороне в сороке в дву саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а тот столб стоит от Елецкие дороги в левой же стороне в сороке в пяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от Елецкие дороги в левой же стороне в пятидесяти

(123 л.) в девяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от дороги в левой же стороне в пятидесяти в пяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от дороги в левой же стороне в пятидесяти саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими сто шездесят сажен, а столб поставлен от дороги в левой же стороне в сороке в дву саженьях. А от того столба и от ямы прямо тем же полем на столб, на нем грань, подле ево яма, меж ими двести дватцать шесть сажен, а столб поставлен от дороги в левой же стороне в одиннатцати саженьях, от озерца, что бывал объезжей куст в дватцати

(123 л. об.) в дву саженьях. А от того столба и от ямы к реке Осколу к Пречистинскому мосту пятьдесят сажень. И перешед реку Оскол, вниз подле той реки Оскола по правую сторону ниже дворов того же села Ездочные слободы помещиков. А изшед дворы Ездочные слободы помещиков, подле Панской слободы поставлен столб на берегу той реки Оскола, от воды в девяти саженьях, на нем две грани, подле ево две ямы. А от Пречистинского мосту, да того столба, и от ям, и от реки Оскола поворотить направо круто по дороге, что ездят по рву из стрелецких слобод в город Оскол, меж дворов Старого Оскола Соборные церкви протопопа Ивана да сына ево соборного попа Михайла, да козмодемьянского попа Никифора, и меж дворов же Ездочные слободы помещиков да старооскольских черкас к Московской старой дороге. А за дорогою поставлен столб, на

(124 л.) нем две грани, подле ево две ямы, меж ими сто шездесят сажень. А от того столба и от ямы поворотить налево круто к старому острогу через ров, а перешед ров на валу поставлен столб, на нем две грани, подле ево две ямы, меж ими сто сажень. А от того столба и от ям поворотить налево ж круто подле валу по правую сторону, а в правой стороне валу подле рва поставлен столб, на нем две грани, подле ево две ямы, меж ими сто шесть сажень.. А от того столба и от ям поворотить направо мимо стрелецких дворов и гумен к починному столбу, от которого ся межа началась, меж ими сто сорок шесть сажень. И по тем граням, и по ямам, и по всяким признаком от столба, что поставлен в старом остроге подле Белгородские дороги, направо усадебные земли села Ездочные слободы помещиков Михайла Захарова с товарищи,

(124 л. об.) а налеве дворы, и огороды, и гумны старооскольских стрельцов пятидесятника Максимка Орлова с товарищи. А от столба, что стоит подле Белгородской дороги до столба ж, что стоит подле речки Стужни, направо земля, и лес, и сенные покосы, и всякие угодыя села Ездочные слободы помещиков Максима Захарова с товарищи, а налеве земля ж, и сенные покосы, и всякие угодыя старооскольских полковых казаков. А от столба, что поставлен подле речки Стужни, до столба, что поставлен подле речки Горосима, направо земля ж, и лес, и сенные покосы, и всякие угодыя села Ездочные слободы помещиков Максима ж

Захарова с товарищи, а налеве за речкою Стужнею, за рекою Большим Осколом, да за речкою Горосимом поместные земли села Репец, да села Стужни, да села Короваева, Горосим тож, да села Нижних Опочек, да села Пятницкого, Черкаская слобо-

(125 л.) да тож, да деревни Бекетовой, да села Архангельского, Солдацкое тож, розных помещиков. А от столба, что поставлен подле речки Горосима, до дуба, что стоит на подлесье Ровного лесу до реки Оскола до Пречистенского мосту, направо пашенная земля села Ездочные слободы помещиков Максима Захарова с товарищи, а налеве пашенная ж земля Старого Оскола прихоцких попов церковные земли розных церквей. А от реки Оскола от Пречистинского мосту до столба, что стоит подле той же реки Оскола, подле Панской слободы, направо дворы и усады

(125 л. об.) села Ездочные слободы помещиков Максима ж Захарова с товарищи, а налеве за рекою Осколом земли прихоцких попов розных церквей, да слободы старооскольских стрельцов, да беломесных козаков. А от столба, что стоит подле реки Оскола подле Панской слободы, да столба ж, что стоит в старом остроге подле рву, направо земля села Ездочные слободы помещиков Максима ж Захарова с товарищи, а налеве за старым острогом слобода Панская. А ниже старого острога усадебная земля Ивана Букина.

А на мере и на межевание были и между отводили:

старожилы — Анисим Тимофеев сын Лихачов, Семен Алексеев сын Гончаров, Еремей Васильев, Филин он же, Максим Иванов сын Захаров, Клемен Яковлев сын Быков, Кузьма Минаев сын Фаустов, Ивана Иванов сын Маликов, Василей Филипов сын Поткопаев;

да старонние люди, старооскольцы дети бояр-

(126 л.) ские — Василей Погожей, Кондратей Набережной, Григорей да Мирон Арефьевы, Данила Коротаев, Кирило Лапилов, Осип Мелехов, Григорей Аношин, Андрей Гусев, Пимин Винюков;

да старооскольские черкасы — атаман Семен Сергеев, да рядовые: Родион Елецкой, Микита Шильдяев, Осип Павлов, Тихон Яковлев;

да Казачей слободы жители — Иван Сионов, Микифор Селезнев, Микифор Петров, Савелей Салакушин, Дементей Лебе-

дев, Иван Шестаков, Иван Гончаров, Аким Шестаков, Микита Абакумов, Петр Ходатаев;

да того села Ездочные слободы помещики — Емельян да Кузьма Дятловы, Федосей Маликов, Степан Захаров, Анисим Дехтерев, Василий Серой, Тихон Турищев, Прокофей Поткопаев, Игнат Завьялов, Мелентей Шаков, Яков да Тимофей Боклановы, Макей, Мартин, да Яков,

(126 л. об.) да Тимофей Бурцовы, Илья Попов, Михайла Попов, Филимон Гусев, Василей Шестаков, Фома Скоков, Аким Кононов, Осип Хлоповской, Иван Ильин, Порфен Косицин, Кондратей Кононов, Михайло Ченцов, Иван Стрельников, Тимофей Елизаров, Федор Веревкин, Степан Бурцов, Микита Грецов, Архип Копычев, Степан Обрамов, Федор Быков, Сергей Зотин, Перфилий Шестаков, Михайла Сухой, Юрья Морылев, Харлам Ильин, Петр Нафанаилов, Степан Тулинов, Трофим Игнатов, Никон Тулинов, Горасим Дакудов, Игнат Лихачев, Алексей Фролов, Федор Стрельников, Микита Долженков, Хорлам Помельников, Федот Косаров, Никита да Илья Чечюлины, Аникей Гусев, Михайла Зунин, Микита Устинов, Сергей Моклаков, Иван Бокланов, Иван Кошкаров, Костянтин Михалищев, Агей Кочатов, Федар Грецов,

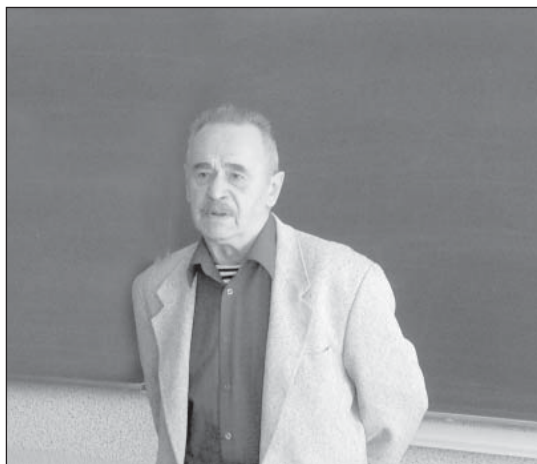
(127 л.) Артем Бочаров, Мокар Часноков, Микита Быков, Иван Демин, Ларион Колупанов, Емельян Быков, Михайла Кузнецов, Иван Дорохов, Иван Хайминов, Василей

Толмачев, Игнат Панин, Гаврила Щетинин, Василей да Нефед, Петр да Устин Акинины, Борис Белобрагин, Иван Гребенников, Иван Грецов, Карп Замошников, Федор Пойминов, Иван Букин, Степан Беленов, Дмитрий Чечюлин, Семен Мазолов, Иван Малахов, Федар Колпаков, Карп да Михайла Кондауровы, Степан Батищев, Петр Боев, Елисей Махрин, Иван Зиновьев, Ананья да Микифор Тарасовы, Артем Бокланов, Василей Сулимов, Антон Шаховцов, Анисим Гольев, Трофим Салехов, Нестер Тибекин,

(127 л. об.) Елизар Гусев, Петр Пузиков, Микифор Мазалов, Петр Левыкин, Терентей Бочаров.

А мерено и межевано то село Ездочная слобода в нынешнем в 200-ом году сентября в 14-й день.

По их веленью руку приложил, в сих книгах имена писаны, по их велению руку приложил, Родиона Елецкого с товарищи 28 человек, по их велению руку приложил; в сих книгах имена писаны, по их велению руку приложил, веленью руку приложил, Степана Тулинова, Трофима Игнатова, Никона Тулинова, Герасима Докудова, Игната Лихачева, Алексея Фролова, Никиты Должикова, по их велению руку приложил, своево Федора Колпакова, по их велению руку приложил, Ивана Демина с товарищи 22 человека; в сих книгах имена писаны, по их велению руку приложил, велению руку приложил, Сима Гольева, по их велению руку приложил.

ЭДУАРДУ ИВАНОВИЧУ ГРИГОРЬЕВУ – 80 ЛЕТ

Григорьев Эдуард Иванович - историк, краевед, Почетный гражданин города Старый Оскол.

Его трудовой стаж был богат и разнообразен. В начале войны вместе с другими подростками он был зачислен в группу минеров и после непродолжительного обучения уже занимался разминированием и уничтожением оставшихся после боев смертоносных грузов и находок. После армии работал в органах милиции, боролся с бандитизмом в Днепропетровске, осваивал целину в Казахстане, трудился рабочим на механическом заводе, затем на Стойленском руднике и ремзаводе, а после окончания Воронежского государственного университета с красным дипломом работал в Старооскольском краеведческом музее, был учителем истории. Руками, энтузиазмом Эдуарда Ивановича «расцвел» когда-то краеведческий музей.

Старооскольцы называют Э.И. Григорьева «ходячей исторической энциклопедией». В его голове столько дат, имен, фактов, что даже трудно представить как такой объем информации удерживает в памяти один человек.

Сорок лет тому назад Эдуард Иванович серьезно занялся историческими раскопками захоронений погибших воинов и восстановлением их имен. Он организовал военно-

патриотический клуб «Поиск», ниточки от которого потянулись во многие уголки бывшего Советского Союза. Огромная работа проводилась по восстановлению имен погибших воинов. В течение 22 лет Э.И. Григорьев принимал участие в подготовке к печати книг «Память» и «Мемориал», в которых перечислены все имена воинов, погибших за освобождение Старого Оскола и старооскольцы, погибшие в Великой Отечественной войне.

Э.И. Григорьев является автором публикаций в книгах «Под Красным знаменем», «Старый Оскол. 1593-1993», «Вспомним всех поименно», многочисленных статей в городских и областных периодических изданиях.

Награжден Орденом Дружбы народов, медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «За освоение целинных земель», «Маршал Советского Союза Жуков», «50 лет советской армии», «Защитник Отечества», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», крестом «За спасение Отечества 1941-1945 гг.», нагрудными знаками «Воинская доблесть», «За разминирование», «За активное участие в ветеранском движении», многими Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, ВЦСПС, ВООПИК, Министерства культуры СССР, ряда областных и городских организаций.

Эдуард Иванович фанатично любит город, ценит прошлое и прилагает все усилия к тому, чтобы в истории Старого Оскола не осталось никаких белых пятен. Находясь на заслуженном отдыхе, Эдуард Иванович продолжает трудиться во славу родного города.

И горожане, и город отвечают ему взаимностью. Редко, пожалуй, встретишь кого в Старом Осколе, кто не знал бы этого человека. При всем своем обостренном чувстве справедливости и неумной энергии он на редкость галантный, мудрый, нежный мужчина.

Поздравляем Эдуарда Ивановича с юбилеем, желаем здоровья, долгих и счастливых лет жизни.

Редколлегия.

АНАТОЛИЮ ПАВЛОВИЧУ НИКУЛОВУ – 60 ЛЕТ

В 2007 г. отметил шестидесятилетний юбилей Анатолий Павлович Никулов – виднейший знаток истории Оскольского края, кандидат исторических наук, посвятивший почти сорок лет своей жизни благородному делу изучения прошлого нашего края и воспитанию подрастающего поколения.

Завершив в 1976 году обучение на историческом факультете Воронежского государственного университета, А.П. Никулов связал свою жизнь с просветительской деятельностью в г. Старом Осколе: работал учителем истории и обществоведения, преподавал начальную военную подготовку в школах города, являлся директором учреждения «Вечерняя (сменная) школа рабочей молодежи №1», занимал должность инспектора городского отдела народного образования. Заслуги юбиляра на ниве народного образования не остались незамеченными: Анатолий Павлович был награжден знаком «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

С 2001 года А. П. Никулов – старший научный сотрудник Старооскольского краеведческого музея, с 2003 года – соискатель кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиала) Московского государственного института стали и сплавов (технологического университета) по специальности «Отечественная история», сначала старший преподаватель, ныне – доцент СТИ МИСиС.

В июле 2006 г. А.П. Никулов блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Население Старооскольского уезда в XVII -

начале XVIII вв.», которая итожила почти сорокалетний труд соискателя. Особенное внимание диссертационный совет уделил уникальности и сложности темы исследования, значительно превосходящим средний уровень кандидатских диссертаций, а также отметил такой впечатляющий факт, что диссертант имеет научные труды общим объемом свыше 105 печатных листов.

Первая книга А.П. Никулова «Старый Оскол (исторический очерк)» вышла в свет в 1992 г.; событием в культурной жизни региона явилось издание юбилеями фундаментального труда «Оскольский край» (1997). Весьма ценными являются две последние монографии Анатолия Павловича: «Оскольские древности (архивные материалы XVII в.)» в двух частях: «Оскольская дозорная книга 1615 г. (текст и комментарии)» и «Писцовая книга 1643 г. (текст и комментарии)». Этот титанический труд (около 50 печатных листов!) еще не закончен: в планах краеведа продолжение весьма кропотливой работы по транслитерации и комментированию писцовых и переписных материалов XVII-XVIII столетий, связанных с Оскольским краем. Недюжинный исследовательский талант позволяет А.П. Никулову извлечь из сухих фактов первоисточников весьма интересные сведения, касающиеся политических, военных, экономических, этнографических аспектов жизни населения Оскольского края XVII-XVIII веков.

Научная деятельность А.П. Никулова является образцом объективности, скрупулезности и обоснованности исторических исследований. Анатолий Павлович признан ведущим экспертом в области истории Оскольского края, пользуется заслуженным уважением научного сообщества региона, его авторитет среди студенческой молодежи непререкаем. Особенно хотелось бы отметить человеческие качества юбиляра – твердость характера, скромность, отзывчивость, совестливость – все это такое редкое в нынешней жизни благородство духа. Коллектив кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС и редколлегия альманаха «Оскольский край» выражают глубочайшую признательность Анатолию Павловичу Никулову за его многолетний подвижнический труд ученого-краеведа и желают юбиляру здоровья, счастья и новых научных свершений!

Редколлегия.

МАРИИ ИВАНОВНЕ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ – 70 ЛЕТ

С 1990 г. в Старом Осколе существует уникальный для нашего края «Русский музей». Создателем и руководителем этого центра традиционной культуры Староосколья является Мария Ивановна Емельянова – неутомимый энтузиаст, человек с широким кругозором, глубокими познаниями в этнографии, фольклоре, истории русского народного быта. Она окончила филологический факультет Белгородского пединститута, а в 2007 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-ая половина XIX – начало XX века)». Ею опубликовано учебное пособие «Живые родники Староосколья: Народная традиционная культура» (в соавторстве с Т.П. Беликовой), более 10 научных статей и подготовлена к публикации монография «Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-ая половина XIX – начало XX века)».

Вся многолетняя творческая, педагогическая деятельность М.И. Емельяновой связана с народным искусством и народной культурой. Она работала учителем, завучем в интернате, инструктором горкома партии, директором кооперативного техникума, *преподавателем детской литературы и фольклора Старооскольского педучилища (ныне педколледж)*.

Ее ученики и сегодня с большой теплотой вспоминают увлекательные рассказы Марии Ивановны о русской народной вышивке. Она бережно разворачивала на уроках на столе рушники со старинными вышивками, учила их читать, обращаясь вглубь веков Руси языческой, Руси христианской. А по воскресеньям Мария Ивановна со своими учениками отправлялась в поиск предметов народного быта по деревням Староосколья. Добирались до населенных пунктов на автобусе, на поезде, на грузовике, а иногда и на лошади. С поездок возвращались уставшими, но радостными. Каждое приобретение – прялка, ткацкий станок, горшок, кувшин, рушник, ухват – было для них подарком. За многие годы были осуществлены сотни этнографических и фольклорных экспедиций. Сделаны уникальные аудио- и видеозаписи аутентичного Старооскольского и Белгородского фольклора.

Самозабвенно преданная нелегкому музейному делу, она вложила много сил в создание общественного «Русского музея», который был открыт в апреле 1990 г. на базе педколледжа. За годы своего существования музей быстро завоевал популярность не только в педколледже, но и во всем Старом Осколе.

В народном «Русском музее» все экспонаты подлинные, многие из них являются настоящими раритетами, уникальными и бесценными. Это предметы русской этнографии и быта, народных кустарных ремесел Староосколья, декоративно-прикладного искусства, современной живописи. В апреле 1992 года за огромную поисково-краеведческую работу Министерство культуры Российской Федерации присвоило музею почетное звание «Народный».

В настоящее время фонд музея составляет более 3000 единиц хранения. Экспозиция музея включает такие разделы как «Быт населения Староосколья (2-ая половина XIX – начало XX века)», «Народные промыслы и ремесла Оскольского края», «Русская тра-

диционная одежда Староосколья (2-ая половина XIX – начало XX века)», «Народное декоративно-прикладное искусство», «Старооскольская традиционная и современная глиняная игрушка», «Духовная культура» (здесь представлены иконы, богослужебные книги 18 в., церковная утварь и др. раритеты).

Свою любовь к музейному делу Мария Ивановна передает студентам педколледжа и филиала БелГУ. Многих из них она вовлекла в поисково-исследовательскую деятельность. Сегодня Совет Русского музея включает 32 человека. Актив Совета Мария Ивановна обучает методике ведения

краеведческо-поисковой, экскурсионной и фондовой работам.

М.И. Емельянова является инициатором проведения в педколледже и СОФ БелГУ многих народных праздников с использованием красочных русских традиционных обрядов. Она полна энергией, творческими замыслами.

Редколлегия альманаха «Оскольский край» от всей души поздравляет Марию Ивановну Емельянову с юбилеем и желает ей здоровья, творческих успехов и удач в прекрасном деле – изучение, сохранение и возрождение традиционной культуры нашего края.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрусенко Елена Алексеевна - зам. директора по научной работе МУК «Старооскольский краеведческий музей».

Зарубин Дмитрий Евгеньевич - Заместитель главного редактора газеты «Зори».

Мухина Зинара Зиевна – кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиал) МИСиС

Никулов Анатолий Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиал) МИСиС.

Пивоварова Лидия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиал) МИСиС.

Русин Владимир Михайлович - священник, настоятель Покровского храма в селе Кунье (Курская обл.), студент богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Старооскольского филиала Белгородского государственного университета, член Союза журналистов России.

ПРАВИЛА ПРИЕМА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ АЛЬМАНАХЕ «ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ»

Уважаемые коллеги!

Предлагаем всем заинтересованным лицам направлять свои материалы в редколлегию для публикации.

Рукописи сдаются в одном экземпляре (печатный и дискета с электронным вариантом) заместителю ответственного редактора С.В.Канныкину лично. Телефон: (4725) 32-19-67.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редколлегия оставляет за собой право редактирования и отбора материалов в печать. Материал для публикации предоставляется на стандартных листах белой бумаги формата А-4 (размер 21х30 см). Текст печатается через 1,5 (компьютерных) интервала (28-30 строк на листе), шрифт Times New Roman – 12. Левое, правое и верхнее поля – 2 см, нижнее – 2,5 см. Длина строки – 60-64 знака, включая пробелы. Библиографические ссылки обязательны и даются в конце статьи. Печатные экземпляры подписываются автором в конце текста статьи, после библиографических ссылок с указанием даты. На последней странице статьи указываются фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, домашний и служебный адреса, контактные телефоны.

Редколлегия

Научное издание

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Выпуск 3

Ответственный редактор З.З.Мухина

Редактор С.В.Канныкин

Корректор Н.М. Кладова
Компьютерная верстка Е.С. Валеев

Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Объём - 13,53 усл. п. л.
Гарнитура School. Тираж 250 экз. Подписано в печать 20.06.08.
Заказ № 179

Издательство культурно-просветительского центра «Роса».
Российское Общество Современных Авторы
309512, Белгородская обл., г. Старый Оскол, а\я 577.
e-mail: 885533@mail.ru <http://art.oskol.info/>

Отпечатано в типографии «Квадрат»